

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК • МОСКВА • ПАРИЖ

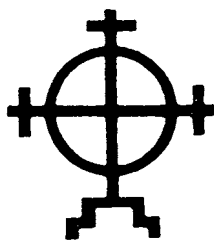
1990 (III) ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД № 51

№ 51 1990 (III)

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК • МОСКВА • ПАРИЖ

1990 (III) ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД № 51

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

- 1978 Журнал, по благословию Русской Православной Церкви за рубежом, был основан протоиереем о. Александром и К. И. Киселевыми, Н. Ф., И. Э., и А. Н. Федоровыми.
- 1978-79 Главный редактор — кн. С. С. Оболенский
- 1980-81 Главный редактор — Г. А. Хомяков
- 1982 Редакция: К. И. Киселева, О. П. Ильинский, З. В. Трифунович (секретарь), М. А. Холодная (главный редактор), Ю. В. Измestьев, Н. Н. Озеров.

Члены редакционного совещания:

В. И. Алексеев (США); З. Е. и Ю. П. Залесские (Франция);
Е. Н. Казанская (Австралия); А. Е. Климов (США);
Н. П. Полтарацкий; Прот. В. Потапов (США);
Г. А. Рар (ФРГ); Свящ. Н. и Н. Г. Семеновы (Франция);
А. Н. Федоров (Франция).

Ответственный редактор № 51 — О. П. Ильинский

Всю переписку, рукописи и подписную плату просим посылать по адресу издательства:

V. Rev. A. KISELEV
Russkoe Vozrozhdenie — St. Seraphim Foundation, Inc.
322 West 108th Street
New York, N.Y. 10025 USA
Tel.: (212) 663-9093

Помещаемые в журнале статьи не обязательно выражают взгляды редакции, считающей, что тема русского возрождения должна обсуждаться возможно более свободно и широко.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Казначей журнала — И. П. Холодный

© 1990 by Russkoe Vozrozhdenie — St. Seraphim Foundation, Inc.
(ISSN 0222-1543)

*Обложка — крест из церкви свв. апостолов Петра и Павла
в Кожевниках (Новгород), 1406 г. —
работы художника А. В. Русака*

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа.

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историко-софской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводимой на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Все, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения — литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и все, что с ними связано и из них вытекает — входит в круг интересов журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Издание субсидируется следующими русскими церковными и общественными организациями:

Академическая Группа в США - Американско-русское просветительное Общество «Родина» - Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей - Тройственный союз казаков Дона, Кубани и Терсека - Западно-Американская и Сан-Франциская Епархия - Кадетское Объединение - Комитет защиты гонимых православных христиан - Комитет объединения русских организаций в Лос Анжелесе - Конгресс русских американцев - Нация Организ Витязей - Национальная Организация русских разведчиков (НОРР) - Организация Российских юных разведчиков - Западно-Американский отдел ОРЮР/НОРС - Общество «Отрада» - Обще-Монархическое Объединение в Монреале - Общество «Икона» в Париже - Православное Братство во имя всех Святых Земли Российской - «Православное Дело» - Русско-Американское просветительное общество в Детройте - Женское общество помощи Австралийской Епархии - Русский центр в Сан-Франциско - Св Серафимовский Фонд - Австралийско-Новозеландская Епархия - Ставропигиальный Св Троицкий Монастырь (Джорданвилль) - Союз русских инженеров - Св -Петропавловский кафедральный собор - Российское национальное объединение в Германии - Братство Святого Креста в Австралии - Общество друзей скита на военном кладбище в Мурмелоне, Франция - Фонд Блаженной Ксении Петербургской. США - Фонд Царя-Мученика - Восточно-Американская и Нью-Йоркская Епархия - «Русский очаг» Аргентина - Толстовский Фонд - Ставропигиальный Храм Памятник Св Кн Владимира, Джаксон, Н Дж - Церковь во имя Преп Сергия Радонежского, Валлей Коттедж, Н Й - Храм Покрова Пресв Богородицы, Скенектали, Н Й - Богоявленская церковь Бостон, Масс - Новое Дивеево Спринг Валлей - Храм Покрова Пресв Богородицы, Найк, Н Й - Церковь Преп Серафима Саровского Си Клиф Н Й - Церковь Св Иоанна Предтечи Вашингтон Д К - Церковь Св Александра Невского Лейквуд (Хавэлл) Н Дж - Успенская Церковь, Ричмонд Хилл Н Й - Благовещенская церковь Флашинг, Н Й - Церковь Преп Серафима, Нью-Йорк Н Й - Представительство русских эмигрантов в Америке - Объединение галлиполийцев в Америке - Попечительство о нуждах Русской Православной Церкви Заграницей - Св Троицкая церковь, Астория - Св Николаевский собор, Сеаттл - Церковь всех святых земли русской, Бурлингем - Церковь свв Петра и Павла, Санта Роза - Церковь преп Серафима Саровского, Монтерей - Церковь св Марка Эфесского, Розлиндел, Масс - Церковь св Симеона Верхотурского, Калистога Калифорния

Этот список будет пополняться по мере выражения желания других русских организаций в нем участвовать.

ОТ РЕДАКЦИИ

Протопресвитер Александр Киселев

О ТРЕХМЕСЯЧНОМ ПРЕБЫВАНИИ В РОССИИ*

Вернувшись в Нью-Йорк я узнал о распространенном пустословии в связи с моей поездкой в Россию. Это вынуждает меня сделать нижеследующее заявление:

I. Мы с женой путешествовали по России как абсолютно частные лица. Я никого и ничто там своей персоной не представлял. Несмотря на это, по прибытии в Москву, я имел честь быть приглашенным на Всероссийский Церковный Собор в качестве гостя Московской Патриархии.

Патриархия всецело заботилась в получении для нас нужного транспорта, гостиниц и всего тому подобного. В тамошних условиях, и при полном отсутствии у нас опыта и знания местных условий, это очень большая помощь, за которую я весьма благодарен Патриархии. Однако, билеты на самолет и все наши расходы по пребыванию в России оплатил я лично сам.

II. Дом, принадлежащий Свято-Серафимовскому Фонду на 108-й улице в Нью-Йорке, еще не продан. Следовательно, денег от его продажи в природе не существует. Несуществующих денег Святейшему Па-

*) Вступительные замечания прочитанные отцом Александром перед тем как он приступил к описанию своего путешествия.

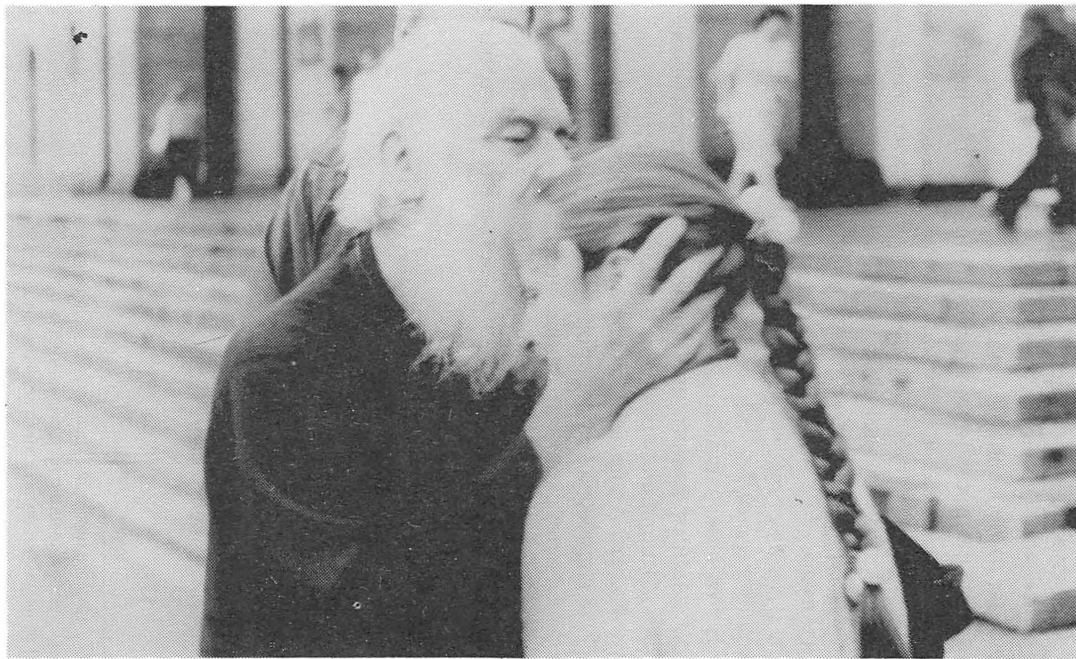
триарху Московскому Алексею я не мог возить и не возил. Однако я считаю, что нам, так называемым «белоэмигрантам», должно все, что можно, отдавать, собирать, посылать, продавать и на эти деньги печатать книги, и всеми силами помогать восстанавливать жизнь бедствующего родного нашего народа.

III. Поручения «агитировать» переходы приходов из Русской Церкви в нашу временную ее часть, то есть зарубежную, в находящийся в эмиграции наш архиерейский Синод, Владыка-Митрополит Виталий мне не давал. Повторю: такого дела — к тому же дела, не приемлемого моей совести, — Владыка-Митрополит мне не поручал.

IV. Ряд последних лет я был и остаюсь клириком Русской Православной Церкви Зарубежом, так же как и лояльным гражданином приютившей меня Америки.

Посчитав своим долгом сделать вышеизложенное заявление, я перейду к тому живому и радостному, что мы с женой вынесли из путешествия по родной земле. Несмотря на множество бед и скорбей, развала, разрухи и обмана, в которых еще так сильно продолжает пребывать отечество наше, несмотря на все это, мы верим, что оно восстанет, ибо жив русский человек в своей драгоценнейшей духовной сущности.

Много существует препятствий к достижению чаямого: двоевластие — столица и власть на местах, экономический тупик, сторонние влияния, беспокойное ожидание дня завтрашнего... Несмотря на все это и многое другое, мы вернулись с твердой уверенностью, что наш народ жив. Что это не какая-то там площадь на географической карте, а мой народ, моя земля, мое прошлое, настоящее и будущее. И неотступно звучат во мне слова известного героя-генерала времен Второй мировой войны, сказавшего: «Россия — наша, прош-

День отъезда.

Отец Александр прощается и целует внучку той, кто — примерно в таком же возрасте — в 1933 году была ученицей приходской школы в первом приходе о. Александра в городе Нарве.

лое России наше и будущее России тоже наше».

Я не сирота и у меня есть отечество!

В русском человеке сохранилась — осознанно или столь часто неосознанно, та его исключительная духовная одаренность, особенность души, которая незнакома и даже чужда другим народам.

Сейчас в России происходит процесс раскрепощения от 70-летнего злейшего духовного крепостничества. Этот процесс требует времени и терпения. Происходит чудо: там заканчивается период советского народа, там вступает в силу осознание себя народом исконно *русским*. *)

Я хотел бы закончить это мое краткое изложение впечатлений от нашего пребывания в России словами покойного первоиерарха Русской Церкви Зарубежом Митрополита Анастасия, который много лет тому назад (1938 год) сказал такие пророческие слова: «Народ, который среди своих страданий не угасил своего светильника и сохранил свои лучшие чаяния, обращенные к вечности, не погиб. Он жив и достоин того, чтобы жить».

*) Нам в эмиграции, если мы не содействуем такому «Воскресению из мертвых» нашего народа, понять происходящее просто невозможно, но не поняв его, мы теряем силу быть русскими.

НАША ЭПОХА*

V.

Теперь нам более понятно, почему развитие научной жизни на Западе пошло путем, уводящим мысль от религиозных идей, — понятно и то, что в ответ на религиозные запросы души, которых ничто не могло окончательно затушить, научно-философская мысль неизбежно пыталась, давая свои ответы, отбросить христианское учение о мире и человеке. Но что же получилось в итоге? Характерным явлением новейшего сознания, донныне еще живым и сильным, надо считать т. наз. **сциентизм** (от лат. слова *scientia* — знание), который не есть простое принятие и признание добытых наукой положений, а есть **вера** в науку — вера страстная, горячая и **нетерпимая** — **со всеми особенностями сектанства**, т.е. фанатическая, не допускающая ни возражений, ни тем более сомнений. Конечно, предметом веры являются не факты сами по себе — они в этом и не нуждаются, — а те широкие обобщения, которые строятся **над** фактами, те заманчивые перспективы, которые будто бы открыты наукой. Но наука, подлинная и точная, всегда скромна, вовсе не претендует на то, что ей доступны все тайны бытия; на это претендуют такие построения, как материализм, позитивизм, эволюционизм и т. д. Но надо очень ясно

*) Продолжение. Начало см. «Р. В.» № 50.

сознать различие между наукой в точном смысле этого слова, — и этими построениями, которые порождены вовсе не наукой, **которая в них и неповинна — они порождаются вне-научными мотивами**, в частности запросами **религиозного** порядка, — ибо там, где выдвигают какой-либо абсолютный принцип, **там мы имеем дело уже с религией**. В этом смысле даже последовательный материализм есть некое «вероучение», ибо материя в нем трактуется, как нечто абсолютное. Лопатин был прав, когда указывал на то, что материализм обосновывает свое учение не на изучении материи, — он всецело основан на **вере** в материю, т.е. на усвоение ей того абсолютного значения, которого она никак не может иметь. Это есть типичное **абсолютирование** текучего, относительного бытия, — совершенно не связанное ни с какими фактами, наблюдениями природы. Смысл такого рода абсолютирования относительного бытия будет, однако, для нас более прозрачным, если мы обратим внимание на то, что оно **становится на место религиозного восприятия мира**.

Конечно, наука не может быть иной, как только свободной, и она вправе выдвигать любые обобщения, гипотезы, которые ей нужны. В известном смысле она вправе обращаться, по ядовитому выражению известного историка материализма Фр. Ланге, в «поэзию понятий», в своеобразную игру ума. Но ничто так не выдает подлинной смысл, истинную задачу в наше время многих из этих обобщений, как то, что они очень быстро **обращаются в оружие против религиозного истолкования мира** и человека. Им начинают верить, как можно верить только Откровению свыше, поклоняются, как если бы они были абсолютной истиной, т.е. придают им значение, **которое можно усваивать только религиозным верованиям**. Вот эта новая функция гипотез и «научно-философского мировоззрения»

и образует из них некую мифологему, призванную в сущности **заменить** религиозное восприятие мира. Это религиозное преклонение перед «научностью», перед «научно-философским мировоззрением» есть чистое «суеверие» научности, истинное *testimonium* нашей духовной *paupertatis*, нашего духовного оскудения, — и Паскаль, пришедший после пережитого им религиозного кризиса к отчетливому сознанию **разнородности** религиозного и научного подхода к бытию, все же остался одиноким и в истории науки и в истории философии. Основное направление научной и философской жизни за последние века сознательно или бессознательно, явно или тайно идет именно к тому, чтобы **заменить** религиозное понимание бытия иным, основанным будто бы на «точных данных», а на самом деле являющимся просто вольным построением, имеющим в виду «освободить сознание» людей от религиозных идей.

Тут, конечно, действовало еще и естественное свойство нашего ума — его тяготение к монизму в построениях. Свойство это законное, и само по себе оно есть источник творческой силы ума, но когда это единство определяется односторонними, неполными основаниями, тогда оно, хотя и не может быть никак и ничем стеснено, но неизбежно приходит в противоречие с вечными истинами Откровения, с принципами христианского миропонимания. И если люди склоняются заранее к безоговорочному признанию того, что исходит от деятелей науки и творцов «научно-философских мировоззрений», то причина этого *prédilection* лежит в общей вере в человеческий разум, в принципе автономии разума, который и вытесняет религиозное восприятие мира. Уже давно господствует убеждение, что разум наш не подчинен ничему, что он подчинен только самому себе, а ему, наоборот, все подчинено

(что и есть принцип «автономии разума»). При этом забывается, что сфера рационального в бытии (рационального в смысле соответствия принципам нашего разума) не выполняет всего бытия. Еще Гете хорошо говорил, что «природа не делится без остатка на разум», т.е. что и в природе есть нечто иррациональное, — тем более это верно в отношении человека, его активности, его исторических путей.

Мифологический туман, обволакивающий построения «научно-философского мировоззрения», закрывает от современных близоруких людей всю бесконечную сферу запредельного и непостижимого; вокруг науки стала давно уже слагаться неподходящая ей **религиозная** установка, стала слагаться «новая вера» — страстная и горячая. Такое абсолютирование научных построений, которые к тому же очень часто живут недолгой жизнью и довольно быстро сменяются одни другими, **извращают самую природу знания**, которое не может идти дальше «феноменального поля», по удачному выражению одного из представителей экзистенциальной школы.

Мы должны понять, что мифологический туман, обволакивающий научные и философские построения, **есть чистая продукция религиозных сил души**, рвущихся к тому, чтобы приобщиться к Абсолютному Началу и не могущих найти этого при вытеснении религиозного миропонимания. Таков основной факт нашего времени, связанный с абсолютированием нашего разума, с безграничной верой в его естественную мощь. Это и есть та исходная ошибка, которая привела к неверному и незаконному противопоставлению разума вере.

Что можно сказать в ответ на претензии «естественного» нашего разума на «автономию», «самодо-

стоверность» и независимость от света, струящегося через веру? Прежде всего мы должны подчеркнуть **ограниченность** нашего разума — и это есть самое важное при уяснении взаимоотношений разума и веры. Ограниченность нашего разума многообразна, и нам нужно войти в беглый анализ этого, чтобы распутать узел, который здесь образовался.

Ограниченность нашего разума создается прежде всего тем, что просто нам дано в порядке «фактов», которых мы не можем ни отбросить, ни ослабить. Кстати, тут же отметим значительную неопределенность в самом понятии «факта», которое только на первый взгляд кажется ясным. Еще Гете мудро заметил, что то, что признается «фактом», «наполовину есть теория», — т.е. в содержании «фактов» есть много привносимого нами. Отсюда и выросло то искание «чистых фактов», которое, начиная с Авенариуса (с его «Критикой чистого опыта») и кончая феноменологической школой, занято точным разграничением в «фактах» того, что нам действительно «дано», и того, что привносится туда нами.

Но ограниченность разума — не только в том, что нам дано, но и в самой структуре разума, и тут прежде всего надлежит напомнить открытие Кантом антиномий в нашем разуме. Не раз отмечалось уже, что антиномий в нашем уме больше, чем это признавал Кант; есть мыслители, склонные считать антиномичность вообще свойством нашего ума (Флоренский, отчасти Булгаков). Но существование антиномий в разуме — независимо от того, много или мало их — свидетельствует именно об **ограниченности** нашего ума. Нельзя тут же не вспомнить и о той критике интеллекта, которую развивали Бергсон, Лосский, Шестов. Но еще важнее то, что впервые с чрезвычайной ясностью показал Франк (в книге «Предмет знания»), а именно, что

построения разума, хотя они, конечно, относятся к какой то сфере реальности, **но относятся не ко всей реальности** — в ее полноте и единстве. Построения разума, действительно, вскрывают перед нами лишь **идеальную сферу** в бытии, как бы идеальный остов ее: идеальное в бытии не есть ведь построение нашего ума, а есть приобщение нашего ума к сфере идей, наличествующих в конкретном бытии. И как «эмпирическая» действительность не есть вся подлинная реальность, а только «феноменальное поле», так и идеальная сфера не есть еще вся подлинная реальность. Реальность по существу и в полноте стоит **за** поверхностью фактов, **за** сферой идей. Подлинная реальность, по удачному выражению Франка, есть «металогическое единство», т.е. единство, которое мы не можем охватить логически силами разума: это есть область «непостижимого» в бытии. Это непостижимое, лежащее в глубине бытия, конечно, пульсирует в фактах эмпирической действительности; оно частично улавливается и в наших идеях, но в своей целостности оно сверхлогично и улавливается нами лишь интуитивно.

Границы нашего разума связаны, наконец, еще с тем, что сила разума есть функция нашего духа в целом и **не может быть отделена от всей жизни духа без того, чтобы не получилось ослабление самого разума**. Конечно, в известной степени работа ума не связана, например, с моральной сферой человека — и тот, кто впал в цинизм, насмехался над добром, сознательно аморален, может быть одновременно человеком «острого ума», как принято выражаться. Это, конечно, так, но только до известной степени — ибо разложение одной сферы духовной жизни неизбежно отравляет другие сферы. Сила умственного зрения не исчерпывается одними логическими выкладками и сопоставлениями, — его основная творческая задача заключает-

ся, как принято говорить, в «умозрении», т.е. в способности вникать в смысл вещей, овладеть диалектическими соотношениями в сфере идей, за поверхностью явлений открывать их закрытую глубину. Эта «зоркость» ума уже не определяется одной четкостью в логических операциях или ясностью в словесных формулировках, — она дается не сразу в процессе творческой работы, но определяется **общей** духовной жизнью, всей внутренней воспламененностью нашего духа. Есть всегда в такой работе ума нечто религиозное — в смысле трепетной устремленности к истине, в смысле бескорыстной отдачи себя тайне бытия. Не раз отмечалось людьми науки состояние умственной работы, как своеобразное священнодействие, некая особая «богослужебная» установка духа. И именно в силу этого розыскание истины **перестает быть по существу делом одного ума**, а есть обращенность **всего духовного нашего состава** к познанию подлинной реальности.

Эта зависимость работы от общей духовной жизни и **есть одно из основных положений христианского учения о познании**. Здесь не место развивать это учение, которое к тому же еще не формулировано в полноте, а дано в истории лишь в фрагментах. Но сейчас нам важно подчеркнуть то положение, которое постоянно развивалось в аскетической литературе — я имею в виду **несоединенность** в нашем духовном мире «зрения ума» и «зрения сердца». Паскаль, наткнувшись на это в своем внутреннем опыте, принял «естественную» (в нашей подчиненности первородному греху) несоединенность ума и сердца за их принципиальную **несоединимость**, что уже неверно. Одна из наиболее глубоких формулировок задачи, которую должно нам решать в нашей духовной жизни, как раз и подчеркивает, что мы должны искать **единства** ума и сердца — этих двух, в нашем нынешнем состоянии отдельных источ-

ников постижений истины. И даже более: рост ума, если он не сопровождается параллельным ростом внутренних духовных сил, т.е. «сердца», легко может привести к **затемнению** ума. Если в сердце не то, что воцаряется гниение, но даже просто если оно не зреет, не расширяется, а остается неподвижно в некой инфантильности, то мы часто, видя, не видим, слыша, не слышим. Вспомним, как Христос в беседе с двумя учениками, шедшими в Эммаус, укорял их «несмысленности и косности» сердца — и это относится как раз к тому, что «косные» сердца не могут дать простор и ясное выражение средствами ума тому, что уже живет в сердце.

Эта зависимость работы ума от глубины и чистоты духовной жизни таит в себе более широкую и важную истину, которую здесь невозможно развивать, о которой мы можем только упомянуть, — а именно то, что истина, доступная нам, исходит от Божественного Логоса — Христа, и следовательно, **проводником ее для нас является Церковь**, — ей одной и дана всецелая истина в обладание. Индивидуальному разуму дано двигаться в путях размышлений лишь под общим воздействием наиндивидуальных (трансцендентальных) начал, — поэтому глубоко был прав кн. С. Трубецкой, когда он выдвинул учение о «соборной» природе нашей мысли. Это собственно есть лишь новая формулировка того, что впервые открыл Кант (а до него еще Платон — см. особенно его диалог «Федон»: здесь с поразительной глубиной раскрыто соотношение эмпирического и неэмпирического материала в познании) о том, что процессы знания не всецело индивидуальны, но в существенных своих моментах определяются надъиндивидуальными (трансцендентальными) функциями. Но соборная природа нашего мышления может быть до

конца понята **лишь в терминах Церкви**: проводником истины в мире является Церковь, которая и есть истинный субъект трансцендентальных функций в познании. Истина в своей полноте доступна не отдельному сознанию и тем менее коллективу (т.е. не определяется по «большинству голосов»), а доступна нам лишь, когда мы в Церкви и с Церковью. На все века является определяющей та формула, которая была принята на первом соборе еще в апостольские времена: «изволися Духу Святому и нам». Это и есть «синергизм», существенный для онтологии познания — истина открывается **людям**, когда они живут **в Св. Духе**.

Не развивая дальше здесь всех этих положений, извлечем, однако из них существенный вывод: сила зрения нашего ума **не является всегда одной и той же**, но зависит в ее глубине и способности охватить суть от **всей** нашей духовной жизни. Это есть **главное, что должно сказать против всякого рационализма**: то, что сейчас нам представляется непостижимым, не укладывается в пределы нашей рациональности, то может оказаться в других условиях уже постижимым и рациональным. Величайший пример такого возрастания силы зрения представляет нам история догмата о Св. Троице: с точки зрения близорукой рациональности это было просто неприемлемо (как это особенно примитивно выразил в свое время Лев Толстой в своей «Критике догматического богословия»), но церковное искание истины, искание ее всей Церковью далось в итоге духовного возрастания, и мы как раз зовем великими учителями Церкви тех, кто, живя глубокой жизнью в Церкви, стали глашатаями истины (Свв. Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский).

Ограниченность нашего разума препобеждается

таким образом на путях духовного возрастания, — но как слепому неясно различие света и тьмы, так и ограниченному разуму недоступно, невместимо то, что может вместить лишь разум просветленный, живущий с Церковью.

Едва ли нужно нам теперь многое добавить, после всего сказанного, чтобы понять неправду сциентизма, т.е. той мифологемы, которая связана с культом научности. В сущности мы имеем здесь дело с упомянутой уже «поэзией понятий», с игрой ума, с работой воображения, а не проникновением в истину. Никто не может запретить людям строить поэтические или непоэтические мифологемы, но когда под видом «научно-философского мирозерцания» предлагается или абсолютирование природы (т.е. отвергается то, что она не от себя, а от Творца) или, наоборот, происходит релятивирование* абсолютного (как ни звучит парадоксально такое словосочетание), т.е. когда отвергается абсолютное начало вообще, строятся сказки о вечности мира вместо принятия глубочайшего учения о творении мира, — когда эти мифологемы предлагаются самоуверенно, как итоги серьезных научных изысканий, тогда вся эта игра ума выступает уже в своем трагическом смысле, ибо в ней нет места «единому на потребу», — т.е. ясному обращению к Богу, как Источнику жизни и истины.

VI.

Вера в науку, в силы естественного разума, принцип автономии разума и независимости его от веры, от Церкви — таково первое и основное убеждение, кото-

*) Что мы находим, например, в чисто психологическом истолковании религиозных переживаний.

рым живет наша эпоха. Она не только любит науку и гордится ею, но на нее возлагает и свои главные упования. Но не одним этим жива наша эпоха, не одним этим определяются ее основные черты, — у нее жива и иная потребность — жить идеалом, потребность осмыслить всю активность какой-то высшей задачей. В этом наша эпоха, конечно, связана глубоко с христианством, с благовестием Царства Божия, с его проповедью братства и любви. Но и в этой области наша эпоха не хотела и не хочет признать себя верной Христу: то самое, что отделило искание истины от верности Церкви, то же отделило и моральные искания от Христа и Церкви и вызвало к жизни очень сложный процесс образования «независимой», «автономной», безрелигиозной морали.

Но скажем сначала о том, как христианство мыслит моральную сферу в человеке. Самое важное здесь то, что христианское моральное учение есть учение **мистическое**, поскольку оно всецело основано на обращенности души к Богу. Это не значит, что христианство не признает моральных движений в человеке вне его отношения ко Христу и Церкви: устами Ап. Павла оно учит, что «дело закона у людей (у всех людей В. З.) написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их» (Римл. 2,15). А Ап. Иоанн Богослов пишет в своем первом послании (I Иоан, 4,20): «не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит». Все это свидетельствует о признании в христианстве «естественной» основы морали, присущей всем людям. Но истинный смысл, внутреннюю правду этого естественного движения к добру впервые раскрывает до конца только христианство в откровении о братстве людей, о нашем богосыновстве, о Царстве Божиим. Откровение о братстве людей, засвидетельствованное словами Спасителя о

том, что то, что мы делаем «одному из Его меньших братьев, то делаем Ему» (Матф. 25,40) состоит в этом **отождествлении Господом людей с Ним**. Во Христе и через Христа мы все братья друг другу, — и наше братство, любовь к людям, как к братьям, есть **любовь ко Христу**. Только во Христе и можно понять, что люди братья друг другу, — ибо вне этого трудно и любить всех людей, и трудно принимать всех, как братьев.

Но то же откровение о нашем братстве друг другу выражено в откровении о нашем богосыновстве, которое тоже осуществляется только во Христе и через Христа. «Тем, кто приняли Христа (как Сына Божия), верующим во имя Его, Он дал власть быть чадами Божиими» (Иоан, 1,12). Всем людям открыта возможность быть «чадами Божиими»; в силу этого наше братство осуществляется не на путях «естественной любви», а на путях богоусыновления. Та «новая заповедь», которую Господь дал своим ученикам, а через них и всему миру: «да любим друг друга», совершенно ведь не вмещается в наше «естество», в нашу природу, которая ограничена в своей способности держать много людей в своем сердце и парализуется нашими «естественными» страстями (завистью, эгоизмом и т.д.). Лишь жизнь во Христе, в Его Церкви преобразует наше сердце, освобождая его от этих страстей, расширяет его, т.е. дает ему силу любить всех, с кем мы встречаемся. Последний смысл идеи братства уясняется в откровении о Царстве Божием: в этом благовестии, которое является центральным в Евангелии, нам дано глядеть в ту полноту обожения и преобразования, которая начинается уже здесь для каждого из нас, но во всей силе и славе явится после второго пришествия Спасителя. В Царстве Божием «нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного», в

нем будет райская радость, ибо будет правда и свет, истина и красота, всех обнимающая. В Царстве Божием не будет ни обижающих, ни обижаемых, ни гордых, ни унижаемых, не будет ни зависти, ни ревности. — ибо Царство Божие есть полнота преобразования всего космоса. В этом благовестии находит и свое выражение и свое осмысление та неутолимая жажда бесконечной жизни, которая лежит в основе нашего духовного бытия, — и если в поврежденной грехом природе все «мучится и стонет» (Римл, 8,22), то в Царстве Божиим будет одна бесконечная радость.

Благовестие Царства Божия увенчает и раскрывает в ее последней основе правду о братстве людей и богосыновстве нашем, ибо Царство Божие есть реальное осуществление и братства и богосыновства. В нашей нынешней жизни Царство Божие «внутри нас» есть, оно берется усилиями духовной жизни, но это и есть вечное в каждом человеке. Истина о каждом человеке заключена не в его характере, не в его поведении или его чувствах, планах и мыслях, истина о каждом человеке связана с его духовной жизнью, с тем, насколько он «восхищает» своими усилиями Царство Божие.

Для моральной жизни христианина основное его вдохновение связано таким образом только с этой устремленностью к Царству Божию; через эту устремленность слабеет все ничтожное, узкое, что заполняет душу, — и закон правды и любви уже не извне зовет нас к себе, но вырастает из недр нашей собственной духовной жизни. В духовной жизни осуществляется таким образом сочетание нашей свободы и благодати Божией: как дети чувствуют себя свободными именно тогда, когда они с родителями, а не тогда, когда они от них отдалены, — так и мы тем свободнее, т.е. тем более

становимся самими собой, чем больше мы живем о Боге. Тайна нашей индивидуальности и вся наша «судьба» раскрываются именно в сочетании нашей свободы и благодатного осенения Божьего: только в Церкви и с Церковью, только через Церковь, через участие в ее таинствах мы находим самих себя, раскрываемся во всей полноте нашего своеобразия. Путь восхождения к Богу («Будьте совершенны, как совершенен ваш Отец небесный») есть путь бесконечности, — и чем мы ближе к Богу, тем полнее раскрывается наша личность, тем больше в нас абсолютности.

Таковы основы моральной жизни в христианстве; вся моральная жизнь в нас христоцентрична, и именно в этом смысле она новая, до Христа миру неведомая. Дело не в одном призыве к любви, к милосердию, к совершенству, что встречается и вне христианства, но именно в христоцентричности всей моральной сферы, в неотделимости моральной жизни от Христа, от Его Церкви.

Но как основы христианского подхода к теме знания заменились в нашу эпоху разграничением области веры и области знания, — так и в сфере морального сознания равно началось разложение христианского взгляда на мораль. Дело началось с дискредитирования аскетизма, на место которого стало выдвигаться учение о том, что все, что «естественно», то и морально. Суровый (идуший от блаж. Августина) взгляд на природу человека делал подозрительными самые чистые движения души, — а с разложением христианского понимания морали началась «реабилитация» человеческого естества. Так как, по естеству, нам свойственна жалость, стыд, чувство долга и т.п., так

как в человеке, по естеству, звучат в совести законы добра, то зачем нужно аскетическое подавление в себе тех или иных движений? Нарождавшемуся новому моральному сознанию, сбрасывавшему с себя суровый, аскетический взгляд на природу человека, **был дорог моральный идеал**, — и чем больше слабело на Западе (по разным причинам) религиозное горение, тем больше в духовном самосознании выдвигалось значение естественного благородства, естественного искания идеала, любви к справедливости и т.п. — все это укрепило новое сознание в его независимости от религии, от церковной традиции. «Героическая мораль» у Дж. Бруно (XVI в.) типично выражает эту **новую функцию моральной жизни**, как опоры духовного самопознания, как основы для самоуважения, веры в себя. Если слабеет, исчезает вера, то человек еще не падает от этого: в нем остается потребность служить идеалу, готовность к жертвам, расцветает моральный идеализм, как некое, хотя и обмирщение религиозного воодушевления, но в то же время, почти адекватная замена его. Мораль начинает все больше цениться, именно как **естественная** функция человеческого духа — это особенно ясно выступает у английских моралистов XVII-XVIII в. Кант в учении об автономии морального сознания только подвел итоги, философски обосновал внерелигиозное понимание морали, — как известно, у него наоборот даже мораль стала онтологической основой религиозной жизни. Поворот на 180 гр.! Отсюда недалеко до того течения в моральной философии, которое ярче и влиятельнее других выразил Руссо в своем учении о «радикальном добре» человеческой природы: вся порча, все грехи происходят только от лжи и искусственности цивилизации, сама же по себе природа человека (*natura pura*) добра, как добры и все естественные движения души, если они не извра-

щаются цивилизацией.

Здесь источники той веры в человека, которая легла в основу теории прогресса, созданной в это же время, здесь же основные стимулы утопического сознания, которое хочет ответить на живущее в сердце ожидание Царства Божия. Но в утопиях ничего не ожидают от помощи Божией, в них все творится самими людьми. Как характерно, что дух утопизма расцветает с небывалой силой как раз в XVIII-XIX в. — это свидетельствует о том, что искание Царства Божия, т.е. воплощения высших идеалов в жизнь продолжает жить в сердцах людей. И если в сознании уже не принимают христианского учения о Царстве Божием, то в утопиях люди находят (хотя и подделку, суррогат), но все же ответ на то, как достигнуть Царства Божия **без Христа**. Эти утопии захватывают, вдохновляют массы, к ним тянутся истомившиеся души, — и люди, зачарованные утопиями, часто идут на самые большие жертвы для того, чтобы хотя будущим поколениям было дано найти радость, обещаемую утопиями.

Утопизм вообще отрывает благовестие Царства Божия от христианства, от Церкви, он делает его всецело имманентным, посясторонним, — и этим отвечает сразу и отрицанию всего трансцендентного и вместе с тем как то питает сердца, жаждущие дела. Мифологический характер утопии ни в чем не выражается так ясно, как в той сентиментальной окраске, с которой рисуется «скачек из царства необходимости в царство свободы».

Но не в одном утопизме выражается «новая мораль», — она с еще большей силой ищет своего оформления в так называемом «гуманизме», который весь пронизан любовью к человеку, полон сочувствия ко всем обиженным жизнью, больным, даже к преступни-

кам. Но это — безрелигиозный гуманизм, который не хочет религиозного обоснования, и не нуждается в нем, — он ищет своей опоры в «естественном благородстве» человеческой души*), вообще в естестве души. Отсюда бесконечная, наивная и пустая, но если угодно трогательная попытка «позитивного» обоснования морали или построения «эволюционной» морали, «утилитаризма» и т.п. Все эти судорожные попытки «научного» обоснования морали лучше всего свидетельствуют об утере прежней, т.е. религиозной основы в морали. Гуманизм, социальный идеализм продолжают жить в христианском обществе, но именно оттого, что они выдвигаются **взамен** христианской веры, взамен веры во Христа и Церковь, они должны искать своего обоснования где то вне религиозной веры. Поскольку в сердце продолжало жить христианское благовестие, в нем были живы и те движения души, которые рождаются от этого благовестия, — в том числе и потребность связать жизнь с идеалом, послужить добру. Душе человеческой, действительно, естественно жить добром и для добра, но это служение не может оставаться без осмысления, без обоснования. Оттого и возникают эти бесконечные попытки построить «позитивную», «эволюционную», «научную» этику. Но все это не только не обосновывает моральной активности, а наоборот, **заостряет** сознание ее беспочвенности. Неудивительно поэтому, что уже с конца XVIII в. начинается общее **разложение** морального сознания, от которого нельзя уже уберечь дехристианизированное человечество. Когда, например, пытаются вывести мораль из себялюбия и эгоизма,

*) С какой убежденностью, трогательной, но и беспомощной это выражено, например, Guyau в его известной книге "La Morale sans obligation ni sanction".

когда доказывают, что путь добра «выгоднее» пути зла или что весь ход развития природы таков, что в нем торжествует творчество над разрушением, то почему все это обязательно для человека? Если нет в добре объективной основы, то неизбежно возникает вопрос об «оправдании» добра, как правильно формулировал это Влад. Соловьев, ибо добро заподозривается как истинный путь жизни, которая фактически больше дает торжества злу, чем добру. Так возникают мотивы **аморализма**, которые все больше крепнут в европейском сознании, ныне уже доходящем часто (напр., в философии экзистенциализма до отчаяния, как это особенно ясно у Сартра). Правда, Сартр поучает нас, что экзистенциализм и есть истинный гуманизм, но кто же ему поверит, кого он убедит? Сочетание в нашу эпоху упорного безверия и горького отчаяния, гордого самоутверждения и растерянности перед «судьбой» (это античное понятие «слепого рока» неизбежно возвращается в души тех, у кого исчезает вера в Промысел Божий), абсолютирование свободы в человека и его жалкая зависимость от случайностей, страстная жажда (хотя бы для себя) правды и добра и бесчеловечная игра с человеческими жизнями у фанатических последователей разных утопий, — как это изобличает коренную болезнь эпохи, ее трагическую безисходность!

Гуманизм был и остается как бы цитаделью современного дехристианизированного сознания, — он ведь питает как раз те лучшие запросы души, которые рождаются из живущей в сердце правды Евангельского благовестия. За гуманизм держится и будет держаться европейское человечество, поскольку оно не окончательно подпало под власть варваризации (как будто неожиданно, а на самом деле неизбежно связанной с дехристианизацией европейских народов). В этом смысле гуманизм является как бы отдушиной для лю-

дей, которые задыхаются в механически истолковываемой природе, в дехристианизированной («нейтральной») культуре. Гуманизм поддерживает надежду, что когда-то наступит реальное братство, осуществится реальная и творческая свобода, — и в эту утопическую перспективу с каким-то надрывом глядит человек нашей эпохи. Это искание правды на земле — в условиях неверия в Бога, неверия во Христа и Его Церковь, — становится все более страстным и фанатическим. И вот что из всего этого получилось: возвышенный идеализм, искание социальной правды (братства, равенства, реальной свободы) переходит в этих путях фанатической преданности утопии — в проповедь классовой борьбы, проповедь ненависти к тем, кто будто бы тормозит осуществление утопии, в беспощадную борьбу с мнимыми врагами, т.е. в убийство людей, вплоть до убийства невинных людей. В неслыханной жестокости последнего времени есть, конечно, много психопатологии, но есть и ожесточение душ, живущих утопией и видящих, что она неосуществима...

Такова трагическая, страшная диалектика современных блужданий морального сознания, оторвавшегося от Христа, от связывания моральной жизни с верой во Христа и Его церковь. Но есть в современности еще одна форма гуманизма, доступная правда немногим, но как будто могущая заменить исчезнувшую мораль, — так наз. **эстетический гуманизм**. К анализу его теперь мы и обратимся.

VII.

Переходя к характеристике эстетического гуманизма, отметим, прежде всего, что уже в начале нашей эпохи искусство приобретает (во всех его формах) новое значение, новую функцию. Конечно, там, где эсте-

тические запросы примитивны и любовь к искусству не подымается выше эстетического гедонизма, т.е. насыщения души простым эстетическим наслаждением, там эта новая функция искусства выступает недостаточно ясно, но там, где искусство имеет значение удовлетворения духовных исканий человека, его новая функция заключается в том, чтобы переживанием красоты (которая всегда есть «воплощение» идеального начала, явление идеи в осязаемой форме), задержать душу в **сем** мире, в сфере посюсторонней, нам имманентной. Это, по существу, есть **пророческая** функция искусства — есть некое предварение Царства Божия, «пришедшего в силе и славе»... Но в условиях секулярной культуры, отрывающей человека от неба, от Первореальности, именно эта сторона искусства особенно идет «на пользу» секулярной культуре.

Эстетический гуманизм занят эстетическим осмыслением, эстетическим истолкованием «естественного благородства» человеческого духа, — и как особое течение он возник в XVIII в. в Германии, — его главными выразителями были Гумбольдт и Шиллер. Возникновение этого течения, уже предполагающего очень устоявшуюся систему секулярной культуры, связано со всей той сложной и богатой жизнью, какой жила Германия в XVIII в. — после тяжких испытаний тридцатилетней войны выходящая на путь интенсивной творческой жизни. Но то, что оформилось впервые в Германии, то соответствовало и всей эпохе, в известном смысле это было *fine fleur*, высшее цветение «нейтральной» культуры. Под покровом, однако, эстетического гуманизма и в это время — да и в сущности и до нашего времени — всегда бился пульс незаглохшей, а только оттесненной в тайники сердца религиозной жизни. И не даром величайшее поэтическое создание XVIII в. — Фауст Гете, по

справедливому замечанию Шпенглера, символически выражает именно христианское начало в Европе, — в том смысле, что человек Европы не может успокоиться в мире конечного, но томится жаждой Бесконечности. Это верно, — но только оформление этой жажды Бесконечного все идет в линиях **сего** мира, посястороннего, имманентного. Религиозные запросы находят в частности в эстетическом гуманизме какой-то суррогат религиозных переживаний и чаяний — и в этом и состояла и ныне состоит задача этой мифологемы. Но в эстетическом гуманизме все же больше близости к религиозной сфере, чем в чистом эстетизме или чистом морализме, — об этом красноречиво свидетельствует тот же немецкий романтизм (Новалис, Фр. Шлегель). Правда, романтическая религиозность неглубока — напомним о той «психологической» интерпретации религиозной сферы, которую развивал Шлейермахер, имевший несомненно пагубное влияние на немецкий протестантизм. Уже в сентиментализме, корни которого восходят к религиозной сфере*), имела место эта «психологизация», — ее продолжал пиэтизм, позднее романтизм. Все же пульс религиозной жизни, хотя бы и ослабленный, здесь чувствуется, — и в этом отношении эстетический гуманизм оказывался как раз в соответствии с этой новой тональностью религиозной жизни.

Основное понятие эстетического гуманизма было развито с особенной силой Шиллером в его «Письмах об эстетическом воспитании», — здесь уже с полной ясностью выступает безрелигиозное истолкование человеческого «естества». И сфера познания и моральная сфера, по Шиллеру, зависят в своем динамизме от

*) См. об этом, напр., интересную работу Wieser'a: Der sentimentale Mensch.

эстетической сферы, — и эта первичность эстетической сферы, по Шиллеру, дает новое понимание духовной жизни человека, его творческой активности. Но для Шиллера характерно и его учение о *schöne Seele*, о внутреннем единстве эстетических и моральных движений в человеке; с другой стороны, в ту же эпоху развивается «философия чувства», культ «непосредственности» (у Якоби), своеобразный психологический «руссоизм», т.е. вера в высшую ценность подлинной «естественности», не заглушенной и не искаженной другими психическими движениями*).

Чтобы оценить смысл и значение этой новой мифологии, призванной утвердить новое культурное самочувствие в отрыве от всего трансцендентного, надо учесть то, что эстетическая сфера в человеке глубже укоренена в подсознании, чем другие формы духовной жизни. Движущую силу эстетических переживаний мы называем «вдохновением» (греки это называли «энтузиазмом», в основе этого слова лежит корень *Theos* — божество), как бы подчеркивая этим, что в эстетических движениях мы глубже своего эмпирического состава. Но именно потому эстетические переживания, не подчиненные прямому контролю ума, особенно легко и поддаются перетолкованию в тонах секуляризма. По истине Данте был бы уже невозможен в XVI — а тем более в XVIII в. — ни его темы, ни подход к темам был бы уже невозможен в общей духовной установке секуляризма. Тут же надо отметить и то особое понятие «свободы», которое сопутствует эстетическим переживаниям, — своеобразие эстетического понятия

*) См. об этом замечательную, к сожалению, незаконченную книгу В. А. Кожевникова «Философия чувства и веры в XVIII в.» (вышел только I-й том), а также книгу Obernauer'a "Der astetische Mensch in deutsch. Literatur".

свободы состоит в том, что здесь все определяется «вдохновением», которое **не знает само в себе ни моральных, ни рациональных ограничений** и потому легко может отрывать нас и от моральности и от разумности. Уже в эпоху итальянского Ренессанса это выступило с достаточной силой, — и нельзя не видеть реакции этому в попытках (сначала в Англии, потом в Германии) развить учение о внутреннем **единстве** моральной и эстетической сферы. Понятие Шиллера “Schöne Seele” было высшей точкой в этом движении.

Все это объясняет нам и возникновение эстетического гуманизма, а главное — его значение, **как суррогата религиозной психологии**, как новой мифологемы, призванной заменить собой прежнюю религиозную установку духа. Можно даже назвать эстетический гуманизм самым удачным суррогатом религиозной жизни, поскольку в нем, действительно, осуществляется сближение эстетической и моральной сферы, поскольку сочетаются в нем моральный и эстетический идеализм и получают свое выражение духовные искания человека. Но вся эта концепция является хрупким, легко распадающимся построением, — и прежде всего в нем тускнеет как раз моральная сторона. Эстетический гуманизм постоянно превращается в «чистый» эстетизм, а затем **в эстетический аморализм**, в то, что Леонтьев удачно назвал «поэзией изящной безнравственности». Уже в немецком иррационализме середины XVIII в., в так назыв. Sturm und Drang Periode это сказалось уже с достаточной ясностью, — кстати тут напомнить и о «Разбойниках» Шиллера, имевших в свое время большой успех. Эстетический гуманизм жив и до сих пор, — и не раз он привлекал к себе ищущие души. Но под покровом изящности может жить ужасающее моральное опустошение, и это все свидетельствует именно о мнимости, нереальности эстети-

ческого гуманизма. Он выдвигает некий миф — чаемую, а не действительную реальность, — и если эстетический гуманизм встречается и ныне, то лишь потому, что при утере религиозной жизни душе нужно все же верить в тот светлый путь жизни, которого жаждет сердце, но для которого уже нет религиозной основы. Именно потому мы найдем напр., эстетический гуманизм у таких людей, как Герцен, в котором с одинаковой силой жил моральный идеализм и искание красоты, или у Глеба Успенского, который в его замечательном рассказе «Выпрямила» (из серии «Записки Тяпушкина») так чудно подчеркнул обновляющее действие художественного восторга. Но в русской же литературе мы находим много суровых и правдивых обличений всей неправды, мнимости претензий эстетического гуманизма. Я имею в виду и Гоголя (см. его повесть «Невский Проспект», где изображена драма художника, жившего в убеждении единства красоты и добра и не выдержавшего фактического их несовпадения) и Толстого («между красотой и добром нет ничего общего», писал он в трактате «Что такое искусство») и, наконец, Достоевского (в речах Дмитрия Карамазова на тему о том, что «красота страшная вещь... тут все берега сходятся»). Эстетическая сфера, действительно, не только имеет свои провалы, извращения, она не только легко засоряется аморальными движениями, — но она вообще не имеет сама в себе никакого сдерживающего, контролирующего начала, кроме непосредственного «чутья». Именно эта слепота чисто эстетического движения говорит за то, что ни одна сфера духовной жизни так не нуждается в постоянном **освящении** и просветлении, как именно сфера эстетической жизни. Связывание эстетической сферы с религиозной жизнью души нужно ей по существу больше, чем другим сферам духовной жизни, — но не

забудем того, что освящающее действие Церкви на эстетическую сферу идет **за порогом сознания** и подлечит нашему контролю лишь в своих итогах, в своем конечном действии.

Вообще ни одна область духа так не чувствительна к общей тональности культуры, как сфера эстетическая, и ни одна область творчества так не страдает от секуляризма, от общего отрыва культуры от Церкви, как именно искусство. Позволю себе отослать читателя к прекрасной книге В. В. Вейдле «Умирание искусства», где это показано на огромном материале. Современное искусство, отрываясь от того единства, которое открывается только в Боге, перестает воплощать в своих созданиях живое единство в человеке, в природе. С другой стороны искусство либо вырождается в искание красивых форм, т.е. движется в линиях эстетического гедонизма, становится неспособным художественно добраться до «смысла» в бытии, в человеке, в природе, — либо оно становится проводником трагического мироощущения, бесплодно застревает в воспроизведении поверхности бытия, не будучи в силах услышать «глаголы вечной жизни».

Если можно признать эстетический гуманизм «наиболее удачным» суррогатом религиозной жизни (ибо в нем же расцветают лучшие движения души), то **все же это только суррогат**. Ему не хватает живого прикосновения к запредельной реальности, не хватает того чувства Бога, которое одно может насытить душу, дать ей полное удовлетворение. Но помимо этого он и сам по себе легко распадается, ибо дает мнимое решение задачи, стоящей перед душой, отошедшей от религии: решение это мнимо потому, что без религиозной скрепы пути эстетических и моральных движений резко расходятся и даже друг друга вытесняют. Начало единства, которое пленяет в замысле эстетического гу-

манизма, может быть найдено лишь **за пределами** и эстетической и моральной сферы. Если наша эпоха так цепляется за эстетику, за культ красоты, то это значит только то, что ни на путях чистого морализма, ни чистого «сциентизма» она не может найти удовлетворения. Но соединить с эстетикой другие формы духовной жизни эстетическому гуманизму не удается — он остается мечтой сознания, а не живой реальностью, программой, которую трудно осуществить. Эстетический гуманизм есть только новый вариант тех мифологических построений, которые выдвигает современная культура, ищущая ответа на религиозные запросы души вне религии.

(Продолжение следует)

ОТКРОВЕННЫЕ РАССКАЗЫ СТРАННИКА ДУХОВНОМУ СВОЕМУ ОТЦУ*

РАССКАЗ СТРАННИКА ПРИ ПЯТОМ СВИДАНИИ.

Прошел уже год со времени последнего свидания со странником, как, наконец, тихий стук в дверь, и молитвенный голос возвестил приход сего благословенного собрата к сердечному удовольствию встретившего его...

— Гряди, возлюбленный брат! Поблагодарим вместе Господа, благословлявшего путь и возврат твой!

— Слава и благодарение Всевышнему Отцу щедрот о всем, что ни устраивает Он по смотрению Своему, — всегда полезному для нас, странников и пришельцев в *«земли чуждей»!* Вот и я, грешник, расставшись с Вами в прошлом году, опять, по милости Божией сподобляюсь видеть и слышать радушный привет Ваш. И, конечно, Вы ожидаете от меня подробного рассказа о святом граде Божиим — Иерусалиме, куда влеклась душа моя и простиралось непреложное намерение мое; но не всегда исполняется то, чего нам хочется. Так случилось и со мной, да и не дивно, ибо мне ли, убогому грешнику, быть удостоену ступить на ту освященную землю, на которой напечатлелись божественные стопы Господа Иисуса Христа?

Вы, батюшка, припомните, что я отправился отсюда в прошлом году с товарищем, глухим старцем, имея письмо Иркутского купца к сыну его в Одессу,

* Продолжение. Начало см. в «Р.В.», № 42 и 44-50.

чтобы отправить меня в Иерусалим. Так мы благополучно и достигли Одессы в непродолжительном времени. Товарищ мой немедленно нанял место на корабле до Константинополя и отправился, а я, оставшись, пошел искать по письму сына Иркутского купца. Скоро нашедши его квартиру, я, к удивлению моему и сожалению, не нашел в живых сего моего благодетеля: три уже недели прошло, как после кратковременной болезни он скончался и его похоронили. Это меня хотя и сильно опечалило, однакож я положился на волю Божию. Все домашние были в горести, вдова умершего, оставшись с тремя маленькими детьми, до того тосковала, что беспрестанно плакала, по несколько раз в день упала и терзалась; казалось, что и ей недолго уже жить от такой глубокой скорби. Однако, при всем этом, она приняла меня ласково; не имея возможности, по их обстоятельствам, отправить в Иерусалим, оставила меня у себя погостить недели две, покауда отец покойного, по обещанию своему, придет сюда в Одессу для распоряжения, счета и устройства торговых дел осиротевшего семейства. Так я и остался.

Живу неделю, месяц и другой: но вместо приезда купец прислал письмо, в котором извещает, что он по обстоятельствам своим приехать к ним не может, а советует сделать счет приказчикам и всем им немедленно отправиться к нему в Иркутск. Начались сборы и хлопоты, и, как я заметил, что им уже не до меня, то, поблагодарив за страннопрятие и распростившись с ними, пошел опять странствовать по России...

Думал, думал: куда мне теперь идти? И, наконец, основался на той мысли, чтобы прежде пойти в Киев, где я уже много лет не был. Так и пошел...

Конечно, хотя вначале и скорбел о том, что не исполнилось мое желание быть в Иерусалиме, но ведь

это же не без промысла Божия, — размышлял я, — и успокаивался тем упованием, что человеколюбивый Господь примет и намерение, яко дело, и не оставит убогий путь мой без назидания и душевной пользы...

Оно так и вышло, ибо встречался с такими людьми, кои открывали мне многое для меня неведомое, и просвещали темную душу мою во спасение... Если бы я не был направлен на сей путь необходимостью, то не встретил бы сих душевных моих благодетелей.

Итак, днем я шел с молитвою, а вечером, останавливаясь для ночлега, читал мое «Добротолубие» для подкрепления и возбуждения души моей в борьбе с невидимыми врагами спасения.

Наконец, отошедши от Одессы верст 70-т, я встретил чудное происшествие: ехал большой обоз с товарами — подвод 30-ть, и я их нагнал. Один передовой извозчик, как вожатый, шел при своей лошади, а прочие, собравшись в кучу, шли поодаль. Надо было проходить мимо проточного пруда, в котором взломанный весенний лед крутился и расплывался с водою по окружности с страшным шумом. Вдруг передний молодой извозчик остановил свою лошадь, а за ним должен был и весь обоз остановиться. К нему подбежали все извозчики и видят, что остановившийся стал раздеваться. Его спросили, для чего он раздевается. И получили ответ, что ему очень хочется купаться в пруде. Удивленные извозчики — кто начал над ним смеяться, кто бранить, называя его безумным, а старший, родной брат раздевавшегося извозчика, начал препятствовать ему и толкать, чтобы он ехал. Тот оборонялся и никак не хотел послушаться. Некоторые из молодых извозчиков для шутки начали ведерками, из которых поят лошадей, черпать из пруда воду и плескать на желавшего купаться — кто ему на голову, кто за ворот,

говоря: «вот мы тебя выкупаем». Лишь только коснулась его тела вода, он вскрикнул: «ах, как хорошо!» и сел на землю, на него еще плескали; потом вскоре он лег и тут же спокойно умер. Все испугались, не понимая, отчего сие случилось. Старшие хлопотали и говорили о том, что надо о сем объявить суду, а прочие заключали, что ему на роду такая смерть написана.

Постоявши около них с час, я пошел далее. Отошедши верст пять, я увидел село на большой дороге и, вступив в оное, встретил старичка священника, шедшего по улице. Мне вздумалось сказать ему о виденном происшествии и услышать его о сем рассуждении. Священник взял меня к себе, и я, рассказавши ему, что видел, просил его объяснить мне причину, по которой случилось это происшествие...

— Не умею ничего сказать тебе на сие, любезный брат, как разве то, что есть в природе много чудесного и непонятого для нашего ума. Это, как я думаю, устроено Богом для того, чтобы яснее показать человеку правление и промысл Божий о природе в неестественных и непосредственных изменениях ее законов при известных случаях... Мне самому однажды случилось быть свидетелем подобного же происшествия: недалеко от нашего села есть весьма глубокий обрывистый овраг, хотя и не широкий, но глубиною сажень в 10-ть или более; даже страшно посмотреть на темное дно его. Для пешеходов устроен чрез него кое-как мостик. Крестьянин моего прихода, семейный человек и хорошего поведения, вдруг ни с чего почувствовал непреодолимое желание кинуться с того мостика в оный глубокий ров. Целую неделю боролся он с этою мыслию и стремлением; наконец, не могши более выдерживать сего сильного побуждения, он, вставши поутру, поспешно ушел и прыгнул в ров. Вскоре,

услышав стон, с трудом вынесли его из рва с переломанными ногами. Когда спрашивали о причине его падения, от отвечал, что хотя теперь и чувствует сильную боль, но в душе спокоен, что выполнил свое непреодолимое влечение, которое всю неделю так его возбуждало, что он готов был жизнь свою отдать, только чтобы исполнить свое желание. Больше года он лечился в городской больнице; я посещал его и нередко, видя около него врачей, хотел бы так же, как и ты, услышать от них о причине сего случая. Врачи единогласно ответили мне, что то был «раж»... Когда я просил по науке объяснить мне, что это такое и вследствие чего он постигает человека, я более ничего от них не услышал, как то, что это тайна природы, еще неоткрытая наукою... А я им с своей стороны заметил, что если бы при сей тайне природы человек обращался к Богу с молитвой, да открыл бы добрым людям, то и непреодолимый по вашему «раж» не достиг бы своей цели. Подлинно в жизни нашей человеческой много встреч, не подлежащих ясному уразумению...

Покуда мы так беседовали, сделалось темно, и я остался здесь ночевать. Поутру прислал становой своего писаря, чтобы позволено было похоронить умершего на кладбище, и что лекарь при анатомировании тела никаких признаков умопомешательства не нашел, а относит смерть его к внезапному удару.

— Вот смотри, сказал мне священник, — и медицина не могла определить причины неудержимого влечения его к воде.

Итак, простясь со священником, я пошел дальше.

Путешествуя несколько дней и довольно утомясь, пришел я в большое торговое местечко, называемое «Белая Церковь». Как уже было к вечеру, то я и стал искать себе ночлега. На самом базаре встретился мне

человек, похожий тоже на путешественника, спрашивающего по лавкам, где находится дом какого-то обывателя. Увидев меня, он подошел, да и говорит: «Видно, что и ты странник, так пойдем же вместе, найдем здешнего мещанина по фамилии Евреинова; он добрый христианин, держит богатый постоянный двор и любит принимать странников; вот у меня о нем и записка»... Я с радостью согласился, и мы скоро отыскали его квартиру. Хотя не застали самого хозяина дома, но жена его, добрая старушка, приняла нас ласково и отвела нам для успокоения на чердаке уединенную особую светелку. Мы, расположившись, немного отдохнули; пришел хозяин и пригласил нас к себе ужинать. За ужином мы разговорились, кто, откуда и как-то дошло слово до того, почему он называется Евреиновым. — «Я расскажу вам замечательный о сем случай», ответил он и начал свое повествование. «Вот, видите, отец мой был еврей, уроженец города Шклова и был ненавистник христиан. С самых молодых лет он готовился быть раввином и прилежно изучал все еврейские сплетни для опровержения христианства. Однажды случилось ему проходить через христианское кладбище; там он увидел человеческий череп с обеими челюстями (в коих находились обезображенные зубы), извлеченный должно быть из недавно выкопанной могилы. Он, по ожесточению своему, начал насмехаться над сим черепом: плевал на него, ругал и попирал ногами; не удовлетворившись этим, взял его и вонзил на кол, подобно как надевают кости животных для прогнания хищных птиц. Натешившись таким образом, он пошел в свое место. В следующую же ночь, лишь только он заснул, вдруг предстал пред ним неизвестный ему человек и наступательно укорял его, говоря: «Как ты смел надругаться над бренными останками костей моих? Я христианин, а ты враг Христов!» По

несколько раз в ночь повторялось сие видение и лишало его сна и покоя. Потом уже и днем начало мелькать перед ним оное видение и слышаться эхо укорительного голоса. Чем время шло дальше, тем видение повторялось чаще; наконец, начавши чувствовать уныние, страх и изнеможение сил, он прибег к своим раввинам, которые и читали над ним молитвы и заклинания, но видение не только его не оставляло, но повторялось еще чаще и наступательнее. И как такое его положение сделалось гласным, то, узнав о сем, знакомый ему по торговым делам христианин, начал ему советовать, чтобы он принял христианскую веру и убеждал его тем, что кроме сего ничем иным избавиться не может от беспокоящего его видения. Еврею хотя и очень сего не хотелось, однако он сделал такой отзыв: «Я бы рад что хочешь сделать, только бы избавиться от мучительного и невыносимого видения». Христианин обрадовался сим словам, уговорил его подать прошение местному епископу о крещении его и присоединении к христианской Церкви. Написали прошение и еврей, хотя и неохотно, но подписал оное. И вот, с этой минуты, как было подписано прошение, видение прекратилось и никогда уже не беспокоило. Он чрезвычайно сему обрадовался и, совершенно успокоившись, ощутил такую пламенную веру в Иисуса Христа, что, немедленно отправясь к епископу, рассказал ему происшествие и объявил сердечное желание креститься. С усердием и быстрым успехом изучив догматы христианской веры и окрестясь, он выехал на житье в сие место, женился здесь на моей матери, доброй христианке, и проводил благочестивую жизнь в довольстве; был щедроподателен бедным, чему подучил и меня, и пред кончиною оставил мне о сем заповедь и благословение. Вот почему я прозываюсь Евреиновым!»

С благоговением и умилением выслушал я рассказ сей, да и подумал сам в себе: Боже мой! Сколь милосерд Господь наш Иисус Христос и как велика любовь Его! Какими различными путями привлекает Он к Себе грешников и как премудро обращает маловажные случаи в руководство к великим делам! Кто бы мог предвидеть, что баловство еврея над мертвою костью послужит ему к истинному познанию Иисуса Христа и будет руководством к благочестивой жизни.

По окончании ужина, поблагодарив Бога и хозяина, пошли мы в свою светелку на покой. Спать еще не хотелось и мы с товарищем разговорились. Он объявил мне, что он Могилевский купец, жил два года в Бессарабии послушником в одном из тамошних монастырей, но токмо по срочному паспорту, и теперь идет на родину за тем, чтобы получить от купеческого общества вечное увольнение к монашеству. Хвалил мне тамошние монастыри, их устав и порядки, и строгую жизнь многих благочестивых старцев, там обитающих, и уверял, что Бессарабские монастыри против русских, как небо от земли. Подбивал и меня туда же. В это время, как мы занимались сими разговорами, привели к нам и еще третьего ночлежника, это был унтер-офицер, уволенный из армии на время, и шел в домовой отпуск. Мы видели, что он очень утомился от дороги. Помолившись вместе Богу, да и легли спать. Вставши рано поутру, мы начали собираться в путь. И лишь только хотели идти поблагодарить хозяина, вдруг слышали благовест к утрени. Мы с купцом стали рассуждать: как же мы пойдем, слышавши благовест и не побывавши в церкви Божией? Лучше отстоим заутреню, помолившись в св. храме, и тогда и унтера позвали с собой. А он нам и говорит: «Какое в дороге богомолье, да и что за прибыль Богу, что мы побываем в

церкви? Вот придем домой, так там помолимся! Ступайте коли хотите вы, а я не пойду. В это время, покуда вы у заутрени простоите, я уйду верст на пять вперед, а домой поскорей хочется»... На сие купец сказал ему: «Смотри, брат, не загадывай вперед, как Бог приведет!»

Итак, мы пошли в церковь, а унтер — в дорогу. Отстоявши утреню (тут же была и ранняя), мы возвратились в свою светелку и начали приправлять свои сумочки. Глядим: хозяйка принесла нам самовар, да и говорит: «Куда это вы? Вот напейтесь чайку, да пообедайте у нас; пустим ли мы вас голодных»? Так мы и остались. Не прошло и полчаса, как мы сидели за самоваром, вдруг вбегает к нам наш унтер-офицер, весь запыхавшись.

— Я пришел к вам с горестью и радостью.

— Что такое? спросили мы его.

— А вот что! Как я с вами простился да пошел, мне вздумалось зайти в корчму разменять ассигнацию на мелкие, да и водочки выпить, чтобы легче идти. Зашедши, разменял я деньги, да и полетел, как сокол, в путь. Отошедши версты три, мне захотелось посчитать деньги, так ли сдал корчмарь. Я сел к сторонке, вынул свой бумажник, перечел, и все так. Вдруг хватился тут же лежавшего моего паспорта, а его как не бывало; одни записки, да деньги. Так я испугался, словно голову потерял. Да и смекнул делом-то: конечно, я оборонил его тогда, когда в корчме рассчитывался. Нужно бежать назад. Бегу, бегу, и опять горе возьмет: ну, как его там нет! Беда мне будет! Прибежавши, спрашиваю у корчмаря, а он и говорит: «Я не видал». Опять меня взяла печаль. Нутко я искать, да шнырять по тем местам, где я стоял, да толокся. И что же? По счастью моему нашел мой паспорт, как он был свернут, так и валялся между соломой и сором на полу, весь затоптанный в

грязи. Слава Богу! обрадовался я; словно гора с плеч свалилась! Хотя за неопрятство да за маранье грязью по зубам то отвозят, да это ничего, по крайней мере и домой то, и обратно приду с глазами. А к вам то я зашел, чтобы сказать вам об этом, да еще, в страхе то бежавши, так стер ногу, до живого мяса, что и идти никак нельзя, и для сего попросить сала, чтобы привязать к ране.

— То-то и есть, брат! Это тебе за то, что не послушался и не пошел с нами помолиться — начал говорить купец. — Вот ты хотел далеко вперед нас уйти, а напротив к нам же воротился, да еще и охромел. Я тебе говорил, что не загадывай вперед, вот оно так и вышло! Да мало того, что не пошел в церковь, а еще говорил такие слова: «Что за корысть Богу, что мы будем молиться». Это, брат, нехорошо... Конечно, Бог не нуждается в нашей грешной молитве, однако, по любви Своей к нам, любит, когда мы молимся. И не только священная молитва, которую Сам Дух Святой способствует приносить и возбуждает в нас, Ему приятна, ибо Он сего от нас требует, заповедуя: «Будите во Мне и Аз в вас», но ценно пред Ним даже и каждое, по видимости, малое дело, для Него сделанное, каждое намерение, побуждение и даже мысль, направленная к славе Его и ко спасению нашему. За все сие беспредельное милосердие Божие награждает щедро. Любовь Божия воздает благоденствиями тысячекратно более, нежели сего достойно деяние человеческое; если ты сделаешь для Бога на ничтожную лепту, то Он воздаст тебе златицею. Если ты только вознамеришься пойти к Отцу, то Он уже выходит к тебе навстречу. Ты кратким и сухим словом скажешь: «Приими мя! Помилуй мя!» А Он уже объемлет выю твою и лобызает тебя. Вот какова любовь Отца Небесного к нам

недостойным! И по сей только любви Он радуется и о каждом и малейшем спасительном движении нашем. Тебе представляется: какая слава из того Господу и для тебя польза, если ты немного помолишься, а потом опять развлечешься, или хотя и сделаешь какое-нибудь маловажное доброе дело, например прочтешь какую-либо молитву, положишь пять или десять поклонов; вздохнешь от сердца и призовешь имя Иисуса Христа, или заметишь какую-либо добрую мысль, или расположишься прочесть что-либо душеспасительное, или выдержишься от пищи, или перенесешь малую обиду в молчании... Все это представляется тебе недостаточным к совершенному твоему спасению и как бы бесплодным деланием. Нет! каждое из сих малых деяний не пропадает втуне, будет изочтено всевидящим Оком Божиим и получит сторичную награду не токмо в вечности, но и в сей жизни. Это утверждает и св. Иоанн Златоустый. «Никакое добро, говорит он, как бы маловажно ни было, не будет пренебрежено Судиею праведным. Если грехи исследываются с такою подробностью, что мы дадим ответ за слова, за желания и за помышления, то кольми паче добрые дела, сколь бы они малы ни были, изочтены будут с особенною подробностью и вменяются нам в заслугу пред любвеобильным нашим Судиею».

Я представлю тебе пример, мною самим виденный в прошлом году. В Бессарабском монастыре, где я жил, был старец-монах хорошей жизни. Однажды напало на него искушение, — очень захотелось ему сушеной рыбы. И как в монастыре в это время достать было нельзя, то он намеревался пойти на базар и купить... Долго боролся он с этою мыслию и рассуждал, что инок должен довольствоваться общею братскою пищею и всемерно удаляться от сластолюбия, да и по

базару среди толпы людей ходить также монаху соблазнительно и неприлично. Наконец, вражеский навет взял верх над его рассуждением, и он, предавшись своеволию, решился и пошел за рыбой. Вышел из обители и идя по городской улице, он заметил, что у него в руках нет четок, и начал размышлять: «Как же я пойду, как воин без меча? Это неприлично, да и мирские люди, встречаясь, будут осуждать меня и соблазняться, видя монаха без четок.» Хотел он вернуться, чтобы взять их, но, посмотрев в карманах, нашел их тут. Вынул, перекрестился, надел на руку и пошел спокойно. Подходя уже к базару, увидел он у лавок стоявшую лошадь с большим возом огромных кадок. Вдруг эта лошадь, чего-то испугавшись, кинулась бежать из всей мочи и бить копытами; наскочила на него и, задев за плечо, повергнула его на землю, хотя и не очень ушибла. Вслед за сим, шагах в двух от него, этот воз опрокинулся и телега разлетелась вдребезги. Скоро вставши, он конечно испугался, но вместе и удивился, как Бог сохранил жизнь его, ибо если бы одною малою секундою воз упал прежде, то и он был бы расшиблен вдребезги, как и телега. Не размышляя о сем далее, он купил рыбы, возвратился, покушал и, помолясь, лег уснуть... В тонком сне явился пред ним какой-то неизвестный ему благолепный старец и говорит: «Слушай, я покровитель сей обители и хочу вразумить тебя, чтобы ты понял и помнил урок, данный тебе ныне... Вот смотри: слабая твоя борьба с чувственным услаждением и лень к упражнению в самопонимании и самоотвержении, дали удобство врагу приступить к тебе и он приутожил было для тебя сей погибельный случай, разразившийся пред твоими глазами. Но Ангел твой хранитель предусмотрел сие, внушил тебе мысль сотворить молитву, вспомнить о четках, и как ты внял

сему внушению, послушался и выразил его на самом деле, то сие самое и спасло тебя от смерти. Видишь ли человеколюбие Божие и щедрое Его воздаяние и за малое к Нему обращение?» Сказавши сие, явившийся старец поспешно пошел из келлии, а монах поклонился ему в ноги и с сим пробудился, ощутив себя уже не на одре, а коленопреклоненно простертым у порога двери. Сие видение он тут же рассказал на пользу душевную многим, в том числе и мне.

Подлинно беспредельна любовь Божия к нам, грешным! Не удивительно ли сие, что за такое малейшее дело, за то, что вынул из кармана четки и надел на руку и призвал один раз имя Божие, за сие малое дана жизнь человеку! И на весах судьбы человеческой одна краткая минута призывания Иисуса Христа перевесила многие часы, истощенные в лености... Поистине воздано здесь за малую лепту — златицею... Видишь ли, брат, как сильна молитва, и как могущественно имя Иисуса Христа, призываемое нами! Св. Иоанн Карпафийский в книге «Добротолюбие» говорит, что когда мы в молитве Иисусовой призываем имя Иисусово и говорим: «Помилуй мя, грешного», то на каждое такое прошение ответствует тайный глас Божий: «Чадо, отпускаются тебе грехи твои»... И он же продолжает, что в тот час, когда мы говорим молитву, то ничем не различествуем от святых, преподобных и мучеников, ибо, как говорит и св. Златоуст, «Молитва, хотя бы произносилась от нас, преисполненных грехами, тотчас очищает» (сл. мол. 2). Великое милосердие Божие к нам, а мы то, грешные и нерадивые, не хотим и малого часа отдать ему на благодарение и меняем время молитвы, которая всего важнее, на житейские хлопоты и заботы, забывая Бога и свой долг! За то нередко подвергаемся бедам и напастям, но и сие ко

вразумлению нашему и к обращению к Богу определяет любвеобильный промысл Божий.»

Как кончил купец свою беседу с унтером, я ему и говорю: — Ну, почтенный, как ты усладил и мою грешную душу, так тебе и поклонился в ноги. Услышав сие, он начал и со мной говорить. «А видно ты охотник до духовных повестей? Постой же, я сейчас прочту тебе подобное тому, что я рассказывал. Вот со мной есть дорожная книжка, называемая «Агапий» или «Грешных спасение.» В ней много чудесных происшествий.»

Он вынул из кармана книжку, да и стал читать прекрасную повесть о каком-то благочестивом Агафоники, который был с детства приучен благочестивыми родителями каждый день непременно прочитывать перед иконою Божией Матери «Богородице Дево, радуйся», и проч. Это он исполнял каждодневно. Потом, пришедши в совершенный возраст, стал жить сам по себе и, осуетившись заботами и хлопотами житейскими, редко уже читал сказанную молитву, а наконец и вовсе оставил. В один вечер он принял к себе переночевать странника, который объявил ему, что он пустынный из Фиваиды и видел видение, чтобы пойти к Агафонику и упрекнуть его за оставление молитвы Божией Матери. Агафоник представлял причину оставления ту, что он много лет читал сию молитву и не видел никакой пользы. Тогда пустынный сказал ему: «Вспомни, слепой и неблагодарный, сколько раз помогала тебе молитва сия и избавляла от бедствий? Вспомни, как в отрочестве ты чудно спасен был от потопления! Помнишь ли, как повальная заразительная болезнь многих соседей твоих свела во гроб, а ты остался цел! Помнишь ли, как ты, ехавши с товарищем, упал вместе с ним с повозки? Он переломил ногу, а ты ничего не потерпел. Не знаешь ли, что известный тебе бывший здоровый молодой человек ныне лежит в рас-

слаблении, а ты здоров и не чувствуешь страдания?» И еще многое напомнивши Агафонику, наконец сказал: «Знай, что все таковые случаи отвращены от тебя покровительством Пресвятыя Богородицы за краткую молитву, которою ты каждодневно возбуждал свою душу к соединению с Богом... Смотри же, продолжай впредь и не оставляй сею молитвою прославлять Царицу Небесную, доколе не оставлен Ею.»

По окончании сего чтения позвали нас обедать, и мы, подкрепившись и поблагодаривши хозяина, отправились в путь и разошлись каждый в свою сторону, кому куда было надобно.

После сего шел я дней пять, утешаясь воспоминанием рассказов, которые слышал от благочестивого купца из Белой Церкви; потом стал уже подходить к Киеву, как вдруг ни с чего почувствовал какую-то тяжесть, расслабление и мрачные мысли; молитва шла с трудом, напало какое то разлечение. Итак, чтобы отдохнуть, увидевши по стороне дороги лесок и густой кустарник, пошел туда, чтобы где-нибудь сесть за уединенным кустом и почитать «Добротолюбие» для подкрепления ослабевшей души и успокоения моего малодушия. Найдя безмолвное местечко, я начал читать преп. Кассиана Римлянина, в 4 части «Добротолюбия» о восьми помыслах. Почитавши с полчаса с отрадою, я неожиданно увидел сажень в 50-ти от себя, в глубине леса, человека, который неподвижно стоял на коленях. Я порадовался сему, подумав, что, конечно, он молится Богу, и опять начал читать. Почитавши с час или более, я опять взглянул на этого человека, и он все также неподвижно стоял на коленях. Мне это стало очень умилительно и я подумал, — вот какие есть благочестивые рабы Божии. — Пока я размышлял о сем, вдруг этот человек упал на землю и лежал смирно. Это меня удивило и, как я не видал его в лицо, ибо он

стоял на коленях ко мне задом, меня и взяло любопытство пойти и посмотреть, какой это человек. Подошедши, я нашел его в тонком сне. Это был деревенский парень лет 25-ти, чистый лицом и благообразный, но бледный собой, в крестьянском кафтане, подпоясанный мочальной веревкой, и больше при нем ничего не было — ни котомки, ни даже посошка. Услышавши шорох моего прихода, он проснулся и встал. Я спросил его, кто он такой. Он сказал мне, что он государственный крестьянин Смоленской губернии, идущий из Киева.

— Куда же ты теперь путешествуешь? — спросил я.

— И сам не знаю, — ответил он: «Куда Бог приведет.»

— Давно ли ты из двора?

— Да, уж пятый год.

— Где же ты проживал это время?

— Ходил по разным святым местам, по монастырям, да по церквам, ибо дома-то жить не у чего: я безродный сирота, да к тому же у меня нога хрома, так я и скитаюсь по белу свету!

— Видно богоугодный какой-нибудь человек научил ходить-то тебя не просто по миру, а по святым местам, — сказал я ему.

— Вот видишь ли, — ответил он: я с малолетства, по сиротству моему, ходил по пастухам в нашем селе и лет 10-ть все было благополучно. Наконец, однажды, пригнав стадо домой, я не догадался, что нет старостинной самой лучшей овцы. А староста наш был злой и бесчеловечный мужик. Как он пришел по вечеру домой, да увидел, что овцы то его нет, прибежал ко мне, стал меня ругать и грозить, чтобы я пошел и сыскал его овцу, а то сулился: «Изобью тебя до смерти, руки и ноги перелломаю.» Зная, что он такой злой, я пошел за

овцой по тем местам, где пас стадо днем. Искал, искал, искал далее полуночи, но нигде и слуху нет. Ночь была такая темная, ибо время было под осень. Как зашел я в самую глубь леса, а леса по нашей губернии непроходимые, вдруг поднялась буря. Словно деревья все зашатались! Вдали завывали волки, и на меня напал такой страх, что волосы стали дыбом; что дальше, то становилось ужаснее и пришло хоть упасть от страха и ужаса. Вот я и пал на колени, перекрестился, да из всех сил и сказал: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя.» Только что я сказал это, вдруг стало легко мне, как будто никакой скорби и не бывало, и робость вся прошла, а на сердце-то так почувствовал хорошо, как будто бы на небеса взлетел... Я обрадовался сему, да нутко беспрестанно говорить сию молитву. И уже не помню, долго ли была буря, и как ночь прошла, а гляжу — уже настал и белый день, а я все стою на одном месте на коленях. Вот я встал спокойно, вижу, что не найти мне овцы, так и пошел домой, а на сердце-то у меня все хорошо и молитву-то говорить так и хочется. Как только пришел я в село, то староста, увидев, что я овцы не привел, избил меня до полусмерти; вот и ногу тогда он вывихнул. Так я после сих побоев шесть недель и лежал почти недвижимый, только и знал, что творил молитву, и она меня утешала. Потом я маленько поправился, да и стал ходить по миру; а как мне между народом беспрестанно толкаться показалось скучно, да и много греха, то я и пошел странствовать по святым местам, да по лесам. Вот так и хожу теперь пятый год.

Слушая сие, я радовался душою, что Господь сподобил меня увидеть такого благодатного человека, да и спросил его: «Так и ныне ты часто занимаешься тою молитвою?»

— Да нельзя без того и быть, — ответил он, если

только вспомню, как было мне хорошо в лесу то, так словно кто-нибудь толкнет меня на колени, и я стану молиться... Не знаю, угодна ли моя грешная молитва, ибо, помолясь, чувствую иногда великую радость, и сам не знаю отчего, легкость и веселое успокоение, а иногда тягость, скуку и уныние; но при всем том всегда до смерти молиться все хочется.

— Не смущайся, любезный брат: все благоугодно Богу и все спасительно, что бы ни последовало во время молитвы, говорят Св. Отцы, легкость ли, тяжесть ли — все хорошо; никакая молитва, ни хорошая, ни худая, не пропадает пред Богом. Легкость, теплота и сладость показывают, что Бог награждает и утешает за сей подвиг, а тягость, мрачность, сухость означают, что Бог очищает и укрепляет душу и сим полезным терпением спасает ее, приуготовляя со смирением ко вкушению будущей благодатной сладости. Вот в доказательство сего я прочту тебе из св. Иоанна Лествичника.

Я отыскал тут сию статью и прочел ему. Он выслушал со вниманием и удовольствием и очень благодарил меня за оное. Итак мы простились. Он пошел целиком в глубь леса, а я, вышедши на дорогу, продолжал путь мой, благодаря Бога, сподобившего меня, грешного, получить таковое назидание.

На другой день, с помощью Божией, пришел я в Киев. Первое и главное желание мое было, чтобы поговорить, исповедаться и причаститься Св. Таин Христовых в сем благодатном месте, а потому я и остановился поближе к угодникам Божиим, дабы удобнее было ходить в храм Божий. Меня принял в свою хижину добрый старый казак, и, как он жил одиноко, мне у него было спокойно и безмолвно. В продолжение недели, в которую я готовился к исповеди, мне пришла

мысль, чтобы как можно подробней исповедаться. Я и начал от юности моей вспоминать и перебирать все мои грехи в самой подробности, чтобы все это не забыть; я начал все, что вспомню, записывать до самых даже мелочей и написал большой лист. Услышал я, что за 7 верст от Киева в Китаевой Пустыне есть духовник подвижнической жизни и весьма мудрый и благоразумный, — кто ни побывает у него на духу, приходит в чувство умиления и возвращается со спасительным наставлением и легкостью в душе. Сие очень меня порадовало и я немедленно пошел к нему. Посоветовавшись и побеседовавши, я подал ему свой листок на рассмотрение. Прочитавши оный, он сказал мне: «Ты, любезный друг, написал много пустого. Выслушай: 1) не должно на исповеди произносить тех грехов, в коих ты прежде каялся и был разрешен и не повторял их, а иначе это будет неверчивость к силе таинства исповедания; 2) не должно вспоминать других лиц, соприкосновенных к грехам твоим, а только себя осуждать; 3) св. Отцы запрещают произносить грехи со всеми околичностями, а признаваться в них вообще, дабы частным разбором оных не возбуждать соблазна в себе и в духовнике; 4) ты пришел каяться, а не каешься в том, что не умеешь каяться, т.е. хладно и небрежно приносишь покаяние; 5) мелочи ты все перечел, а самое главное опустил из вида, — не объявил самых тяжких грехов, не сознал и не записал, что *ты не любишь Бога, ненавидишь ближнего, не веруешь слову Божию и преисполнен гордостью и честолюбием*. В сих четырех грехах вмещается вся бездна зла и все наше душевное развращение. Они суть главные корни, от коих происходят все отростки наших грехопадений.»

Услышавши это, я удивился, да и начал говорить: «Помилуйте, преподобный батюшка, как же можно не

любить Бога, Создателя и Покровителя нашего! Чему же и верить, как не слову Божию, — в нем все истинно и свято. А каждому ближнему я желаю добра; да и за что же мне его ненавидеть? Гордиться же мне нечем: кроме бесчисленных грехов моих, я ничего похвально-го не имею. И куда мне по моей бедности и хворости сластолюбовствовать и похотствовать? Конечно, если бы я был образованный или богатый, то, неспорно, что был бы и виноват против сказанного вами.»

— Жалко, любезный, что ты мало понял то, что я тебе объяснял. Дабы скорее вразумить тебя, вот дам я тебе списочек, по которому я и сам всегда исповедаюсь. Прочти его и ты ясно увидишь точные доказательства всего того, что я тебе сейчас говорил.

Духовник подал мне списочек, и я стал читать его.

(Продолжение следует)

Нея Зоркая*

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

Мне хотелось бы рассказать об одном начинании, весьма скромном, но свидетельствующем, однако, сколь многообразно и порою неожиданно проявляется сегодня начавшееся религиозное возрождение России.

Речь идет о том, что при Союзе кинематографистов СССР — одном из ведущих творческих объединений страны — нынешнею весною 90-го года была основана Христианская киноассоциация.

Она родилась по инициативе рядовых членов киносоюза: критиков, историков кино, драматургов, режиссеров. Она возникла из потребности приобщить кинематографическое творчество и изучение киноискусства к христианскому мировоззрению, к Церкви. «Основной задачей ассоциации, — сказано в ее Уставе, — является введение кинокультуры нашей страны в контекст вечных, общечеловеческих ценностей, сформулированных и сохраненных христианской Церковью; восприятие кинематографа сквозь призму нравственных, мировоззренческих и эстетических принципов христианства... Координация усилий кинематографистов и деятелей Церкви в осуществлении культурно-творческих программ для проявления христианских тенденций в кинематографе». Речь идет об обширном плане специальных тематических просмотров, обсуждений фильмов и книг, всесоюзных и международных симпозиумов, фестивалей, ретроспектив, выставок.

* Историк кино, член Совета Христианской Ассоциации.

Речь идет об издательской деятельности, о производстве фильмов, видеокассет, далее — надеемся — создании художественных кинофильмов под грифом ассоциации.

Христианская киноассоциация — добровольное и независимое содружество — объединило под своим вновь обретенным кровом единомышленников во Христе и людей, тяготеющих к религии, к Христову учению, признающих первенство духовных начал в искусстве, — словом, «людей в пути». Два вида членства определила ассоциация для вступающих в нее: действительные члены, принадлежащие к той или иной христианской конфессии, и ассоциированные члены, которыми могут стать лица, занимающиеся вопросами истории религии, киноискусства, культуры. Разумеется, и приход священнослужителей особо желателен для ассоциации.

Естественно, что русская православная Церковь служит для нас первой духовной опорой и духовным вождяем. Но ассоциация одновременно является и коллективным членом Международного католического киноцентра ОСИК (OSIC), а Совет нашей Христианской ассоциации служит еще и восточной стороной группы «Запад-Восток», действующей в рамках ОСИК. Уважаемая и опытная европейская киноорганизация, существующая уже более 50 лет, и ее президент — видный международный кинодеятель г-н Амброз Эйхенбергер, оказали нашей новорожденной киноассоциации большую моральную и консультативную помощь в период формирования, что, конечно, не означает «влияния» или «давления» на нас католицизма, ибо широта взгляда и терпимость являются обычаем деятельности этого католического киноцентра (эта организация немало сделала для изучения и популяриза-

ции, например, африканских культур, для «наведения мостов» к буддизму). Что касается до нашей киноассоциации, то мы надеемся наладить творческие и деловые контакты с православным Зарубежьем.

Организационный центр Христианской киноассоциации находится в Москве, там же, где Союз кинематографистов СССР, но в деятельность ее уже включились Грузия, Белоруссия и Литва, на подходе Украина и Латвия. Председатель Совета ассоциации — известный кинокритик Латава Дуларидзе, ответственный секретарь — молодой киновед Андрей Бессмертный из московского научно-исследовательского института Госкино СССР. Ассоциация организовалась совсем недавно, но в нее уже поступает множество заявлений от желающих включиться в общее дело. Уже проведено было несколько заседаний и общих собраний, в том числе и вместе с Президентом ОСИК А. Эйхенбергером, посвященных как административно-организационным вопросам, так и первым обсуждениям религиозных проблем в их применении к кинематографу.

Ну и что в этом всем особенного? — может спросить западный читатель, — Ну появилось еще одно небольшое «самодетельное» общество под христианской эгидой — экая невидаль! Хорошо, конечно, но не более того! Но, во-первых, всякое дело, во имя Христа добровольно предпринятое, есть благо. А, во-вторых, необходимо учитывать контекст события, те реальные исторические условия, в которых вершится то или иное действие. Тогда, казалось бы, малый факт, о котором идет речь, скромное событие сегодняшней кинематографической жизни приобретает иное освещение. Поэтому — небольшое отступление об историческом фоне, о том, что было вокруг.

Самое радостное и показательное — легкость, с

какой удалось это сообщество создать, легализовать, то есть утвердить в качестве независимой организации, действующей на основе самоуправления, обладающей статусом юридического лица и неподконтрольной никакой политической цензуре или распоряжениям свыше. Не понадобилось ни «пробивать», ни «бороться» (это популярные глаголы в нашей социальной жизни). На всех уровнях идея создания подобного христианского кинообъединения встречала поощрение и доброжелательность — так, как будто этого давно ждали. И не только деятели Церкви, священники, не только православная Церковь Грузии и религиозные организации Литвы, но и совершенно мирские учреждения, вплоть до Совета министров СССР, один из отделов которого обязан фиксировать все новые общественные организации, — решительно все отнеслись к делу не только лояльно, но скорее сердечно. А недавно избранный Секретарь Союза кинематографистов России, известный кинорежиссер Игорь Масленников, сразу субсидировал нас из казны ежегодной суммой в несколько тысяч рублей — дар, пусть скромный, но столь полезный и от души!

А ведь каких-нибудь пять лет тому назад и мыслить о чем-нибудь близком было бы странно! А ведь десять лет тому назад из-за подобного проекта человек попал бы в черный список! Разительны происшедшие перемены. И в отношении общества (и власти!) к религии — особенно.

Дело ведь не только в таких общеизвестных прискорбных преследованиях, пережитых русскою Церковью и ее чадами, как разрушение храмов, аресты, ссылки, травли, поневоле заставляющие вспоминать мученичество первохристиан. Дело еще и в том страхе, который пропитывал все общество, все его ткани сверху донизу. Пусть атеистическая пропаганда в послед-

ние десятилетия и утратила свой былой агрессивный тон, страх быть замеченным в христианской вере оставался прежним. И увидительно ли? Ведь одни лишь старики-пенсионеры могли безбоязненно посещать службы, молодежь же всегда рисковала быть персонально замеченной каким-либо ретивым дружинником, каким-либо добровольным доносчиком в комсомольскую организацию. Десятки реальных жизненных случаев показались бы, возможно, просто дикостью: «всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно», как сказал поэт. Например, юноша перекрестился в церкви во время панихиды по собственной бабушке, на него донесли в университет, где он учился. Его стали исключать, «прорабатывать». Заступники доказывали, что он-де пошутил, что он просто передразнивал верующих. Только таким диким способом спасли парня от исключения...

А крестины? Ведь окрестить новорожденного всегда было трудной задачей для молодых родителей, особенно работающих в государственных учреждениях — для крестин требовали паспорта, люди боялись последствий, искали знакомых священников, кто не боялся совершать требы на дому, уезжали с младенцами в дальние приходы, чтобы замести следы. Так отворачивали людей от Церкви в каждодневности, в обиходе.

А теперь перенесемся в сегодняшнюю Москву. Картинка: у одного из храмов в самом центре города вижу известную народную артистку, свою знакомую. Сановная дама, в своем театре чуть ли не партийный секретарь. Сейчас она оживленная, помолодевшая, глаза сверкают. «Что Вы здесь делаете?— — спрашиваю. — Внучку крещу», — отвечает. Я поздравила ее от души.

Мелочи? Но ведь из таких мелочей ткалась и ткет-

ся каждодневная жизнь советских людей, складывается их сознание.

А Пасха? Долгими годами делалось все, чтобы не дать народу праздновать Светлое Воскресение, которое, несмотря ни на что, оставалось для людей дорогим праздником. Милиционеры в Страстную Субботу вытаскивали из очередей к храмам девушек, мальчиков, принесших куличи освятить. Пасхальной ночью церкви (особенно в Москве, в Ленинграде) оцеплялись милицией и дружинниками, то есть милицией из штатских, в несколько рядов, и молодежь не пропускали нипочём. Это называлось «защитой верующих от хулиганов и от возможных инцидентов». И верно, «инциденты раньше случались, и провокации тоже. Помню, как в 60-х годах шло поветрие какого-то беснования: обезумевшие юнцы вскакивали на столы, ворвавшись во дворы храмов, плясали какие-то адские танцы, лезли через кладбищенские ограды, кривлялись на могилах. Еще бы: им продолжали внушать, что это, мол, дурман, обман. А средства массовой информации? Ведь еще недавно именно в Святую Ночь старались показать на всю страну по телевидению что-нибудь «эдакое», что в другое время строгая моральная цензура не пропустит — какое-нибудь импортное шоу, подновленный «Мулен-Руж», или свое, подражательное, лишь бы удержать людей у «ящиков» по домам, лишь бы молодежь не отправилась в церкви! К счастью, эпидемия беснования быстро кончилась, и год от года молодежь Пасхальной ночью приобретала более достойный вид.

А в нынешнем 1990 году 15 апреля по первому каналу телевидения транслировали Полночицу, Пасхальную Заутреню и первую Литургию из нескольких лучших Соборов! Как не благодарить нашу «перестройку»!?

...Ночь на 15 апреля того же года, храм Ильи Обыденского, как называют старые москвичи одну из красивейше расположенных церквей на высоком холме, над Москвой-рекой, у Остоженки — некогда этот храм стоял неподалеку от Христа Спасителя, потом варварски взорванного.

Иду в Крестном ходе. Ясная безветренная ночь, глубокое темносинее небо в ярких звездах. Прилегающая к Храму небольшая площадь и переулки, опущенные ярусомниже, — море огоньков! Со свечами в руках на тротуарах и мостовой, на балконах домов стоят толпы людей. Все пространство кажется наполненным, пронизанным теплым светом от свечечек. И над этой торжественной, поэтической картиной плывет на всю округу колокольный звон... Это не сновидение, — явь!

* * *

Возвращаясь же к кино и к нашей вновь основанной Христианской киноассоциации, подчеркну, что религиозное возрождение в области кинематографа — это и часть общего духовного процесса возвращения России ко Христу, и, вместе с тем, движение, имеющее свои собственные особенности и специфические трудности.

Как и вся советская культура, кино в течение после-революционных десятилетий было не просто «секуляризованным», но, я бы сказала, активно атеистическим. Общедоступность кинематографического зрелища и сила его массового воздействия были поставлены на службу антирелигиозной агитации и пропаганде с экрана. В 20-е годы последние были крайне яростными, грубыми. Далее, в 30-е, кино во главе всех других искусств посвятило себя созданию образа «божества на земле», культу тирана. И пусть уже в 40-е годы ушли с

экрана карикатуры на священнослужителей и издевательства над верующими, но кино продолжало оставаться, во всяком случае — официально, государственным, целиком и полностью ангажированным, разумеется, отделенным от Церкви. Правда, можно заметить динамику «смягчения» в обрисовке образа «служителя культа». Но даже тогда, когда священника рисовали уважительно, как, например, прекрасный артист Андрей Попов в образе о.Серафима в фильме «Все остается людям» — это всегда был персонаж-антагонист, идейный противник, оппонент в споре, где его легко разбивал и побеждал материалист-марксист. Лишь в самое последнее время появились иные трактовки. Можно назвать образ священника, созданный артистом Петром Вельяминовым, в фильме о народовольцах «Нас венчали не в церкви» (кстати, П. Вельяминов, человек нелегкой судьбы, и прямой потомок одной из старинных русских фамилий, является членом нашей киноассоциации). В общем же настороженное отношение к Церкви сохранялось.

Но... И свет во тьме светит. Христианский дух истины, постулаты, мироощущение проникали на экран часто даже помимо воли и представлений самих художников. Пересматривая сегодня старые ленты, находим в них идеи любви, самопожертвования, служения, добра, иногда в чуждых им «секуляризованных» одеяниях, но истинно-евангельские. И как могло быть иначе? Ведь мы живем на территории, где тысячу лет назад свершилось великое Крещение Руси, живем в соседстве с христианскими народами Грузии, Армении, Прибалтики. А Россия? Недаром Ф.И. Тютчев писал:

Осененный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благославляя...

Не могла же исчезнуть совсем, сгннуть великая традиция русской литературы XIX века, литературы х р и с т и а н с к о й в основах своих, Господь не мог нас оставить в безвоздушном пространстве всеобщей идеологизации и политизации. И не оставил! Пробивался сквозь каменные толщи, журчал родник веры. Накапливалось ожидание. Такой фильм, как «Покаяние» Тенгиза Абуладзе, созданный в начале 1980-х годов, то есть в самые мрачные годы так называемого «застоя», — есть произведение не только «антисталинское», «антисоветское», но, прежде всего, христианское. «Покаяние», где автор прямо провозгласил, что дорога, которая не ведет к храму, может завести только в тупик зла и мрака, — фильм, запечатлевший страстный поиск возвращения ко Христу, нестерпимость жизни бездуховной и безрелигиозной. Фильм этот был подготовлен теми внутренними, подспудными процессами, которые шли в кино, в творчестве кинематографистов.

Вот я написала: «произведение христианское» и вздрогнула. Владеем ли правом мы судить, приобщать или отлучать от христианства и православия, мы, не имеющие ни религиозного образования с детства, не изучавшие Закон Божий, мы, по сути дела, религиозные советские невежды? Где критерии оценок? И как осуществлять цель, нами поставленную в уставе киноассоциации: «...восприятие кинематографа через призму нравственных, мировоззренческих и эстетических принципов христианства»? И — православия в первую очередь?

Мы находимся в весьма трудном положении. Ведь никаких прямых «руководств», ни образцов анализа произведений киноискусства с христианских позиций в русской эстетической литературе и эссеистике не существовало до самого последнего времени. Предре-

волюционная религиозная мысль, русский «серебряный век» прошли, не коснувшись кинематографа. И это понятно: отечественный экран, при всем своем бурном развитии с 1908 года (первого года собственного русского производства) до 1919 года (когда по декрету советской власти все частные фирмы были национализированы), — еще не вошел в сознание народа, а также интеллигенции, как сфера духа, а не просто развлечение. Более того, Церковь часто считала киносеансы делом греховным. Далее же, после Октябрьской революции, наступило царство атеизма, и тайная, живая подспудно, религиозная мысль к кинематографу не приближалась. Не известны у нас и работы по кино русского христианского зарубежья (если таковые имеются). Поэтому, скажем, если в европейской кинолитературе существуют серьезные примеры анализа фильмов крупными кинокритиками-католиками (как например, Анри Ажель или Андре Базен), то у нас, желающих приобщиться к православной и культурной традиции в сфере киноанализа, нет образцов для подражания и поучения. Нужно самим вырабатывать критерии и принципы.

Об этом горячо спорили на одном из первых семинаров нашей христианской ассоциации. Что есть «православное начало» в фильме, на экране? Наличие символики, атрибутки, намеков, поисками которых ныне так увлекается западно-европейская критика в советских фильмах? Так, скажем «раскладывают» по якобы религиозным полочкам «символы» в фильмах Андрея Тарковского, доходя часто до бессмыслицы и произвола (например, в «Зеркале» герой, мальчонка военной поры, бежит босым — из бедности, из нищеты, а глубокомысленный критик видит в этом автоидентификацию со Христом; в «Андрее Рублеве» финальный кадр

показывает лошадей, пасущихся под дождем, — английский биограф режиссера уверяет, что это метафора «Троицы» и так далее). Нет, поиски религиозных ассоциаций и формальные регистры отдельных кадров (рыба, куст терновника, переломленный хлеб и др.) не приведут нас к решению проблемы.

Фильмы о Православной Церкви, о ее людях, о монастырях — этих сохранившихся очагах веры и традиции? Да, конечно. Но это первоочередно — задача документального кино, которую в самое последнее время у нас стали выполнять серьезно и ответственно (назовем ставшие широко известными и за рубежом фильмы «Храм», «Под благодатным покровом», «Преображение», а также проведенный в Москве в 1990-м году фестиваль фильмов о русской православной Церкви сегодня). Но этим не может быть исчерпан ни материал для наших штудий и размышлений, ни сама тема православного начала в киноискусстве. И тем более в фильме художественном, то есть фильме с вымышленными событиями, воссозданными воображением.

Тогда быть может Евангельские сюжеты? Жития святых? Разве это не увлекательно? Воскресить на экране образы, показать подвиги святых мужей и жен в земле Российской просиявших? Например, недавно канонизированной блаженной Ксении Петербургской! Как прекрасно это и в собственно религиозном, и в познавательном, и даже в кинематографическом отношении! Необычайная судьба, уникальный портрет на фоне юного града Петрова: молодость, любовь, счастливое замужество, трагическая потеря любимого, переворот в душе Ксении, принятие на себя личности безумной, переодевание в мужской костюм, «перевоплощение» в покойного Андрея, подвиги, просветлен-

ная зрелость и старость, исцеления?! Какая широта для постановщика фильма, какой простор для актрисы — исполнительницы роли! На семинаре, посвященном обсуждению критериев и принципов, с которыми мы подходим к киноискусству, все увлеклись и начали придумывать один за другим планы «житийных» постановок.

Против такого подхода возразил участник семинара, московский священник отец Сергей. По его мнению, русская религиозная живопись потому и не достигла высоты, не стала высоким искусством, что попыталась уйти от канона — от иконописи, которая есть непревзойденный образец. Житие — самодостаточно, канонично. Критерий православия, — утверждает о.Сергий, — восходящий через византийское искусство и философию к Плотину и Сократу, определяется пониманием троиственности бытия — микрокосма и мира — макрокосма в Боге. Вот что важнее всего: человек, который не одинок, не затерян в космосе. Такова глубина православного восприятия, мирозерцания. Как считает о.Сергий, православным произведением можно признать «Матренин двор» А.И. Солженицына, где есть все три элемента синтеза.

Единодушным оказалось мнение, что никак не селекция, не выдача «справки» о православии и не отлучение того или иного честного произведения от христианства — являются нашими задачами. Мы должны выработать в себе самих широту взгляда, доброжелательность и интуицию в оценках, давать последние с осторожностью и скромностью, что означает прежде всего самим укрепиться в вере, самим в первую голову учиться, стремиться избавиться от того религиозного невежества, в которое ввергли нас, «самоучек», собственная нерадивость и особенности нашего недавнего исторического прошлого.

А как «плавали» мы, как бродили в сумерках на обсуждении советского фильма «Посетитель музея» Константина Лопушанского и на дискуссии по поводу последних эстетических статей и исследований фильмов Андрея Тарковского («Сталкер», «Ностальгия» и «Жертвоприношение»), где затрагиваются и философско-религиозные вопросы! Но не унывали, ибо, как гласит русская пословица, «лиха беда — начало».

Задуманы циклы просмотров как новейших, поступающих с киностудий, так и старых, из богатейшего книгохранилища Госфильмофонда СССР, лент. Ведь в том самом русском дореволюционном частновладельческом кино, которое за десять лет своего существования (1908-1919) выпустило более 2000 картин, но не успело быть осмысленном с религиозной точки зрения, имеются поистинне христианские жемчужины. Например, творчество крупного русского кинорежиссера Евгения Бауэра, проникнутого идеями добра, сочувствия и помощи обездоленным. Все это нуждается в новом взгляде, осмыслении и освещении для широкой публики.

Но, конечно, еще более настоятельна потребность утвердить себя в поддержке всего нового, произрастающего под кровом религиозного возрождения сегодня, готовящегося к жизни.

Для этой цели Христианской киноассоциацией совместно с Союзом кинематографистов Грузии и под покровительством Православной Грузинской Церкви учрежден международный фестиваль христианского кино в городе Тбилиси — древнем и прекрасном городе, православной столице Грузии и всего Кавказа. Целью его является утверждение христианской духовности в современном кинотворчестве, пропаганда фильмов высокого художественного качества, основа-

нием которых служат христианские ценности.

Первый фестиваль намечено провести в апреле 1991 года — с 10 по 16-е, из которых пять дней будут посвящены показу конкурсных и внеконкурсных картин, а два дня — симпозиуму, специальным заданием которого будет укрепление контактов между Востоком и Западом. В конкурсе фестиваля будут приниматься 15 полнометражных художественных и 10-15 полнометражных документальных картин. Главный приз (Гран-при) будет красивым: это скульптурный Белый Агнец с золотым Крестом. Кроме того устанавливаются: приз грузинской Православной Церкви, специальный приз жюри за лучшую режиссуру, актерское исполнение и так далее. Интернациональное жюри из 7 человек, деятелей Церкви и кинематографистов, назовет призеров.

Думаю, что для первого крупного творческого события в жизни Христианской ассоциации — фестиваля — место выбрано удачное: на древней православной земле, близ Новоафонского монастыря и священного собора Сиони над зеленой рекой Курой, у подножья горы Святого Давида, где на кладбище Мтауминды покоятся Александр Грибоедов и великий грузинский поэт Важа Пшавела, творцы, подвижники, монахи...

Да поможет нам Господь совершить задуманное!

А. Черный

НА ЧУЖБИНЕ

Каждый встречный на дороге
Говорит вам «добрый день!»
Мир вам всем, чужие люди,
Из окрестных деревень!
Оглядыт вас — улыбнутся...
Ясен взгляд их добрых глаз,
Но тоска непримирима,
Но в душе — глухой отказ...
Мальчик мой, пойдем скорее!
Вот тропинка вьется в лес.
Там безлюдно, как в пустыне,
Шум ветвей и ширь небес.
Ты мне сны свои расскажешь,
Я тебе их объясню...
Улыбнемся старой елке,
Камню, бабочке и пню...
К скалам в глушь пойдем мы в гости
По зеленому хвою.
Никогда я не забуду!
Никогда я не прощу!

Л. Вилькина

ПОСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Когда нет Радости,
То никакой нет радости
 Пить.
Когда нет Цели,
То никакой нет цели
 Жить.
Радость без Радости
Только одна:
 Сон.
Цель без Цели
Только одна:
 Смерть.

Теффи

ФЕОДОСЬЯ

Ходила Феодосья калика переходящая,
Старая-старая, горбатая, худорсящая.
Но душа у Федосьи была красавицей
Синеокой, златокудрой, ясноликою.
Любили душу Божьи ангелы,
Называли душу Ангеликою.

Померла Феодосья без покаяния,
Без свечей, без друзей, без надгробного рыдания.
Померла, легла в канаву придорожную —
Что мы знаем, лучше ли так-то, плоше ли?
Раным-рано встали Божьи ангелы,
Крылышки пригладили, прихорошили,
Полетели с радостью великою
За Федосьиной душой, за Ангеликою.
В солнце — колокол в небе ударили,
Устелили путь звездотканной скатертью.
Сам Христос из чертога горнего
Вышел ей навстречу с Богоматерью.

Под забором Феодосью горбатую
Зарыли, забыли, сравняли землю лопатою.
Пожалей нас, детей твоих, Господи!
Что слепые мы до смерти от младости,
Что слепые, не видим мы, Господи,
Пресвятой Твоей Божьей радости!

Свящ. Валентин Дронов

ПОЭЗИЯ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

Вы слышите, дорогие друзья, стихи поэта Даниила Андреева. Я дерзну сказать несколько слов о характере этой поэзии. Мы имеем сегодня возможность услышать стихи величайшего поэта XX века, блестящего выразителя русской культуры, поэта мистического, духовного и очень доступного по приближению к нам этой духовности.

Духовны всякое искусство и всякая поэзия. Но это относительное понятие. В прямом смысле слова духовной поэзии на земле — крупницы. К ней относится вся религиозная и, — как часть ее, — церковная поэзия. Это те поразительные проникновения человеческого духа в Божественные чертоги, в которых уже нет ничего земного:

Свете Тихий, святягы славы
Бессмертного Отца Небесного
Святаго блаженного, Иисусе Христе.
Пришедше на запад солнца,
Видевше свет вечерний,
Поем Отца, Сына и Святаго Духа, Бога.
Достоин еси во вся времена
Пет быти гласы преподобными.
Сыне Божий, живот даяй
Тем-же мир Тя славит.

* Выступление на вечере памяти поэта 27 февраля 1989 г. в Д/К им. Серафимовича.

Кроме этого, к духовной поэзии (в прямом смысле слова) можно отнести стихи не более чем нескольких десятков поэтов всех времен и пространств, которым удалось оторваться от жизненных реалий, достичь Тихого Света, сохранив связь с этими своими временем и пространством, и поведав слитно: и о Том, и о другом.

В русской культуре, полностью пронизанной Божественными Откровениями: в религии, в музыке, в философии, в образе жизни и мысли — поэзия всегда была средством Богомыслия. К XX веку в русской поэзии можно найти имена Соловьева, Хомякова, Мережковского и многих других религиозных поэтов. Но поэзию Даниила Андреева необходимо выделить как духовную по-существу.

Дело в том, что поэт не являясь ни священником, ни богословом, создает свой мир, через который он познает Дух Святой, через который проводит навстречу Духу Святому другого человека. И здесь возникает тонкая грань, по которой и можно отличить данную поэзию: религиозна? описательна? духовна?

Ночь снизошла, всю ложь опровергая,
Забылся день, подобный чертежу...
К твоим вратам, Обитель всеблагая,
Очами внутренними подхожу.

Даниил Андреев — православный христианин. После освобождения из тюрьмы в течение последних двух лет своей жизни был духовным сыном известного московского духовника, протоиерея Николая Голубцова. Отец Николай и напутствовал его перед кончиной исповедью и Причастием Святых Христовых Тайн.

Православие Даниила Андреева пронизывает всю его поэзию, начиная со стихов церковно-описательного характера и кончая необыкновенными пронзитель-

полностью заполняет духовные пустоты читателя, составляет все точки, не оставляет сомневающемуся выбора. У Андреева только вера в Живого Троичного Бога может победить и укрепить человека и к жизни, и к смерти. Андреев — космичен. Он пишет только такие стихи, которые не могут вызвать смуту, сомнение, разночтение. Все, о чем он пишет, — он видел и твердо помнит. Его поэзия — о Боге, и написана она без сомнения ортодоксальным православным христианином.

.....

Учи же меня! Всенародным ненастьем
Горчайшему самозабвенью учи,
Учи принимать чашу мук — как причастье,
А тусклое зарево бед — как лучи!

Пишет поэт в 1941 году.

Есть и еще одна важная деталь — Андреев не кичится своей церковностью, не выставляет знамен, он исповедует свою веру — мудро, глубоко, твердо. Он заведомо не сомневается в своей конфессиональной принадлежности, а сразу, не теряя времени на формальную «прописку», как настоящий исповедник — поэт и пророк, — идет дальше, взлетает вослед своему христианскому видению.

ЧАША

.....

Рассудок не вмещает наш,
Что завтра будет взор ученого
В руинах края омраченного
Искать осколки ваз и чаш.

Искать? Но чаша лишь одна:
Скорбей и смертного томления, —
К устам дрожащим поколения
Она судьбой поднесена.

Она, как рдеющий кристалл,
Горит и будит понимание,
Что над страной бесшумно встал
Час всенародной Гефсимании.

1951

Это видение поэта не есть фантазия, но есть особая выстраданная правда, хотя и не научная и не богословская. В этом заключается особая миссия поэтов и пророков. Они имеют право на свое видение мира, даже если такое видение кажется ошибочным, субъективным.

Даниил Андреев — автор книги «Роза мира», которая известна многим, хотя нигде до сих пор не публиковалась. Эта книга вызывает споры, ее причисляют к разряду теософской или антропософской литературы, имевшей хождение в начале века и вошедшей снова в моду в 70-е годы. Здесь требуются некоторые уточнения.

«Роза мира» написана православным христианином, не имевшим целью создать «учение» или выйти из общего русла русской православной культуры. В этом русле «Роза мира» — весьма значительное явление. Кроме того, эта книга поддержана как произведение христианской направленности всем поэтическим творчеством Даниила Андреева.

Книга написана в тюрьме, где шло противостояние только двух позиций: веры в Спасителя Иисуса Христа — и безбожие. Гигантская космическая картина

мира, развернувшаяся в «Розе мира», была видна Андрееву из камеры, под колокольный звон замков и подкованных сапогов.

Единимся бодрящим гимном,
Задыхаемся... Помоги нам,
Хоть на миг бетон расторгая,
Всемогущая! Всеблагая!

1937 г.

В таких тюрьмах, как советские, — поэты не выживают. Они сходят с ума. Но Даниил Андреев выжил и вынес из ада, в который его запихнули, чистоту рассудка и сердце, принадлежащее Христу. Выжил оттого, что Господь открыл перед ним Завесу Тайны, и водил его, как в свое время Данте, по кругам невидимой, нескончаемой, блаженной Премудрости Своей.

Вернейший и чистейший путь к Богу — только Церковный путь. За две тысячи лет Церковная Полнота определила и сформировала все возможные направления человеческого Богомыслия. Чистейший путь православной Церковности, может быть, не всем по плечу, и Господь Человеколюбец иногда открывает не противоречащий Православию путь познания мира. Таков путь, открытый Даниилу Андрееву в тюрьме, в земном аду, путь ко Христу, путь только его собственный.

Как часто в болезни или в ужасе, в котором оставляет порой нас действительность, нам хочется удивительной сказки. Сказки, согревающей, уносящей из томящейся плоти. Читая «Розу мира» можно подумать, что этим сказочным теплом согрел Господь плоть и душу пытаемого поэта. Нельзя поэтому видеть в «Розе мира» никакого антиправославного мифотворчества,

никакого теософского учения, часто приписываемого книге.

«Роза мира» — это Дар Божий, благодаря которому поэт вышел из ада невредимым. Основной стержень книги — Логос Вселенной, Христос. Общая направленность Даниила Андреева — ко Христу. Через «Розу мира» при всей ее неожиданности и необычности угадывается подлинная духовность всего творчества Даниила Андреева. Та духовность в прямом смысле слова, о которой я говорил вначале, и которая выделяет Даниила Андреева из всей национальной поэзии. Это духовность — не пронзительного видения, и не мучительных поисков истины. Это — духовность данности бытия во Христе, это духовность спасения и вечной жизни в Царстве Божиим. Если религиозность в поэзии — понятие количественное, то духовность поэзии — понятие уже качественное. Утверждая небесную данность своим творчеством, Даниил Андреев выходит в разряд немногих поэтов всех времен и пространств, послуживших человечеству пророческим служением.

В 1950 году он писал:

...И меркнет, стихая, мерцая,
Немыслимой правды предверие —
О таинствах русского края
Пророчество, служба, мистерия.
Град цел! Мы поем, мы творим его,
И только врагу нет прохода
К сиянию Града незримого,
К заветной святыне народа.

Поэты, перекидывая мостики от земли к Небу, поделили между собой разные функции: есть поэты-

художники, поэты-учителя, поэты-мученики. Даниил Андреев относится к поэтам-пророкам. И, может быть, даже в этом сказалась его глубокая принадлежность именно к православной культуре. В духовном завещании он пишет:

...И в зелени благоуханной
Родимых таежных мест
Поставь простой, деревянный,
осьмиконечный крест.
1936-1950 г.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ*

... А вот теперь церковь приказано открыть!

Полное недоумение выражалось на наших лицах. Пораженные необычайной новостью, мы смотрели на хозяйку, с нетерпением ожидая услышать разъяснение. Но Мария Петровна теперь молчала. Она самодовольно улыбалась, повидимому, чрезвычайно довольная сенсацией, произведенной ее новостью. Затем вдруг лицо ее приняло какое-то таинственное выражение, и хотя во всем доме кроме нас никого не было и никто не мог нас услышать, она понизила голос, как будто боялась, что кто-то может подслушивать у окон или дверей, и выговорила: «Говорят, это немцы делают». На лицах слушателей выразилось изумление. «Немцы?» — «Что общего могло быть между открытием церкви и немцами?» — «Говорят, — продолжала хозяйка уже почти шепотом, — немцы во всех занятых ими городах и селах, всюду открывают наши церкви. Народ радуется, а кроме того, немцы разбрасывают с аэропланов листовки, что они идут нас освободить от большевиков и возвращают нам церкви. Понятно, население довольно и многие ждут их прихода. Ну, вот нашим-то окаянным, мазурикам (не удержалась Мария Петровна) это и не нравится; ну, вот они и решили сами открыть, чтобы уличить немцев во лжи, и показать, что, мол, церкви у нас открыты и существуют». — «Что-то фантастичное, — воскликнула Анна

* Продолжение. Начало см. «Р.В.» № 45-50

Николаевна. — 22 года только и кричали, что Бога нет, Бога нет, а затем сразу, вдруг опять, — Бог есть. Как это им не стыдно. Я уже не говорю перед народом, что им народ, а перед своими же партийцами. Выходит, что 22 года их морочили и говорили одно: Бога нет, затем вдруг обратное. Они поймут, что это за правительство, и какое к нему можно иметь доверие?»

«Аня, не говори глупости, — перебил Шлейфер жену. Ты ведь знаешь, это просто пропаганда, очередная пропаганда, нужная сейчас большевикам. Каждый партиец это отлично знает, кроме того, все они знают, что такое диалектика. Ну, и значит все ясно и ни о каком надувательстве или разочаровании правительством не может быть и речи». — «Да, — воскликнула я, — а помните, Анна Николаевна, модное в течение многих лет слово «фашисты», затем «нацисты»? Помните, как у нас всюду и везде о них кричали: радио, газеты, брошюры. На всех собраниях с этого начинали, этим кончали: фашисты, мерзавцы, прихвостни капиталистов, презренные псы империализма и т.д. и т.д., ну, словом, не было ругательства хуже фашистов. Затем в 1939 году соглашение с Германией, и вдруг сразу они исчезли куда-то эти «фашисты». Не только запретили это слово произносить, но даже всю литературу, в которой было что-нибудь против них, было строго приказано изъять — уничтожить».

«Помните, как мне, заведующей больничной нашей библиотекой, пришлось самой этим заниматься. Однако, их партийцы не только не разочаровались в своем правительстве, но даже и не удивлялись. Все это «диалектика». Шаг назад, сказал Ленин, чтобы затем сделать 2 шага вперед, да, все это можно объяснить диалектикой», — прибавила я.

«Но как же опять они восстановят спешно цер-

ковь? — сказала Анна Николаевна, — ведь оттуда все вывезено, уничтожены не только иконы, церковная утварь, но и иконостас, теперь это пустой сарай, аэропланная мастерская, говорят, все стены там теперь простой кирпич, и роспись только еще сохранилась в куполе».

«Ну, и что же из этого, Анна Николаевна, это не страшно, — возразила Мария Петровна, — аэропланную мастерскую велено спешно увезти, говорят, ее уже завтра вывезут, ну, а остальное устроится быстро. Народ поможет, прихожане принесут, кто, что имеет: иконы, скатерти, столы».

«А священник?» — спросила я. «Ах, да, совсем было забыла сказать. Священник будет опять наш прежний старичок отец Федор. За ним уже послали в деревню. После закрытия церкви в ноябре, он уехал к племяннице в деревню, ну, вот его велено спешно опять привезти».

Долго еще продолжали мы обсуждать необыкновенную и радостную для нас весть.

Вдруг радио стало передавать последние известия. Все замолчали, внимательно слушая. Сообщение было краткое, как обычно: «На фронте без перемен. Только в районе Смоленска возобновились ожесточенные бои. Неприятель, получив большие подкрепления, стремится прорвать наш фронт и овладеть городом».

Это было все. Я встала. «Уже поздно, — сказала я, — надо немного поспать, завтра опять рано на работу», — с этими словами я простилась и пошла в свою комнату.

Помещение, которое я занимала, и которое гордо называлось комнатой, было, в сущности, задняя часть кухни; отгороженная с одной стороны ковром, с другой — деревянной перегородкой от комнаты хозяйки.

Обстановка была более чем убогая. Пара деревянных козел, на которых лежали три узкие доски и матрас, представляли собою роскошное «княжеское» ложе, как смеясь называла Анна Николаевна мою кровать.

Небольшой столик, один венский стул, маленький сундучок, покрытый шалью, и на котором лежали две шелком вышитые красивые подушки, изображал диванчик. На табуретке у окна стояла Торгсиновская керосинка, необходимая принадлежность каждого советского человека и, в особенности, квартиранта. На стене, завешенные цветной скатертью, висели платья, а в ногах кровати, отгороженные ширмой, стояли три чемодана один на другом; на них стоял таз и кувшин с водой.

Так жила я уже несколько лет в этом бедном углу. Когда я приехала в Калинин, город был переполнен, помещение достать было очень трудно, и я уцепилась за этот уголок, думая в дальнейшем найти себе что-нибудь получше, но затем начала работать сестрой, работы было много, сил было мало, я так уставала, что возвращаясь домой, думала лишь как бы отдохнуть и поспать. Знакомых у меня было мало, да я их и не искала. К себе в свой убогий угол я никого пригласить не могла и, наконец, я привыкла.

Возможно, так было лучше, жить бедно, незаметно, всецело отдаваясь только работе и больным. Неоднократно мои друзья убеждали меня в необходимости, хотя бы во имя отдыха, завести себе другую кровать, более удобную и мягкую, но я не хотела и слушать. «Я прекрасно сплю и на этой, — возражала я, — а привыкать опять к мягкой ни за что не хочу. Вдруг опять еще посадят, сошлют, и тогда снова придется привыкать. Нет, уж лучше спать на жесткой, да и здоровее», — смеялась я. Эти последние годы личная жизнь меня не

интересовала, у меня давно ее не было. Ничего, кроме работы, в настоящем и будущем для меня не существовало. А в прошлом... о прошлом лучше было не думать, чтобы не расстраиваться. Расстраиваться было нельзя, так как все силы были нужны, чтобы бороться и жить.

Сколько тяжелых, невыносимых лет прошло с тех пор, что я рассталась со своими детьми и матерью. Сколько внутренних сил потребовалось, чтобы жить и побороть в себе чувство отчаяния, которое так часто охватывало меня перед безвыходностью и беспросветностью того существования, которое мне приходилось влачить. Вот именно эта повседневная беспросветная серость и требовала от меня больше силы воли, чтобы жить, чем даже в первые тревожные годы революции, когда все казалось мне таким ужасным и непонятным, но где была как-будто какая-то надежда. Затем надежды уже не было.

В этот вечер впервые, за многие годы, я вдруг почувствовала себя счастливой. За все время существования советской власти, распоряжение «открыть церковь» являлось, пожалуй, самой большой уступкой, когда-либо сделанной большевиками. Разрешение народу молиться, верить в Бога, означало тоже, что положение большевиков было теперь не твердое.

Страшная усталость последних двух тяжелых дней и бессонной ночи, которая сейчас под влиянием необыкновенно радостного известия, казалось, совершенно прошла, теперь вдруг снова овладела мною. Я быстро разделась и легла в постель.

Невольно мой взгляд устремился в угол, где над столом висели образа. Кроткие лики святых, казалось, светились величественным спокойствием Вечной Правды. «Господи, помоги», — прошептала я и заснула.

VII. КАЛИНИН НАКАНУНЕ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

«Сегодня я слышал, будто бы Государственный банк уже эвакуировался в Нижний», — сказал Николай Николаевич, не отрываясь от карты, которая лежала перед ним. — «Ах, кто это знает, — нервно перебила его жена, — никто ровно ничего не знает. Сегодня я простояла более 4-х часов в очереди за хлебом, там рассказывали, что многие учреждения эвакуируются, и они это знают наверно, так как их знакомые там служат. А ведь официально эвакуации нет, и все это только слухи и разговоры, — говорила с досадой Анна Николаевна. — А, вот голод, вот это действительно ужасно. Я вся перемерзла, простояв столько времени и вернувшись ни с чем, без хлеба. За несколько человек до меня объявили, что хлеба не хватило, и теперь завтра опять стоять». «Ну, Аня, не первый раз сидеть без хлеба, — возразил ее муж. — Не умрем». «Конечно, не умрем, но все-таки есть надо, — возразила Анна Николаевна. — Цены на рынке сумасшедшие, а денег все меньше, хорошо, что есть у нас немного муки, и я замесила сегодня ржаные блины, но в очереди говорили, что будут ходить по домам и проверять. И у кого будут обнаружены запасы муки, картофеля и т.д., будут отнимать, это просто ужасно. Что только будет с нами, если фронт подойдет?» «А вот немцы, те быстро продвигаются и, вероятно, на днях Вышний Волочек будет в их руках, а затем... затем и за нас примутся», — сказал улыбнувшись Шлейфер.

«Ну, нет, — воскликнула быстро я. — Зачем немцам приходиться сюда, зачем им брать наш Калинин, они ведь двигаются к Ленинграду, а сюда?» В моем голосе чувствовалось какое-то отчаяние. «Как зачем, зачем

им все остальное: Минск, Смоленск, Псков, Новгород, не говоря уже о Белоруссии, — живо возразил Николай Николаевич. — Все затем же, чтобы уничтожить советских коммунистов».

Я никак не верила в возможность прихода немцев в Калинин. Поэтому я не доверяла никаким сведениям, даже самым очевидным, боясь спугнуть свою мечту.

С каждым днем фронт подступал все ближе. Военные события развивались с необычайной быстротой. Все нервничали и волновались.

В 12 часов раздалась последние известия. Сообщения, как всегда, были краткие, однотипные: «На фронте без перемен. Доблестная Красная Армия отражает врага. Бои идут в районе Вышнего Волочка».

Ежедневно радио и газеты сообщали об ужасах и зверствах немцев в занятых ими местностях. Они грабили, насиловали и убивали. Эти известия вызывали у населения ужас и страх, близкий к панике. Многие собирались уезжать, увозить детей, бежать, спасать своих дочерей. Понятно, что сестры и санитарки, в особенности молодые, все были напуганы до крайности.

По официальным сведениям враг был еще далеко, но город незаметно эвакуировался, опасность, как видно, приближалась.

Все городское население города Калинина, кроме стариков и детей, посылали теперь на земляные работы — рытье окопов. Даже служащие лазарета были обязаны несколько раз в месяц в свои выходные дни рыть окопы. Я вместе с другими служащими лазарета была также назначена на земляные работы в свой выходной день, т.е. в воскресенье 21 и 28 сентября.

Все, назначенные на работы, должны были в 8 часов утра собраться в здании школы у Большого

волжского моста, по возможности захватив с собою лопаты. Не имеющие таковых получали лопаты на месте работы.

Утро было ясное, но холодное, и дул сильный ветер. Когда я пришла, весь большой двор школы был уже полон народу: служащих, работников и учеников старших классов. Невообразимый шум голосов стоял вокруг. Служащие и рабочие выстраивались в длинные ряды по 5 человек в ряд по учреждениям. Я отыскала колонну медрабочих и, найдя там знакомых, встала рядом около них.

Настроение было у всех какое-то возбужденное. Многие отпускали шуточки и даже слышен был смех. В 9 часов утра все выстроенные колонны должны были выступить к месту работы. Куда нас должны были вести, никто не знал.

Раздалась команда, колонны двинулись. Все шли, казалось, бодро, в особенности молодежь, многие шутили и смеялись. Однако, среди этой огромной толпы можно было видеть много пожилых работниц в красных платочках.

Перейдя Большой волжский мост, мы свернули в сторону Замоскворецкой набережной к Тверце (приток Волги). Несколько раз колонны были принуждены останавливаться и посторониться, чтобы пропустить грузовики, нагруженные до верха мебелью, сундуками, ящиками, между которыми сидели женщины с детьми. С ними ехал милиционер.

Недобрым взглядом провожала их толпа; вслед раздавались возгласы: «Что, голубчики, сами спасаетесь, а нас посылаете окопы рыть», и толпа двигалась дальше.

Перед выходом из города колонны разделились на 3 части и пошли по разным направлениям. Колонна,

где была я, пошла направо и, обогнув кладбище возле церкви «Неопалимая Купина», опять свернула и взяла направление к видневшемуся вдали лесу.

Через полчаса мы пришли к месту назначения и остановились у небольшой избы, около которой стояло несколько мужчин. Ведущий колонну подошел и о чем-то с ними переговорил; мужчины куда-то отправились. Тогда ведущий, выбрав несколько мужчин из колонны, приказал им идти за ними, чтобы помочь принести нужные инструменты. Тем временем все были довольны отдохнуть, несмотря на холодное утро, всем было жарко от быстрой ходьбы. В лесу было сыро, пахло землей и талыми листьями. Дорога была грязная, нужны были галоши или высокие сапоги; я была в туфлях.

Вскоре принесли большое количество лопат, багров и мотыг (для выкорчевывания корней). «Товарищи, живей разбирайте», — командовал ведущий. Я молча смотрела на лежащие передо мной инструменты, все одинаково были мне неизвестны, и я не знала что взять. «Ольга Ивановна, что вы возьмете», — спрашивали меня сослуживцы. Я теперь улыбалась, мне было совершенно безразлично что взять. «Я возьму вот это, — как-то вдруг весело заключила я, — я никогда это раньше не видела, и совершенно не знаю, как ею пользуются, но я ее беру», — и с этими словами я подняла мотыгу для выкорчевывания корней.

Опять всех разбили на три группы, в зависимости от орудия производства, и повели на работу. Я и моя группа попали на большую поляну вырубленного леса, сплошь покрытую большими пнями, где надо было выкорчевывать оставшиеся там корни деревьев. Работа была тяжелая и, понятно, почти совершенно всем незнакомая, однако все дружно принялись за дело, даже как-то радостно было находиться вдруг на воздухе

и заниматься физическим трудом и отвлекать себя от повседневных ужасов военной обстановки. Люди здесь забывали причину, заставляющую их это делать. Они совсем о ней не думали. После лазарета здесь казалось было очень хорошо. Солнце, ветер, лес, физический труд, правда тоже усталость, но зато здесь не было страха, ругани и постоянного напряжения нервов.

По официальным сведениям было видно, что военные действия происходили уже не так далеко от Калинина. Враг старался завладеть Октябрьской железной дорогой. Однако военное командование продолжало утверждать, что Калинин сдан не будет. Официальной эвакуации города не было. Тем не менее город и его окрестности заметно опустели.

Областной город Калинин был крупным индустриальным центром, и уже с первых дней войны началась эвакуация города, но происходила она очень тихо, незаметно. Заводы, фабрики начали постепенно сворачиваться и отправляться куда-то вглубь страны, в неизвестном направлении, рабочие и их семьи следовали. Затем, с приближением фронта и вследствие неудачно развивающихся для советского командования военных действий, и остальные учреждения стали покидать город. Теперь все служащие были прикреплены к работе, без права уходить или переходить на другую работу, и потому были обязаны ехать тоже; в случае отказа или неповиновения они подлежали военному трибуналу.

Постепенно жизнь замирала, людей на улицах становилось все меньше, движение тише.

По слухам, которые теперь распространялись все больше и быстрее и остановить которые уже были не в силах никакие грозные военные приказы, неприятель подвигался все ближе к Октябрьской жел. дороге по

направлению Вышнего Волочка. Крупные моторизованные части германской армии, в сопровождении мощной авиации, успешно развивали наступление. Напуганная Москва спешно эвакуировалась. Окруженный Ленинград уже давно молчал, связь была нарушена.

Настроение, близкое к панике, теперь все сильнее охватывало и без того взволнованное население Калинина.

Напрасно хмурые партийцы, измученные работой, старались успокоить население, уверяя, что хотя положение и серьезное, но имея непобедимую Красную армию, бояться им нечего, враг будет разбит. Однако, достаточно было посмотреть на их озабоченные, перепуганные лица, чтобы понять, что на фронте не все так благополучно, как они уверяют.

Теперь раненых провозили мимо, многие лазареты уже уехали. Некоторые жители, напуганные быстрым продвижением врага, укладывались и покидали свои дома. Город пустел и скрыто готовился к эвакуации; однако, не только говорить об этом, но даже это замечать было опасно.

О судьбе лазарета, в котором я работала, еще ничего не было известно. Раненых оставалось мало, новых совсем не поступало. Некоторые палаты пустовали. Медицинский персонал страшно волновался и нервничал и каждый день ожидал приказа об эвакуации, который все не приходил.

Я продолжала усиленно работать. Обстановка в лазарете в связи с общим положением фронта, конечно, тоже ухудшалась. Возбуждение, охватившее весь город, отражалось и на лазарете, а проезжающие раненые прямо с фронта, увеличивали это волнение и страх, несмотря на строгие запрещения бойцам расска-

зывать что-либо о фронте. Однако, в лазарете все было, конечно, осведомлены.

Я волновалась не менее других. На вид спокойная, только более теперь сосредоточенная, я работала, не давая себе ни минуты отдыха, отлично сознавая всю опасность своего положения, по мере того, как война принимала для советской власти все более неблагоприятный оборот. Кроме того, работой я старалась заглушить в себе те мысли, которые под влиянием неожиданно разразившейся войны, стали все больше оживать; я боялась даже слегка задерживать на них свое внимание, поверить в возможность их осуществления.

Теперь было больше времени для разговоров; возбужденные сестры и санитарки все нервничали и волновались, у всех были семьи. Однако, прикрепленные к службе, без права не только уйти, но даже перейти на другую службу, они должны были оставаться спокойно на местах. «Ольга Ивановна, а как же мы, что с нами будет? — все чаще и чаще спрашивали меня санитарки и сестры, — нас-то скоро будут эвакуировать?» Но, конечно, я сама ничего не знала, никто из начальства со мной об этом не говорил; если партийцы лазарета что-нибудь относительно этого и знали, со мной они об этом не делились. Наоборот, последнее время я замечала, что они держались со мной осторожней и часто, когда я входила в хозяйственную канцелярию, где обычно находилась заведующая (врач Шестакова), и где главным образом и беседовали партийцы между собой, разговоры моментально прекращались. Однако, взволнованные, перепуганные лица хорошо свидетельствовали о характере их разговоров.

Эвакуации я сама боялась панически. Как старшая сестра, я, конечно, была обязана ехать вместе с лазаре-

том, эвакуироваться вглубь Советского Союза. Отступить именно сейчас, когда приближалась для меня с каждым днем все ближе надежда избавиться от советчиков! Нет, лучше была смерть, чем уходить сейчас с ними вглубь страны, и тогда, уже наверно навсегда, оставаться в Советском Союзе. Страшно было даже об этом подумать. Теперь вновь воскресла во мне надежда на будущее, хотя и страшное и неизвестное; будущее становилось опять интересным и для меня появлялся луч света свободы.

Ежедневно радио и газеты сообщали о все новых и новых жестокостях немцев в занимаемых ими областях. Казалось, какая-то грозная сила с головокружительной быстротой несла теперь всех к какому-то мало-понятному и неизвестному концу.

Понятно, я и мои друзья воспринимали события иначе. Бывшие до Революции заграницей и неоднократно в Германии, мы отлично знали, что представляют из себя в действительности немцы, которых коммунисты старались представить русскому народу, как «извергов и варваров». Я ждала этих «извергов», ждала как избавителей от гнета и насилия долгих беспросветных лет.

Фронт приближался, однако было еще трудно определить, в каком направлении поведет неприятель дальнейшее наступление. Однако, по всему было видно, что немцы приближаются, а если так, то приближалось для многих освобождение от того ненавистного ига, которое в течение 22 лет приходилось им терпеть.

Правда, в первые годы советской власти несколько раз появлялась такая надежда, но быстро сменялась горьким разочарованием, и потому я боялась верить. Я не доверяла никаким сведениям, даже самым очевидным и убедительным, суеверно боясь спугнуть свою мечту.

«А что же мы? Что с нами будет? — не переставали теперь повторять с недоумением и страхом сестры и санитарки. — Вам-то что, сестрица, вам хорошо, вы одинокая, ни детей, ни родителей, — постоянно говорили мне, — взяли, да уехали» . . . Слушая их, я думала: «Если-б они только знали, что значит для меня «уехать»! Однако, я искренне их жалела. Прикрепленные, как, впрочем, и все советские служащие, к своей работе, все они сейчас мучались за своих близких и боялись разлуки с ними. Я лучше их знала, что значит разлука с близкими. . . .

В начале октября стало вдруг холодно. Выпал снег, но быстро растаял. Днем на улицах стояла невообразимая грязь; к вечеру все замерзло. Последнее время я возвращалась домой лишь ночевать.

Общее положение стало теперь чрезвычайно тревожным. Фронт приближался и мое присутствие в лазарете было необходимо.

Правда, раненых оставалось очень мало и обслуживание их, при большом количестве медицинского персонала, было не сложно. Но, вот именно это обстоятельство и требовало, чтобы я находилась в лазарете целый день.

Медицинский персонал теперь почти бездействовал. Отсутствие работы, тревожные известия с фронта, который быстро продвигался, а кроме того, панические слухи, все это вместе создавало такую нервную атмосферу, близкую к панике.

Теперь в обязанность старшей сестры входило занять всех этих служащих. Найти каждому работу и ни под каким видом не позволять сестрам и санитаркам слоняться без дела, или собираться вместе и вести эти «контрреволюционные разговорчики», как их называли партийцы, и о которых так строго предупреждало меня партийное начальство. Но я, однако, фактически

не только прекратить, но даже уследить за ними не могла.

Усиленным темпом в лазарете шли занятия по ПВХО (Противо-воздушная химическая оборона). Сестер заставляли вести групповые занятия с санитарками, обучая их перевязывать и оказывать самостоятельно первую помощь раненым и отравленным газами.

Все занятия происходили в противогазовых масках. Производились часто местные тревоги для тренировки сестер и санитарок, как быстро спускаться по лестнице в газоубежище раненых и больных. Словом, усиленно готовили всех на случай бомбардировки города. Усиленно мыли и чистили полупустой лазарет. Всем этим руководил молодой врач-хирург, доктор Соколов. Я как старшая сестра, а также как инструктор ПВХО, была обязана во всем ему помогать. От этих усиленных подготовок и без того перемученный медицинский персонал еще больше волновался. Страх увеличивался. С каждым днем все больше чувствовалась теперь безвыходность положения, так сказать, обреченность лазарета.

Стало слышно, что и военный госпиталь сворачивается и куда-то уезжает. Эта новость особенно взволновала всех в лазарете. Наконец долгожданное известие пришло: лазарет оставался в Калининe. Он предназначался для обслуживания гражданского населения на случай бомбардировки города.

Понятно, это известие всех поразило и вызвало среди служащих самые разнообразные переживания. Одни были рады, что не приходилось уезжать, т.е. разлучаться с семьей, которую в случае эвакуации приходилось оставлять в такое страшное время, бросать на произвол судьбы. Другие — это была, главное, молодежь, напуганные ежедневными сообщениями о все

новых зверствах и насилиях немцев, боялись оставаться. Но, несмотря на эти столь различные переживания, всем одинаково стало жутко. «Оставлены на случай бомбардировки города...», в этих словах чувствовалась для всех одинаковая обреченность.

Каждый понимал, что бы теперь не происходило, как бы близко фронт не приближался, как бы враг ни бомбардировал город, все они должны оставаться на своих местах и чем страшнее будет военная обстановка, тем строже будут требовать военной дисциплины.

«Страшно, ох, как страшно, Ольга Ивановна! — жаловалась молоденькая 18 лет сестра Клавочка, в ее больших черных глазах виднелся ужас, — мама хочет, чтобы я уехала в деревню к бабушке, это 25 верст отсюда». «Нельзя, Клавочка, нельзя. Вы сами знаете, что мы не можем уехать, не можем бросить лазарет. Это ведь называется дезертировать, и это, вы сами знаете, карается военным трибуналом», — отвечала я строгим голосом. Однако, лицо мое выражало сочувствие, мне было жаль перепуганную молодую девушку.

Мне была необходима чрезвычайная осторожность; но — и я прекрасно это понимала — одной осторожности было мало. «Господи, сохрани и помоги!» — все чаще повторяла я, сознавая в глубине души, что только Господь, и только Он, может меня сохранить среди тяжелой военной обстановки и предстоящих, вероятно, впереди еще более тяжелых испытаний и ужасов. «Да будет воля Твоя!» — постоянно думала я.

Сколько тяжелых, невыносимых лет прошло с тех пор, что я рассталась с матерью и детьми. Сколько внутренней силы потребовалось, чтобы побороть в себе чувство отчаяния, которое последние годы так часто охватывало меня, перед беспросветностью того существования, которое приходилось мне влачить в полном

одиночестве, оторванной (как мне казалось) навсегда от своих близких. Будущее представлялось мне безнадежно серым. Вот именно эта повседневная беспроблемная серость требовала от человека иной раз гораздо больше воли и энергии, чтобы жить, чем в первые годы после революции. Тогда была еще надежда на что-то лучшее, потом ее долгие годы не было. И вдруг теперь... Страшно было даже подумать, но надежда стала опять воскресать, жизнь становилась вновь интересной.

За последнее время враг становился все решительнее. Все чаще с разных сторон стали появляться неприятельские разведчики. Однако, до самого города самолеты не долетали, они кружились где-то на подступах. Одновременно раздавался вой сирен и грохот дальних зенитных батарей. Быстро обнаруженный враг спешил скрыться. Сигналы воздушной тревоги быстро чередовались.

VIII. ПЕРВАЯ НЕМЕЦКАЯ БОМБА

Прошло еще два дня. Неприятель прилетал теперь уже регулярно каждую ночь, но, покружившись над окраинами города и быстро обнаруженный в его пределах, улетал обратно, не причиняя никакого ущерба.

В этот вечер я пошла спать раньше обыкновенного; было всего 10 часов вечера. Я быстро разделась и потушила свет. В доме было очень тихо. За перегородкой мирно похрапывала хозяйка. В комнате Шлейферов еще виднелся свет. Я закрыла глаза и понемногу сон стал овладевать мною.

Вдруг раздался страшный оглушительный удар, затем второй, земля сотряслась, и невероятной силы толчок встряхнул весь дом. Все кругом закачалось, западало, посыпались стекла.

«Господи, что такое?» — в полусознании, ничего не понимая, прошептала я, едва не слетев с кровати.

«Ах, батюшки, что это?» — закричала за перегородкой хозяйка. «Немцы, немцы, это немецкие бомбы», — прокричал Шлейфер.

В ту же секунду радио, висевшее на стене возле моей кровати, затрещало и затем испуганный голос заговорил: «Воздушная тревога, воздушная тревога, говорит Штаб ПВХО» (противо-воздушная химическая оборона). Одновременно завывала сирена и загудели заводы.

Теперь я пришла в себя: «Неужели немцы, действительно немцы, немецкие бомбы, т.е. «начало конца?», — с замиранием сердца от волнения, подумала я, продолжая лежать.

Я даже не успела испугаться и не испытывала страха, вся поглощенная мыслями о немцах.

Остальные жильцы уже все вскочили. Анна Николаевна и хозяйка, обе дрожащие, перепуганные, в одних рубашках, босые, метались по затемненным комнатам, натываясь в темноте на разные предметы и стекла, валявшиеся на полу. «Только не зажигайте света, Бога ради, никто не включайте свет», — кричал взволнованно Шлейфер. «Ах, батюшки, что же я буду теперь делать? Все стекла-то у меня в комнате с этой стороны разбиты; ах, да и затемнение все порвано, где я куплю стекла?» — охала несчастная хозяйка.

«Мария Петровна, осторожно, не порежьтесь, только ничего не зажигайте, даже спички. Затемнение

порвано, теперь все видно», — кричала Анна Николаевна.

«Тише Аня, тише, дай послушать, — останавливал Шлейфер жену. — Слышите, аэроплан гудит». Все замерли. В разбитое окно и порванное затемнение виднелось темное звездное небо, и в тихом морозном воздухе ясно доносился отдаленный гул самолета. По звуку он резко отличался от советских. — «Вот, слышите, по звуку можно отличить, что это немцы, слышите, наши гудят совсем иначе, — быстро говорил Шлейфер. — Это немецкий, да еще тяжелый бомбовоз, да еще, вероятно, не один. Они продолжают где-то кружиться над городом, слышите как батарея около нас начала палить?»

Несмотря на благоразумный совет немедленно встать и одеться, я продолжала лежать. Я совершенно не боялась, и мысль, что это может быть для меня смертельно опасно, просто даже не приходила в голову. Это было все так необыкновенно, так «интересно», а главное это было начало, начало долгожданного конца.

Я знала, что раньше чем захватить какой-либо город, немцы всегда предварительно начинали его бомбардировать. Теперь, по-видимому, действительно наступил черед Калинина. Как зачарованная, я слушала стрельбу, которая усиливалась, удары слышались в разных направлениях. Было ясно, что стреляют зенитные батареи, расположенные в разных частях города и в предместьях.

Все небо освещалось и сверкало разрывами. Бесчисленные лучи прожекторов кружились по всем направлениям, стараясь обнаружить врага.

Вдруг в ярко освещенной точке сверкнули серебряные крылья, летел вражеский самолет. Высоко над городом несколько лучей прожекторов разом скрести-

лись и остановились на одной точке. «Вон он, вон он летит, — закричал Шлейфер, наблюдавший все время в разбитое окно. — Скорей, скорей, посмотрите!». Действительно, теперь было видно. В ярко освещенной точке, очень высоко летел немецкий бомбовоз. Неистово грохотали, уже в разных сторонах города, зенитные батареи, стараясь сбить обнаруженного врага, все летевшего в ярко освещенных лучах прожекторов, и быстро улетающего. С ревом пронеслись вдогонку советские самолеты. Темное небо освещалось разрывами снарядов и казалось светлым.

Для людей, еще не опытных в войне, какими были я и остальные в доме, весь этот грохот пушек, шум и рев машин — все это сливалось в один гул, и только, когда стреляла ближайшая батарея, и опять в доме все начинало трястись, дрожать и падать, мы понимали, что неприятель еще все продолжает кружиться где-то здесь над нами.

Сколько времени все это длилось, определить было трудно. Наконец, все звуки стали слабеть. Теперь уже стреляли где-то дальние батареи. Несколько советских самолетов шумно кружились еще над городом, но главные силы умчались, преследуя врага.

Наконец, все затихло и скоро раздались фабричные гудки. Одновременно затрещало радио и Штаб ПВХО объявил: «Отбой».

Уже рано утром хозяйка узнала от соседей, что неприятель бомбил мост через приток Волги — Тверца, так называемый Затверецкий мост. Несколько домов возле моста были совершенно разрушены, другие горели. Говорили, что было раненых около 20-ти человек и двое убитых. Но все это было еще не точно. Пожарные продолжали еще работать. Однако, сам мост остался невредим.

В 7 часов утра я, как всегда, пошла на службу. На

улице раздавался звук разбитых стекол, которые несчастные жители подметали возле своих домов. Совершенно растерянные и испуганные, они делились своими догадками и предположениями, куда упали бомбы и делали самые нелепые и глупые предположения.

На улицах все было спокойно, и нигде не было заметно никаких разрушений. По-прежнему обычная толпа, боясь опоздать, спешила по всем направлениям на работу. Выражение лиц было, как всегда, сосредоточенное и озабоченное.

Я перешла Волжский мост, повернула налево и пошла вдоль улицы Софии Перовской, в конце которой находился лазарет.

Большое белое здание Туберкулезного диспансера, теперь лазарета, окруженное деревьями, по-прежнему, цело и невредимо, красовалось на своем месте.

Но как только я вошла в лазарет, я сразу же почувствовала, что настроение там было какое-то необыкновенное; не только чрезвычайно нервное и взволнованное — это было бы вполне понятно после такой «страшной» ночи — но было еще что-то другое, что указывало мне на серьезность положения. Это было отсутствие того строгого порядка, вернее дисциплины, которой всегда отличался лазарет, и за которой я обязана была всегда так тщательно следить. В это утро порядок был нарушен и мой опытный взгляд сразу это заметил.

В раздевальне, где обычно полагалось быть одной дежурной санитарке, я увидела троих. Они громко и взволнованно о чем-то говорили.

Я быстро окинула их удивленным взглядом, и в моей голове моментально промелькнула вечно преследующая меня фраза, столь угрожающе сказанная мне в начале войны секретарем Местного комитета товари-

щем Тульцевым: «Это, чтобы никаких у тебя, сестра, контрреволюционных разговоров в отделении не было». «А сегодня, — испуганно подумала я, — сегодня, больше чем когда-либо, надо быть осторожной».

При виде меня санитарки не только не испугались, что я их застала собравшимися вместе без дела, просто болтающими, что было строго запрещено, но даже все бросились мне навстречу. «Сестрица, как у вас? Все благополучно? — заговорили они все разом. — Говорят, бомбы упали у Затверецкого моста, недалеко от вас. Ах, сестрица, ужаси какие, — восклицали санитарки, — а мы думали, вдруг вы не придете? Вот, сестра Артемовская недавно звонила, что опоздает на работу, через мост ее не пустили, мост, говорят, весь оцеплен войсками и народ через него не пускают. Идти надо теперь кругом. Несколько домов у моста совсем разрушены. Говорят, очень много раненых лежат в Затверецкой больнице, и есть убитые». Санитарки перебивали одна другую, задавая вопросы и не дожидаясь ответа, продолжали дальше взволнованно сообщать все новости.

Увидав вокруг себя перепуганные лица и слушая их взволнованные бессвязные разговоры, я поняла, что они были близки к панике. Не отвечая на их вопросы, я молча прошла вглубь комнаты, где находился мой шкаф. Быстро скинув пальто, я надела халат, потом подойдя молча к зеркалу, которое висело между двумя окнами, стала очень медленно и спокойно завязывать косынку.

Санитарки заметили, что я все время молчу. Голоса их стали тише и постепенно они замолкли. Тогда я спокойно и громко сказала, не отрываясь от зеркала: «У меня дома было, в общем, благополучно, только стекла вылетели, — и затем, не давая санитаркам времени меня расспрашивать, быстро повернулась к ним

лицом и, обращаясь к старшей санитарке Савельевой, сказала: — Матреша, что вы все тут делаете? Вам уже давно время раздавать больным завтрак». Услышав эти слова, санитарки вдруг спохватились и пришли в себя. Сконфуженное, виноватое выражение появилось на их лицах.

«Идем, идем, сестрица, сейчас идем», — уже совсем другим голосом произнесла старшая санитарка Савельева, и с этими словами они все поспешили в отделение.

Я пошла вслед за ними. Уже поднимаясь по лестнице, я вдруг услышала необыкновенный шум голосов. Очевидно, в отделении тоже творилось что-то неладное. В коридоре, где висел большой репродуктор и где обычно теперь каждое утро собирались раненые бойцы слушать последние известия, в это утро собрался весь персонал лазарета. Служащие всех отделений, медицинской и хозяйственной канцелярии, лаборанты рентгеновского кабинета, кухни, не говоря уже, конечно, о врачах и медицинском персонале, все решительно находились сейчас там.

Взволнованные событиями прошлой ночи, все говорили как-то особенно громко, возбужденно делились переживаниями, сообщали друг другу новости, и в ожидании последних известий, особенно волновались. Все раненые и служащие толпились возле огромной карты, висевшей на стене, и где каждый раз после правительственного сообщения секретарь Месткома отмечал флажками малейшее изменение фронта.

Действительно, жутко было смотреть, как быстро продвигался фронт. Неприятель, как-будто без всякого сопротивления, беспрепятственно захватывал каждый день все новые и новые участки. Огромные пространства Советского Союза на севере, но главное на западе,

были уже взяты неприятелем. Слышались возгласы раненых: «Смотри, смотри Ваня, куда немец окаянный зашел, смотри, где осталась деревня Поповка, где меня ранило». Другие озабоченно и со страхом следили, как быстро подступал страшный враг к их родным местам.

Перепуганные ночной бомбардировкой, все ждали сейчас услышать что-то особенно важное о Калинине.

Я поспешила скорее пройти в дежурную комнату, но это было трудно сделать, так как раненые и сослуживцы меня останавливали, расспрашивали о ночной бомбардировке. Я коротко всем отвечала, что у меня все благополучно, и что я не знаю даже, где упали бомбы.

Коммунисты лазарета казались в это утро необычайно взволнованными, но мрачно молчали и держались как-то все больше вместе. Заведующая Шестакова нервно ходила взад и вперед по коридору. Лицо ее от волнения было покрыто красными пятнами. Она постоянно заговаривала то с одним, то с другим раненым красноармейцем, расспрашивала о их здоровье, то останавливала кого-нибудь из медицинского персонала, отдавая им приказания, затем на полслове вдруг обрывала разговор и обращалась к другим.

В час дня, как обычно, радио зашипело. Все больные и служащие притихли и с волнением ожидали узнать хоть что-нибудь новое о фронте. С замиранием сердца ожидали они сведений, связанных с положением Калинина, т.е. узнать о собственной судьбе. Однако голос по радио повторял все тоже самое о доблестной Красной Армии. Как и всегда послышалась обычная фраза: «На фронте без перемен». Затем шли сообщения о положении Смоленска, где доблестная Красная Армия после усиленных боев выбила неприятеля из южной части города, что к Ленинграду неприятель

продолжает стягивать войска и что в районе Вышнего Волочка (Окт. жел.д.) идут ожесточенные бои. Это была вся сводка, затем следовали новости по Союзу. Затем радио зашипело и замолчало. О Калининe не было сказано ни слова.

Несколько минут длилось общее молчание, точно все ожидали продолжения, что вот сейчас еще что-нибудь скажут. Казалось невероятным, что о Калининe ничего сказано не было.

В это время в дежурке несколько сестер оживленно разговаривали с д-ром Соколовым. Это был теперь единственный оставшийся хирург лазарета. Остальные все уже были эвакуированы или отправлены на фронт. Д-р Соколов был еще молодой и очень способный врач. Он считался лучшим ассистентом д-ра Успенского, известного хирурга г. Калинина. У него была интересная наружность. Одет он был всегда необычайно элегантно и своим европейским видом отличался от остальных советских врачей. В обращении с медицинским персоналом всегда был корректен и никогда не ругался, и уже понятно был любимцем сестер: молодые, а также пожилые, все были к нему неравнодушны.

При моем появлении в дежурной комнате оживленный разговор быстро прекратился. После нескольких слов приветствия и расспросов о том, как я провела ночь, сестры быстро разошлись. Я села за низкий стол и стала просматривать дежурную книгу сестер. «Ольга Ивановна, — сказал, подходя к моему столу, д-р Соколов, — вам необходимо сейчас же, как кончится завтрак, позвонить в эвакуационный пункт», — и с этими словами он сел возле стола. «Т.е. вы хотите дозвониться», — перебила я его, отрываясь от книги и глядя на него. «Ну да, дозвониться! Полнейшее безо-

бразие, — продолжал он, — почему они до сих пор не прислали за нашими ранеными, мы уже столько раз им твердили об этом, и они еще неделю назад как обещали их забрать». «Вчера я несколько раз пробовала телефонировать, — сказала я, — но почему-то эвакуационный пункт не отвечал, вообще последнее время невероятно трудно его добиться, иногда полчаса стоишь, просто времени и сил на это нет».

«Да, Ольга Ивановна, но сегодня просто необходимо добиться, — твердо произнес д-р Соколов, — требуйте поговорить с самим начальником эвакуационного пункта, скажите ему, что заведующая и я, мы требуем спешной разгрузки. В самом деле начальник пункта уже несколько дней как обещал все разгрузить, ведь не богадельня для хроников наш лазарет; что мы будем с ними делать, когда теперь каждый момент мы должны ожидать 'своих' раненых, понятно?» И он многозначительно посмотрел на меня.

Но я продолжала сохранять все то же спокойствие и даже после слов, так многозначительно произнесенных д-ром Соколовым о «своих раненых», означавших городское население, пострадавшее от бомбежки города. Для этой цели и предназначался лазарет и этого теперь можно было каждый момент ожидать. «Понятно, — просто сказала я. — Как только кончится завтрак, я сейчас же буду...». Но я не договорила: затрещало радио, и мы оба поспешили в столовую слушать последние новости.

Моментально водворилась мертвая тишина. Мощная станция Коминтерна передавала последние известия. На фронте без существенных перемен, неприятель, продолжая развивать наступление и получая все время свежие подкрепления, и желая сломить железную сопротивляемость Красной Армии, сосредоточи-

вает все новые силы на главном фронте. По-прежнему идут усиленные бои в районе юго-восточного Пскова. После бешеных атак неприятелю удалось взять ст. Стасово. В районе южнее станции Малая Вишера неприятель, продолжая развивать наступление, стремится овладеть и разрушить Октябрьскую железную дорогу.

Правительственное сообщение было окончено. Однако несколько секунд все продолжали хранить молчание, никому не верилось, что это все. О Калинине не было сказано ни слова. Правда, последнее время сообщения были всегда какие-то особенно короткие, как-будто чего-то не договаривали, скрывали, и сегодня всем стало ясно, что всю правду не сообщали, раз о бомбардировке г. Калинина не было даже упомянуто. Калинин — это большой областной центр, город, стоящий на магистрали Октябрьской железной дороги. Калинин стоял под ударом врага и уже подвергся бомбардировке, и в правительственном сообщении о нем даже ни слова не было упомянуто. Видимо, действительное положение было трагическое.

Постепенно все задвигались и заговорили. «Сестра Звездина, как только проведешь завтрак бойцов, сейчас же спустись ко мне в канцелярию, — сказал секретарь Месткома тов. Тульцев, — нам необходимо обойти с тобой чердак». «Петр Арсеньевич, д-р Соколов требует, чтобы по окончании завтрака я звонила начальнику эвакуационного пункта срочно взять от нас раненых, а сами знаете, что это такое значит, позвониться до эвакуационного пункта». «Знаю, сестра, — с досадой воскликнул Тульцев, — да неужели врачи сами не могут позвонить, и это даже для них должны сестры делать». Я только слегка пожала плечами и улыбнулась. «Ну, ладно, звони, а затем немедленно приходи

вниз, да вели всем санитаркам, состоящим в пожарном звене, тоже приготовиться, они пойдут с нами, и чтобы все захватили противогазы. Поняла?»

«Поняла», — едва успела я ответить, как ко мне подошла заведующая и возбужденно закричала: «Почему вы, сестра, не распорядились, чтобы Семенову дали сегодня уже молочную порцию. Ведь я уже вчера велела вам это сделать, а санитарка Нюра говорит, что только 6 молочных, с Семеновым выходит — 7, а на кухне ничего об этом не знают, неужели вы даже этого не могли запомнить», — повышая тон до крика и глядя сердито на меня, сказала Шестакова.

«Я это не только запомнила, Мария Гавриловна, но и внесла в порционник вчера, — ответила я спокойным голосом, — но так как Пенькова сняли с молочной диеты и перевели на общую, остаются для кухни 6 порций. Очевидно санитарка не знает, а я сейчас это выясню у дежурной сестры». «Да, поскорее выясните, — уже более спокойно сказала заведующая, — а затем не забудьте проверить, чтобы весь наш перевязочный материал — марля, бинты и запасы лекарства — все, что ночная сестра вложила в ящики в нижнем помещении, все это сегодня же утром велеть санитаркам, да и младшим сестрам, снести в газоубежище и там поставить в маленькую комнату. Кроме того, сегодня до обеда придется сделать местную тревогу, чтобы немного подучить медицинский персонал и раненых в случае воздушной тревоги быстрее спускаться по лестнице в газоубежище, а сестрам и санитаркам нести носилочных больных. Надо еще проверить затемнение в перевязочных и операционных, проверить противогазы...». Заведующая продолжала говорить.

Но я уже больше ее не слушала и думала с досадой: «Скорее, скорее бы она только кончила говорить, у

меня столько дела, голова кружится, все равно сколько бы еще ни приказывала, все равно исполнить все до обеда не смогу, только время у меня отнимает». Выражение скуки, смешанное с досадой, отражалось на моем лице, и я заведующую больше не слушала.

Наконец, д-р Соколов подошел к заведующей с каким-то срочным вопросом; я воспользовалась этим моментом, чтобы уйти.

(Продолжение следует)

Ю. К. Мейер

МЫ — ПОМЕЩИКИ*

Я берусь за эти воспоминания отнюдь не оттого, что считаю себя специалистом социологом и могу охватить необъятную тему судьбы дореволюционного правящего класса России. Но, с другой стороны, если жизнь помещиков и нашла точное описание в трудах наших литературных классиков второй половины прошлого века, то ее судьбы на роковом переломе начала этого столетия в период двух революций остались далеко не достаточно освещенными. Может быть только И. А. Бунин лирически воспел помещичий класс на его путях к ликвидации. Никакого серьезного исследования я дать не могу, так как моя связь с родной землей, нашим имением, была кратковременной и пришлась к моему возрасту от 7 до 17 лет. Естественно, что мои впечатления были поверхностны, и выводы глубококомыслием не отличались. Ценность моих показаний состоит в том, что будущие историки смогут все мною

* Учитывая огромный интерес к прошлому России среди наших читателей, Редакция с удовольствием публикует воспоминания известного русского журналиста и публициста Ю. К. Мейера «Мы — помещики». В своих воспоминаниях автор с большой теплотой и умением рисует атмосферу жизни русского мелкопоместного дворянства, быт той среды, из которой столетиями выходили многие выдающиеся деятели русской культуры во всех областях. Главный интерес мемуаров Ю. К. Мейера именно в умении передать, так сказать, вкус и запах помещичьей жизни. Мы надеемся, что наши читатели с интересом прочтут воспоминания одного из последних свидетелей далекой эпохи и форм быта, дотла уничтоженного советской властью.

написанное, как часть живой ткани, взять под микроскоп и этим увеличить познание канувшей в Лету эпохи.

Итак начнем. Моя семья по отцу дворянская и помещичья. Предок майор Мартын Мейер получил пожалованное при Екатерине Великой село Спасское-Кубань, в Малоархангельском уезде Орловской губернии. Семья Мейеров там осела, и мой дед Александр Николаевич Мейер, родившийся в 1832 году, всю свою жизнь прожил в этом имении, дослужился до чина действительного статского советника и был много лет уездным предводителем дворянства, а при освобождении крестьян — мировым посредником. Моя мать, Анна Федоровна Гончарова происходит тоже из семьи дворян Бессарабской губернии. Ее отец был генерал-лейтенант и командовал бригадой.

Дед Мейер приобрел соседний хутор Ивановку, и к тому моменту, когда меня мальчишкой стали возить в Кубань, все имение составляло 1200 десятин, что для Орловской губернии считалось маленьким. Не буду отрицать, что в те годы (1904 по 1917) несомненно большая часть земли в нашем районе принадлежала помещикам. Железнодорожная станция, на которой мы сходили, называлась Змиевка и была расположена на Московско-Курской железной дороге в 60 километрах от Орла. Следующая к югу станция была Поныри, от которой отходила ветка на Малоархангельск. Как за наше время изменились представления о времени, нужном для поездок! В Орле мы, отец, мать и я, садились на извозчика и ехали верст пять на Орловский вокзал. Почему-то в те времена вокзалы губернских городов были всегда расположены не только просто на окраине города, что было бы понятно, но еще версты за две от окраины. В Орле в те времена считалось особым ши-

ком поехать на лихаче на вокзал ужинать: тамошний повар славился на весь город. Потом на почтовом поезде мы со скоростью 25 верст в час попадали в Змиевку.

Одно название станции будит в вас утерянные воспоминания о типичной русской станции начала этого века. Деревянное двухэтажное здание рядом с водонапорной башней, с несколькими путями, часто без особых перронов; внутри небольшое помещение с оконцем билетной кассы, дверь в буфет, в котором на прилавке к приходу поезда выставляются бутерброды и тартинки, прикрытые полукруглыми колпаками из железной проволоки — защита от мух, которые тут же гибнут, пытаясь с жужжанием и напрягая крылышки освободиться от клея желтой бумаги. Тут же дамская комната с креслами и диванами или с деревянной спинкой, на которой выгравированы инициалы названия железной дороги, или с клеенчатой обивкой, покрытой белыми холщевыми чехлами.

Второй этап путешествия закончен. Выходим на подъезд станции, на небольшую площадь с булыжной мостовой, обсаженную чаще всего осинами или липами. Кучер Николай, высланный нас встречать, подает к подъезду тройку. Коляска небольшая. Родители помещаются на удобном, глубоком и мягком заднем сидении, а я как мальчуган сажусь на откидную скамеечку, спиной к кучеру и лицом к родителям. 28 верст от Змиевки до Кубани мы проезжаем, не спеша, за три часа. Итак, переезд, в общем, в 70 верст занимает часов 8.

Булыжная мостовая от переезда через железнодорожные пути тянется всего полверсты, и наступает момент, воспоминание о котором до сих пор, через 70 лет, наполняет меня чувством блаженства. Коляска

съезжает на проселочную немощеную дорогу. Пыль ли на ней или грязь, но езда становится мягкой и нетряской. Лесов в этой средней части Орловской губернии почти не осталось, только в деревнях повсюду разлапые ракиты, а в усадьбах в саду и рощах — могучие дубы в 200-300 лет. Изредка на горизонте вы видите небольшую группу таких дубов, последние остатки от немилосердной вырубки. Местность сравнительно ровная, пологая с медленными подъемами к какому-нибудь гребню. Кругом поля. Вид их, конечно, меняется в зависимости от времени года. Но если ехать в конце июня, то вот она, серо-желтая рожь, перемешанная вдоль дороги с полынью и с проглядывающими из ее гущины васильками, или красновато-розовая пшеница, которую, впрочем, здесь сеяли мало из-за недостаточного тепла в период вызревания. Колос у ржи грубый с длинной остью, у пшеницы он, я бы сказал просто, очень изящен. При принятом в те времена трехполье это — так называемый озимый клин, первый в трехлетнем круговороте. А вот и яровой клин с весенним посевом. Тут на первом месте овес со своими кистями, склоняющимися под весом наливающихся зерен. Гораздо реже на полях помещиков вы можете увидеть белый ковер цветущей гречихи мелкими белыми цветами и под ними красными тонкими стеблями, или в конце июля ковер клевера с его темно-красными мохнатыми шарами-цветами на фоне зеленых листьев. Если вы выбираете дорогу, ведущую за крестьянскими дворами, чтобы объехать громадные лужи, прямую трясину на главной улице села, — то позади изб вы увидите высокую коноплю с наливающимися кистями зерен, сплошные ярко-зеленые ряды гряд окученного картофеля, весной цветущего мелкими белыми цветами с желтым пестиком, или

осенью — уже крупные светло-зеленые кочаны капусты.

При такой езде со станции Змиевки в Кубань вы в первом десятилетии нашего века убеждались, что Орловская губерния была дворянская, и что при каждом селе было имение, да еще лучших российских дворянских родов. Первым на пути было Куракино. Александр Борисович Куракин был в те времена губернским Предводителем дворянства. Через 7 верст вы проезжали Столбецкое, имение Михаила Михайловича Мацнева. В 12-ом и 13-ом году он построил на свои средства на своей земле больницу для крестьян. В двух верстах от Столбецкого было имение Емельянова. И когда мы начинали приближаться к нашему родному гнезду, то в низине открывалась деревня Алексеевка с имением Сергея Сергеевича Олив, бывшего в конце прошлого века помощником Главноуправляющего Уделами князя Виктора Сергеевича Кочубея. Когда коляска минует последний дом деревни и откроется широкий простор полей, то на горизонте в четырех верстах по пологому подъему мы видели две ракиты, так называемую «Часовенку». Они были небольшие со сбитыми в сторону ветками и редкой листвой, — очевидно давно воткнутые в землю вехи-путеводители, разросшиеся и удержавшиеся, невзирая на постоянные налеты ветров. Для меня и моей матери это было не столь важно, но для отца это был первый привет родной земли. Когда мы достигали вершины возвышенности у Часовенки, то уже катились по собственной земле, и за пологим спуском длиной с версту виднелась наша усадьба, пруд, плотина с двумя рядами мощных ракит, за прудом большой амбар с красной железной крышей и дальше купы столетних дубов в так называемой верхней роще. На каждой деревенской плотине есть

маленький деревянный мост над протоком, по которому уходит лишняя вешняя вода. И вот шум колес по доскам этого мостика всякий раз для меня как бы замыкал прошедший период — жизнь в Самаре, гимназию, все городские удовольствия — и начинался новый этап величайшего спокойствия и деревенских развлечений.

Проехав плотину, кучер Николай подхлестывает пристяжных, которые переходят на галоп, и мы на быстром ходу проезжаем сначала птичий двор, грязную избу под тенью раKIT. Спешно разбегаются куры с выводками цыплят, крикают утки с утятами, переваливаясь и спеша к сажалке за птичником. Поясню, что такое сажалка. Это вырытый в земле бассейн величиной примерно метров 10 на 4 для водоплавающей птицы. Оттуда слышен гогот гусей. Дальше мы быстро едем по аллее из больших раKIT, оставляя в стороне скотный и отдельный воловий дворы, и между двух въездных кирпичных столбов с пирамидальными верхушками. Это уже выстроил мой отец, как знак, что вы въехали в самую усадьбу. Тут как раз растут девять громадных дубов, очевидно еще с поры Смутного времени, и дальше тянется так называемый «старый» фруктовый сад в отличие от нового, посаженного в самом конце прошлого века, с яблонями, грушами и сливами. Еще несколько саженей, и открывается широкий двор — луг с клумбами цветов, и мы по половине овала этой дороги подкатываем к подъезду барского дома. Не думайте, что он очень роскошен. Он — деревянный, в два этажа, снаружи покрытый деревянным тесом, выкрашенным в темно-розовую краску. Большие окна снабжены двухстворчатыми ставнями, которые повар или горничные по вечерам закрывают, для чего служат щеколды. Утром их открывают и закрепляют к стене такими же щеколдами.

На звон бубенцов нашей тройки высыпают нас встречать. В первую очередь тетя Таля, старшая из поколения моего отца, ведущая хозяйство имения, и многочисленная прислуга. Вот первое крыльцо, на нем сбоку стоит ручная пожарная машина, дальше следует вторая большая передняя с непередаваемым свежим запахом, неведомо как создающимся в старых помещичьих домах. Дом небольшой. Внизу небольшой зал, за ним гостиная, дальше столовая. Из гостиной выход на террасу в сад, защищенную от солнца крышей и густой стеной дикого винограда. Из гостиной двери в большую столовую. Кроме того, в нижнем этаже шесть спален, вытянутых вдоль коридора, проходящего по середине дома, с лестницей на верхний этаж. Там тоже коридор, и по одну сторону тоже шесть комнат — три бывшие детские, а теперь спальни для приезжей молодежи вроде меня и три для прислуги. Наверху по другую сторону коридора — большие кладовые и гардеробная, в которой десятками лет хранились платья бабушек и формы дедов. Этим добром мы пользовались, устраивая живые картины.

В смысле удобств и гигиены все было примитивно. Для освещения в гостиной, зале и столовой висели керосиновые лампы с белыми фаянсовыми абажурами. В некоторых спальнях у ночных столиков были стоячие лампы, а когда дом был переполнен, то спать в отдельные комнаты шли со свечой. В спальнях на больших деревянных или мраморных умывальниках стояли фаянсовые разукрашенные тазы и кувшины, в которые горничные с утра наливали воду. К такому ассортименту принадлежала выдержанная в том же стиле ночная посуда. Для того, чтобы помыться целиком, надо было пройти по саду полтора шага до бани, а летом ходить на полверсты в деревянную купальню на пруду. Место удобств называлось «чу» и со-

стояло из сиденья, под который была глубокая асептическая яма, которую чистили два раза в год. Спускать воду можно было, так как над сиденьем был устроен металлический бак, который прислуга наполняла водой. С умилением вспоминаю металлический крючок, укрепленный на бронзовой пластинке, изображающей венецианского льва. На этот крючок тетя Таля насаживала аккуратные квадраты газетной бумаги. Пипифакса тогда, во всяком случае в провинции, не было.

В саду перед террасой были цветники, которые по ужасной тогдашней моде украшались разноцветными стеклянными шарами, помещенными между цветами. От дома расходились аллеи лиственниц, липовая, жасминная, кленовая. Жасминовая упиралась в густейшие заросли кустов и камыша с коричневыми бархатными головками осенью. Эти заросли спускались под обрыв, на дно бывшего большого пруда. На противоположном берегу начинался луг крестьян. Еще в конце прошлого столетия плотину прорвало, и с тех пор владельцы имения, то есть мой дед, не могли сговориться с крестьянами о восстановлении плотины. Вода из «Студеного» ключа, из которого привозили воду и который выходил из-под земли в низине луга в версте от сада, в микроскопическом масштабе повторяла ту же работу, которую делала река Колорадо в Гранд Кэньоне. При паводке обрушивались подмытые берега, и овраг становился все шире и глубже. В соседней березовой роще, выросшей на торфянике, в почве образовывались глубокие трещины, и отдельные деревья с землей сползали вниз. Для нас детей эти места были идеальными для игры в индейцев. Все герои Майн Рида и Фенимора Купера побывали на откосах этого оврага. Забыл упомянуть, что острая проблема отопления при отсутствии лесов для Кубани не существовала. За сада-

ми в низине был большой торфяник. Специалисты резчики приходили весной и лопатами, похожими на лопаточки, которыми берут кусок торта, вырезали аккуратные кирпичи торфа, которые искусно складывали в продуваемые со всех сторон пирамиды для сушки.

Усадьба Кубани была построена по старому принципу. Ничто не должно было ускользать от глаза бдительного хозяина. Поэтому, если он сидел на скамеечке у подъезда главного дома, то перед ним по овалу располагались: баня, расхожий амбар с продуктами для рабочих, каретный сарай, большая каменная конюшня, для тепла покрытая соломой, ледник — деревянный домик срубом с глубокой ямой, которую зимой набивали глыбами льда с пруда и укрывали их соломой. Там на полках хранилось молоко. Дальше шел колодец и большая каменная людская, жилье для рабочих с кухней, где повариха Харитинья приготавливала обед и ужин для рабочих. Рядом с домом, но с другой стороны, была каменная кухня, где готовил еду хозяевам повар Николай Упатов. За пределами этого овала находились еще одна большая кирпичная людская, в которой жил главный пастух Рязанцев, житный двор, где под навесами стояли сеялки, косилки, конные грабли, плуги и где были целые завалы всякого старья, накопившегося за десятки лет. За житным двором была псарня с собаками, которую я описал в главе «Охоты». Напротив житного двора был большой скотный двор. Эти постройки были — срубы, соединенные в несколько венцов, под соломенной крышей. В отдельном стойле стоял бык-производитель. Стадо у нас было симентальской породы. Почему-то в России полагалось, чтобы бык был неукротимой злобы и представлял постоянную опасность. Поэтому нам, детям,

запрещали вертеться около скотного двора, когда пастух гордо и медленно вел Снежка на цепи с кольцом, продернутым через ноздри, на водопой к сажалке. Зимой в доильне коровы стояли постоянно, и навоз с соломой из-под них не убирался. Таким образом они к марту месяцу стояли почти у переметов крыши и должны были глубоко гнуть шеи, чтобы добраться до корма в больших яслях. Еще дальше были расположены амбары, одноэтажные деревянные срубы, с ровным досчатым полом для ссыпки зерна, под железной крышей; тут же невдалеке кузница, и, наконец, рига, то есть то здание, о котором я писал в главе «Игры», и которая служит для молотьбы, когда барабан и веялки приводились в движение конской тягой. Восемь лошадей ходили по кругу, вращая громадное горизонтальное колесо, которое через шестерни и маховое колесо давало с помощью ременной передачи нужную скорость зубчатому барабану. Так как этим способом нельзя было молотить по мере подвоза копен с поля, то они вокруг риги складывались в скирды высотой с двухэтажный дом с искусно выведенными из уложенных снопов двухскатными крышами. Такие скирды стояли правильными рядами в несколько рядов и образовали своего рода городок, в котором мы играли в прятки и догонялки, крадучись на перекрестках и осторожно выглядывая из-за угла скирда. Рига перерабатывала этот запас хлеба зимней молотьбой.

Возможно, что все эти подробности покажутся скучными нашим молодым читателям второго и третьего поколения после нас. Но прежде, чем описывать самих помещиков, я прилагаю старания чтобы описать ту обстановку, в которой протекала их жизнь.

Переломными годами в поведении помещиков нужно считать годы первой революции 1905-1907. Ос-

новным чувством помещиков стал страх и стремление, невзирая на всю любовь к насиженным гнездам, покинуть их. Но помимо неуверенности в будущем, было еще одно явление, которое вело к уходу помещиков из своих имений. Это измельчание помещичьих владений. Дело в том, что, например, поколение моего отца было весьма многочисленное. Очевидно, деды были уверены в своем будущем и обзаводились большими семьями. У моего деда Мейера было шестеро детей, у деда Гончарова, отца моей матери, — девятеро. По соседству у помещиков к концу прошлого века всюду было много детей. Теперь, если как пример взять мою семью, складывалась такая перспектива на будущее. Как я уже сказал, у деда Кубань с хутором Ивановкой составляла 1200 десятин. После его смерти каждому из шестерых детей досталось бы по 200 десятин. Дальнейшее хозяйство могло бы вестись только сообща. Но так как эти шесть отпрысков, по всей вероятности, обзавелись бы своими семьями, то им не было бы места для жизни в прародительском доме. Поэтому среди помещиков в поколении моего отца наблюдался, если можно так выразиться, уход на отхожие промыслы, и связь с родной землей терялась, тем более потому, что одновременно с уходом являлось желание продать свой удел. Именно это произошло с моей семьей. Три моих тетки после революции 1905 года продали хутор Ивановку, то есть свои доли, в общем 600 десятин. Их примеру последовал и средний брат Леонид. От всего имения осталось 400 десятин, принадлежавших моему отцу и его младшему брату Жорику. Но с таким сокращением площади менялась вся рентабельность владения таким участком земли. И это вынудило и этих двух последних владельцев уйти в город и искать источник существования на службе. Между прочим, характерная

вещь. В конце прошлого столетия то, что у американцев называется планированием семьи, стало проводиться неукоснительно в помещичьих семьях и стало вполне возможным, несмотря на то, что в те времена никаких мер против зачатия и никаких пилюль не существовало. Если в поколении отца было шестеро братьев и сестер, то в следующем поколении детей было только четверо, и в каждой семье только по одному ребенку. То же самое было в семье Олив: при пяти членах в старшем поколении, у них в следующем поколении было только три отпрыска. Мое поколение, ставшее жертвой революционного катаклизма и эмиграции, напуганное неуверенностью в будущем, пошло еще дальше, и вообще большинство браков осталось бездетными. Редко кто решался обзавестись одним ребенком. Только в нынешнее время наши дети опять увереннее смотрят на будущее и стали производить на свет по несколько детей.

Возвращаясь к поколению моего отца, надо заметить, что в помещичьем быту повторялось в уменьшенном масштабе то, что привело к концу удельный период, когда для новых поколений удельных князей не хватало вотчин. Система майората или немецкого «Эрбхоф», при которой имение переходило к старшему в роде и не могло быть поделено, в коренной России не применялась. Она действовала в прибалтийских губерниях, занесенная туда из Германии.

Следуя таким образом общему велению судьбы, и в Кубани всего через три года после смерти прародителя Александра Николаевича Мейера четыре наследника продали свои доли, и из 1200 десятин осталось всего 400 при несоразмерно большой усадьбе. Правда, нужно сказать, что три сестры моего отца, замужняя Мария и незамужние Наталия и Валерия сохранили до конца

жизни горячую любовь к родному гнезду. Наталия оставалась все время управляющей имением, и Валерия жила с ней в Кубани. Теперь я сам под конец своей жизни понял и горько ощущаю нашу общую вину, грусную судьбу моих теток. Возьмем младшую Валерию. Все Мейеры были очень высокого роста и не особенно красивы. Валерия окончила институт в Орле, знала хорошо французский язык, имела приданное за проданную землю около 80.000 рублей, но зарывшись в глуши деревни так и не нашла себе жениха. Единственно, что она себе позволила, это поездку два раза в Монте Карло, куда она ездила вместе с замужней сестрой Марусей и своим зятем, орловским присяжным поверенным Леоном Иосифовичем Кржевским, поляком, католиком. Все остальное время она безвыездно жила в Кубани. Представьте себе, примерно 10 месяцев в году жизнь вдвоем с сестрой в доме, окруженном зимой наметами снега, плохо освещенном керосиновыми лампами, без общения с другими людьми для молодости девушки! В 1909 году она стала болеть. У нее оказался абсцесс в кишечнике. Что мог в таком случае сделать земский врач, ее лечивший? Каковы должны были быть мысли у этой девушки, умиравшей в глуши! Наконец, очевидно, когда у нее начался перитонит, сестра Таля спохватилась и приняла крайние меры — везти Валеру в Москву. Был конец марта, и дороги были непроезжими ни для саней, ни для коляски. Крестьяне Кубани несли Валеру на носилках, сменяясь, 26 верст до спального вагона на станции Змиевке. На следующий день по приезде в Москву она скончалась. Судьба тети Тали была не менее трагична. Она была болезненная, худая, всегда подтянутая. Много читала, выписывала ряд журналов и, конечно, «Русское Слово». Каждый вечер слушала доклад приказчи-

ка и намечала программу работ на следующий день. Но, конечно, в зимние месяцы и этого занятия не было. Как все помещицы, она лечила крестьян. Набор лекарств был ограниченным: хина, касторка, капли Иноземцева, иод. Но отношения у нее с деревенскими были хорошие. Наш уезд в 1917 и 18 годах был спокойным. Усадеб не жгли и помещиков не убивали. Правда, большинство из них покинули усадьбы в начале 1918 года. Когда в наш дом в Кубани вселился Комитет бедноты, тете Тале оставили ее комнату. Там она и прожила до 1921 года, потеряв всякую связь с родными. Мои родители и я были уже за границей, Кржевские пытались бежать на юг, но вернулись в Москву и притаились. Так всеми забытая тетя Таля умерла в 21 году от рака.

Хочется сказать несколько слов и о дяде Леониде. Он был ростом в сажень, охотник и любитель лошадей. Очень нравился женщинам и любил в клубе играть в «шмэн-де-фер». Его любовь к лошадям, когда он жил в Орле, дошла до того, что он из спальни своей первой жены переселился в конюшню и спал за перегородкой рядом со стойлом серого орловца-рысака и кровного англичанина под седло. Революция застала его в Самаре, он был тогда юрисконсультom Удельного округа и слыл либералом. Поэтому после февраля служащие избрали его председателем своего комитета. Но дальше этого его либерализм не пошел. Он умер в 1932 году в Самаре, но ни разу не пошел на службу к большевикам. Он развелся со своей второй женой и до конца жизни (ему было 56 лет) был частником. На своей любимой кобыле он зимой возил в город по заказу дрова. Для этого он сам пилил на берегу реки Самарки деревянные части севших на мель и брошенных барж. На общем фоне великих семейных трагедий с расстре-

лами, Соловками и Гулагом, судьбы моей семьи могут показаться счастливыми, но я считаю своим долгом показать, как складывалась и более удачная жизнь так называемых бывших людей при большевизме.

После революции 1905 года повсеместным явлением была продажа помещиками своей земли Крестьянскому поземельному банку, который, продавал ее на льготных условиях крестьянам. Упомянутые мною соседи по имению тоже частично продавали землю. Тут следует, однако, отметить довольно любопытный факт — это рождение нового класса в деревне. Издавна в ней существовали прасолы, мещане, зажиточные крестьяне. Одним из главных их деяний была скупка у помещиков хлеба, овощей, фруктов и вывоз их в города, где эти продукты скупались торговцами. Этот класс рос весьма быстро и богател. Конечно, была большая разница между прасолами, откупавшими, например, в Кубани урожай яблок, груш и слив и разбиравшим в так называемом «молодом» саду большой шалаш, покрытый кошмами и брезентами, в котором он жил целое лето скорее как сторож от деревенских мальчишек, и прасолом, торговавшим хлебом. Вокруг шалаша, по мере созревания, на рогожах лежали груды аниса, антоновки, белого и желтого налива, апорта, или разного сорта груш вплоть до бергамотов и дюшесов, и гарницами сваливались сливы — ренклоды и обычная слива венгерка. С ней я через 10 лет в изобилии повстречался в Югославии, точнее Сербии, где из нее гнали «шливовицу». Конечно, обороты такого прасола, садового сторожа, были невелики. Но были прасолы другого масштаба. На своих или нанятых подводах они осенью, или скорее как только устанавливался санный путь, вывозили содержимое помещичьих амбаров в города. Это были целые обозы, и

нажива тут была велика. Это давало возможность прасолам скупать у помещиков небольшие имения и организовывать свои хозяйства. Мне помнится один из прасолов нашей округи Ерохин. Прасолы были твердым и консервативным народом, больше верящим слову, чем подписи на бумаге. Мой сосед В. С. Олив рассказывал мне, как Ерохин дал ему по одному слову 50.000 рублей на какое-то дело. Судьбы этого простого человека была своеобразна. Он прекрасно понимал, что ждет его и его семью, когда в деревне власть перейдет к беднякам и дезертирам, и быстро устремился на юг и в эмиграцию. О торговых способностях этого человека с только начальным образованием можно судить по тому, что в 50-ых годах у него во Флориде был большой супер-маркет.

Конечно, отнюдь не все помещики впадали в ликвидационные настроения. Были среди них и такие, которые в первые два десятилетия этого века упорно стали переходить к интенсивному сельскому хозяйству. При жизни деда все еще держались векового трехполя: озимый клин, яровой и паровой. На последнем ничего не сеялось, только с осени поднимали жнивье. Земля на нем паровала — отдыхала. Его использовали для выпаса скота. Система эта называлась трехполем. Мой отец и дядя Жорик сразу же перешли к многополю. К основным культурам ржи, пшеницы и овса прибавились посевы кормовых трав — клевера и вики и корнеплодов, главным образом картофеля. Все эти культуры, благодаря длинным корням, рыхлили землю и делали ее более плодородной, уходя глубже в нее. До этого периода помещики опережали крестьян только в пахоте. Они использовали плуги главным образом терхлемешные и не простые, а дисковые бороны, в то время как наши орловские Микулы Селяниновичи все

еще ходили за сохой. Уборка урожая тоже была различная. Крестьяне косили рожь и овес, пользуясь косами с деревянными тройными граблями, пристроенными над косой, которые позволяли укладывать скошенную рожь в правильные рядки. Серп почти вышел из употребления. Помещики же обзавелись жнейками или косилками, главным образом системы американского изобретателя Мак Кормика. Это было неуклюжее сооружение, в которое впрягалась пара лошадей с дышлом между ними. При движении длинные ножи, состоящие из десятков плоских конусов проходили туда и обратно через соответствующие выступы деревянной платформы. Система действовала по принципу машинки для стрижки волос. Центром машины была так называемая голова. Она была чугунная, а бежавшие вокруг по разным рельсам четыре широкие грабли исполняли следующие 4 функции: первая пригибала к платформе рожь, вторая клала срезанную рожь на платформу, третья и четвертая сбрасывали рожь с деревянной платформы на землю в виде валка. Для рабочего на железном косяке было сиденье, соответственно выгнутое для удобства. Но так как рядом вертелись упомянутые грабли, у меня в памяти запечатлелось, что рабочий всегда сидел как-то боком, отклоняясь от грабель. То же самое делал и я, так как очень любил косить. Вот и теперь, через много лет, передо мною стоит картина желто-серого поля ржи с редкими васильками и голубого неба с белыми облачками. Две взмыленные лошадки тянут косилку, у вас в руках вожжи, и вы должны все время следить, чтобы они шли вплотную вдоль нескошенной ржи, и таким образом можно было бы косить во всю длину ножа. На железное сиденье необходимо подложить кусок кошмы или сложенный мешок или другое веретье, иначе

будет не работа, а пытка! Над лошадьми вьются овода, и вы кнутиком сгоняете их с крупов лошадей.

Тяжелой сельской работой была вязка. Сброшенные валки ржи надо было связать. Это делали девки. Не удивляйтесь этому термину. В деревне в нем ничего унижительного не было, это была женская рабочая сила, и термин «девки» никакого отношения не имел к их поведению. Главным образом это были девушки из Полесья, которые приходили группами на рабочий летний и осенний сезон. Даже в летнюю пору они были с головы до ног закутаны платками, кофтами, длинными до пят юбками и передниками, руки их были с ладонями завернутыми в белые тряпки. Особенностью их костюма были обращавшие на себя внимание заплата на их блузах, приходившиеся как раз на груди. Но, повторяю, вязка была каторжной работой. Сколько раз надо было согнуться, собрать граблями сжатый валок, перехватить его перевяслом, заткнуть концы перевясла под него самого! К концу дня надо было снести снопы и сложить их в крестцы. Поясню, что такое крестец. Четыре снопа укладываются так, что колосья всех четырех кладутся друг на друга, а концы снопов торчат аккуратно в 4 стороны. Получается крест. На первый ряд укладываются еще два ряда по четыре снопа в каждом, и наконец, наверх кладется 13-ый так, чтобы он покрывал середину крестца, где колосья — временная защита от дождя. Обыкновенно 4 крестца укладываются в ряд, и они составляют копну. Это как раз то количество, которое можно уложить в деревенскую телегу и получить высокий воз. Клин, на котором идет вязка, меняется с каждым часом: одна полоса занята еще не связанными валиками, потом лежат разбросанные снопы и, наконец, на другой стороне клина — ряда копен. Крестьяне судили об урожае

по числу копен на десятину: 7-8 копен было недород, 18 и больше, 20 копен — считалось большим урожаем.

К началу второго десятилетия нашего века появились сноповязалки. Они не только косили, но и вязали снопы шпагатом. Первые типы этих машин были несовершенны, часто ломались, и при молотье всегда были жалобы подающего в барабан, так как он должен был резать шпагат ножом. Но эти сноповязалки освобождали женщин от каторжной работы.

Идя по пути интенсификации хозяйства, отец и дядя Жорик обновили инвентарь, приобрели новые плуги, новые косилки, выбросили извечные телеги с деревянными осями, которые мазались дегтем. Было построено 8 больших дрог, которые назывались фурами. Они были с железными осями, вдвое длиннее телег, вместо максимальных 30 пудов для телеги, в них можно было грузить до 100 пудов. Главное же, у пруда был выстроен винокуренный завод. Неочищенный спирт гнали из картофеля с большим содержанием крахмала и в железных бочках доставляли его на ректификационный завод, где спирт очищался, и из него выпускалась водка низшего качества «красная головка». Эта попытка ввести в Кубани промышленность окончилась неудачей. Завод проработал две зимы, потом началась война, продажа водки была запрещена, и винокурение прекратилось. Единственной выгодой было то, что паровой двигатель завода был использован для работы паровой молотилки, и молотье в риге прекратилось.

Прошу извинения у читателя, что занял столько времени описанием сельскохозяйственных работ. Какое же было поведение помещиков в сезоне этих работ? Прежде всего обратим внимание читателя на прибор, висевший в Кубани в зале на стене. Это был барометр. Все члены нашей семьи проявляли к нему в

деревне неослабевающий интерес, и первым жестом входящего в залу было постучать пальцем по барометру. Если черная стрелка отклонялась слегка вправо, лицо стучащего расплывалось в улыбку, когда же стрелка, дрогнув, шла слегка налево, лицо его омрачилось. Барометр был предсказателем дождя, а его у нас, в Орловской губернии было больше чем достаточно. Чаще всего стучать по барометру было излишним: шум воды в желобах и свинцовое небо было убедительными доказательствами. Для нас детей дождь означал лишение поездки верхом, игр в саду, возможного пикника, на котором в дальней роще на костре в котелке варили пшенный кулеш, а на ивовых свежих прутьях в огне костра жарили шашлык. Для взрослых вопрос был гораздо серьезнее. В дождь работа в полях прекращалась. В свое время дед почти не выходил из своего кабинета и на барометр не смотрел. Вечером слушал доклад приказчика и обычно задавал вопрос насчет погоды. Приказчики знали, что сообщение о дожде вызовет недовольство, и поэтому бодро отвечали: «Вызвездило, Ваше Превосходительство!», — хотя не будь дед глухим, он прекрасно мог бы слышать журчание дождевой воды по трубе за окном.

В дальнейшем я подойду к взаимоотношениям помещиков и крестьян и сельских рабочих. Теперь я с удивлением вспоминаю, что даже в 12-13-тилетнем возрасте я смутно инстинктом угадывал, что здесь что-то очень неладно. Проезжая со станции через несколько деревень, я чувствовал себя в чужом и непонятном мне мире, встречавшиеся мужики и бабы были мне непонятны, как существа с другой планеты, и я чувствовал какую-то неловкость, смотря на их телеги со скрипучими колесами, клоками соломы и сена, обтрепанной веревочной сбруей, и видя спину кучера Николая в

синей суконной поддевке, в шляпе с павлиньими перьями, держащего в рукавицах вожжи трех чистокровных холеных и крупных лошадей.

И при таком отчуждении и взаимном непонимании поведение всех членов семьи и родственников, приехавших к нам летом, могло только раздражать коренных жителей деревни — крестьян. В первые годы взрослые часы играли в крокет. Каково было рабочим и тем же девкам, работавшим в поте лица, смотреть, как баре гоняют шары деревянными молотками! Чаше всего мы с отцом в паре играли против двух теток Маруси и Валеры. Когда партия подходила к концу и я видел, что у теток преимущество, я, ожидая своей очереди, сходил с площадки в липовую аллею и ревел, потом с отчаянием ударял по своему шару, который тем временем загнали на край площадки, в отчаянной попытке крокировать шар противника на другом конце площадки, и, промазав, всхлипывая опять уходил под липы. Я думаю, что у взрослых не было чувства неловкости перед рабочими. Они безмятежно веселились. Так, в поединке между Жориком и Леоном было условлено, что проигравший в будущем не смеет входить на площадку, а стоя за забором и сняв шапку, должен спрашивать победителя: «Разрешите посмотреть на вашу мастерскую игру!» В последние три года была устроена и теннисная площадка. Но я думаю, что и эта игра не вызывала много сочувствия у проходивших мимо рабочих. Были и еще вещи, которые могли раздражать рабочих и крестьян.

Любимым занятием хозяев, прежде всего тети Маруси, потом моего отца, а за ним и других членов семьи, было пойти на молотьбу, сесть на скамейку и наблюдать, как подъезжают фуры, как работает подающий в барабан, раструсивая снопы, как вязанками отвозят

солому, а главное, как нагружают телеги мешками умолоченного зерна. Сначала телега шла на весы, и очень часто я сам с интересом бегал туда, взвешивал и отмечал в тетради, сколько прибавилось пудов зерна в амбарах. Что касается моего отца, то он утром или после раннего обеда в полдень, верхом выезжал в поля и шагом следовал или за одним из плугов, или за жнейкой внимательно наблюдая за тем, чтобы не было огрехов, особенно на углах клина. Я думаю, что это было общим занятием помещиков-хозяев. Потом, уже в эмиграции, мне рассказывали про одного помещика, прокурора Окружного суда и затем губернатора, который, когда был в отпуску в своем имении, ходил за плугом и аккуратно поднимал редкие камешки, попадавшиеся в новой борозде, и выносил их за межу. Мы в Кубани по воскресеньям, когда не было работы, иногда сами запрягали две фуры (это было, конечно, во время уборки хлеба), выезжали в поле и грузили копны в повозки. При этом вырабатывалась особая техника орудования вилами двойчатками. Конечно, мы, члены семьи, молотить сами не могли, поэтому только клали привезенные снопы в скирд. Мой отец умел очень хорошо это делать, особенно вершить, то есть укладывать верхнюю конусообразную часть. Подавать вилами тяжелые снопы наверх было нелегко, и тут необходимо было применять систему, как уравновешивать сноп на вилах и как подавать его наверх, используя инерцию первоначального рывка.

Лето 1917 года мои родители и я провели в Кубани. Наш уезд был спокойный, и там никаких самочинных действий крестьян не было. Ранней осенью имение даже принесло большой доход, если считать, что «керенки» имели реальную ценность. У нас было 90 десятин под картофелем, и один из прасолов скупил весь

урожай и вывозил картофель прямо в Москву. Насколько мы не понимали размера надвигавшейся грозы, видно по тому, что мой отец, казалось бы разумный человек, не учитывал возможности прихода большевиков. Весной после февральской революции он подал в отставку, будучи последним управляющим Мургабским Государевым имением в Закаспийской области, и таким образом лишился большого жалования. И, несмотря на жизненно приобретенный опыт, он думал, что усадьбы во всяком случае останутся за помещиками. Поэтому в сентябре он ездил в Петербург и заказал полное машинное оборудование паровой мельницы. Он хотел установить его в здании винокуренного завода. Это оборудование пришло на станцию Змиевку в феврале 1918 года и осталось невыкупленным. Тогда мы в Орле уже слегка прозрели и начали понимать размеры наступавшей катастрофы. В те годы мне уже было 20 лет, и я стал свидетелем и жертвой перемены режима. Может быть мне не стоило бы писать о судьбе моих родных. Их можно считать счастливыми, так как даже те, кто остались в России, казнены не были. О своих тетках и дяде Леониде я уже писал. Дядя Леон, бывший присяжный поверенный в Орле, был талантливым человеком с большим разнообразием интересов. Он был охотником, один из первых в Орле завел себе мотоциклет; у него в квартире была настоящая слесарная мастерская с рядом самых современных станков. Имея талант художника, он в Кубани долго просиживал за мольбертом, рисуя пейзажи, и очень удачные, Леон был энтузиастом фотографом и сразу же хватался за любую техническую новость. Так как то время было началом цветной фотографии, он немедленно выписал себе из Парижа аппарат и пластинки на стекле Джугла и Люмьер. Этот способный человек

последние 12 лет своей жизни прожил простым счетоводом на железной дороге в Москве. И когда я посылал им посылки через Торгсин, его жена Маруся писала нам, что перед самой кончиной он с трогательной радостью съел единственный апельсин из такой посылки, считая это большим счастьем.

Мне думается, на основании того личного опыта, который я приобрел в деревне, что конфликт земле-владения в России был бы целиком разрешен в течение лет 50 переходом почти всей земли в руки крестьян.

Что касается нашей Кубани, то она была превращена в совхоз и целиком уничтожена в 1943 году. Во всем том районе шли ожесточенные бои с немцами и знаменитое сражение в Белгородско-Курской дуге. Хотя казалось бы, наш район был дальше на север, немецкие сводки не раз упоминали о боях на реке Неруч, а это как раз в 10 верстах от Кубани.

Говоря о судьбе помещиков, в связи с революцией, необходимо задать себе вопрос, как сумели приспособиться к новым порядкам многочисленные люди, служившие у помещиков. В большинстве случаев они были из местных крестьян, не имевших земли. Для того, чтобы представить себе, какое количество людей принадлежало к этому классу, перечислю персонал в нашей маленькой Кубани: повар и горничная в господском доме, повариха и ее помощница — для рабочих, два кучера, приказчик и его помощник, скотник, садовник, птичница и 8 человек постоянных рабочих. В связи с этим приведу несколько мелочей сохранившихся в памяти. Еще со времен деда Александра Николаевича повар подавал каждый день к любому супу жаренные пирожки с мясом. Эта традиция сохранилась до конца жизни в Кубани. По поводу крутого нрава деда была в ходу такая легенда. В Кубань приехал в гости вице-

губернатор. Дед требовал, чтобы суп всегда был очень горячим. Прислуга поставила перед бабушкой суповую миску. Вопреки доброму воспитанию, она первую тарелку всегда, даже при гостях, наливала деду. Суп оказался недостаточно горячим, и поэтому дед, откушав первую ложку, вылил содержимое своей тарелки обратно в миску с приказом нести суп греть. Мой отец приукрашивал этот рассказ, утверждая, что дед при этом плюнул в свою тарелку.

Второй кучер Сергей и мамка Соломея, ключница, кормилица моего отца, были в молодости крепостными. Садовник Александр был очень любознательным самоучкой. Мой отец, сидя в саду, спрашивает идущего мимо Александра с толстой книгой в руках, что он читает. Ответ: «Шопенгауера, Константин Александрович!» — «Ну и что же?» — спрашивает отец. — «Ничего не понимаю! Но уж очень здорово загибает».

Судьба этих верных слуг, всю жизнь зависевших от работы в имении, нам, ушедшим в эмиграцию и потерявшим связь с нашей деревней, почти неизвестна. Землей их не наделили, а главное в 1921 году приволжская эпидемия холеры дошла в первый раз до центральных губерний. Тогда мамка Соломея и молочный брат отца Михаил умерли без всякой медицинской помощи. Нет сомнения, что не только они в Кубани были жертвами холеры.

Читатель может спросить, как заполняли свой досуг помещики, подобные семье Мейер. Я с отцом ездил верхом или на дрожках по несколько часов по полям, на которых шла работа, или были на молотьебе. У моего отца была навязчивая идея обратить усадьбу с ее садами и рощами в нечто подобное английскому поместью. Для этого надо было уничтожить наследие старого

времени. Дело в том, что отдельные сады и рощи были окружены рвами с целью не допускать в них свой крестьянский скот. Эти рвы и валы выкопанной земли поросли акацией, раkitами и кустарником. По нескольку часов в день мы с отцом работали на этих рвах выкорчевывая и засыпая их. Проезжая в 1914 году через Москву, я на Мясницкой улице в одном из немецких технических магазинов купил образцовые топоры, лопаты и пилу. Летом мы купались в пруду. Тетя Таля выстроила деревянную купальню с погруженным в воду дощатым полом. Мы ездили на ее же купленной лодке, прилаживая на ней парус из простыни; стреляли из монтекристо воробьев и лягушек на пруду. В дождливую погоду в доме играли в карты, в «короли», и много читали, сначала Мэйн Рида, Купера, потом Чарскую, Жюль Верна. Становясь старше я присоединялся к взрослым и читал Тургенева и Лескова (наших орловчан) потом увлекался рассказами Куприна. Взрослые читали бывшего тогда в большой моде Леонида Андреева, Мережковского, первые рассказы Бунина, в дешевом Сытинском издании Пшебышевского и Данунцио, не говоря уже о так называемой железнодорожной литературе — книгах, продававшихся в киосках на вокзалах, как, например, Вербицкой, Нагродской и Фонвизина, — конечно не автора «Недоросля» и «Бригадира», а совершенно теперь забытого писателя легких романов. Взрослые переживали литературную сенсацию Арцыбашева с его «Саниным». Большая часть членов семьи с интересом следила за спортивными событиями и скачками. Я помню, как, будучи мальчуганом, я дрожал от волнения, дожидаясь результата матча между белым Джефрисом и черным Джонсоном в боксе. Победа тогда осталась за черным, как первым предвестником будущей монополии черных чемпионов

тяжелого веса. Волнующую радость вызвала у нас победа в 1912 году француза Лаутеншлегера на машине Лоррен Дитрих, во второй по счету автомобильной гонке в Индианаполисе. С тех пор, мне кажется, иностранные гонщики ни разу не выигрывали этой гонки.

Неменьший интерес вызвали отчеты о московских и петербургских скачках. К тому времени один из главных коннозаводчиков в России М. И. Лазарев привел из Англии двух производителей Галтимора и Айриш Лада. Галтимор дал вереницу русских дербистов. Я помню, как дрожало мое сердце при описании очередного дерби, когда Лазаревский Галоп, сын Галтимора, под жокеем негром Винкфильдом побил выдающуюся кобылу Ракету, кажется, Ведерниковых, под русским жокеем Головкиным.

Как ни странно, но несмотря на все, на все страшные катаклизмы войн и революций, имена Галтимора и Винкфильда всплыли значительно позже в моей памяти. В 40-ых годах в Германии я узнал, что Лазарев продал перед Первой войной Галтимора немцам, и он прославился там как производитель. Что же касается Винкфильда, то я прочитал два года тому назад в американской газете, что он умер здесь в Соединенных Штатах, дожив до 93 лет.

Закончу эту главу коротким стихотворением, написанным дядей Леоном и посвященным моему отцу, которому в то время было 40 лет.

Какой душевный мир, какая готовность принять благодатную и в будущем судьбу!

Здесь в прошлом все.
Здесь каждая былинка

Протекшей жизни призраки хранит.
Беседка, пруд, заглохшая тропинка,
Здесь все со мной в прошлом говорит.
Бежали дни, года шли за годами,
Я, как и все, прошел свой жизни путь.
Мой старый сад, с родимыми местами,
Под тень твою пришел я отдохнуть!

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ СЪЕЗД

«Россия и мы» — под таким общим заглавием в Свято-Троицком монастыре (Джорданвилль, штат Нью-Йорк) 31 августа — 3 сентября 1990 года происходил четырнадцатый Съезд православной русской общественности. Тема Съезда не только давала возможность широко и свободно раскрыть проблемы на сегодняшний день непосредственно касающиеся каждого участника. На этот раз она кроме того, заключала в себе сильный эмоциональный заряд и влекла к осмыслению данного момента, который можно определить, как непосредственную встречу с Россией, так сказать — лицом к лицу. Этой встречи русские люди, живущие за рубежом, ждали семьдесят лет, и вот — сегодня она совершилась, вернее — совершается, так, как это — сложный процесс, который каждым из участников съезда переживается по своему. Сегодняшний исторический момент словно объединяет русских людей во всем мире. Сегодня мы ощущаем необходимость внутренне подтянуться, возможно даже — пересмотреть свою жизнь чуть ли не с самого начала и дать самим себе ответ «готовы ли мы к встрече с Россией, какое содержание мы в эту встречу вкладываем?» Дело не только в том, что многие (часто — впервые в жизни!) в России побывали. Те, кто в России не бывал, призван к ответу на этот вопрос возможно, даже в большей мере. Каждый из нас сегодня внутренне — как бы на пороге России — это объединяет людей разных поколений, судеб, разного жизненного опыта. Съезд как бы придал форму этому единству — в докладах, в

дискуссиях по докладам, в частных разговорах, в слайдах, фотографиях и видео — физически ощущалась встреча с Россией, звучала тема «Россия и мы». За последние семьдесят лет и особенно — в последние годы, эта тема, так или иначе, все время присутствовала в нашей жизни — и однако, именно сейчас она приобрела новое звучание — она стала даже больше, чем окном в Россию — сама Россия как бы предстала для нас во всей своей непосредственной реальности — по столько, по сколько мы — в состоянии все это как-то охватить во всей сложности и глубине. Сложность сегодняшнего исторического момента и необходимость как-то эту сложность понять — естественно приводили к особо оживленному обмену мнений, как по докладам, так и на общие темы, так или иначе связанные с бурными процессами, происходящими сейчас в России.

В пятницу 31 августа, после молебна, Съезд открылся докладом А. Ф. Захарьина «Костер в Павловском парке» — о пребывании членов Организации Российских Юных Разведчиков в России летом этого года.

«Давно еще в Павловском парке

Ребята в разведку пошли.

Костер разожгли они яркий

Разведчиков Русской земли».

Все время пребывания за рубежом звучала эта песня среди членов ОРЮР, жила память о прошлом, о начале русского скаутизма, за все эти годы эти слова приобрели символическое значение и смотрели в будущее. И вот, наконец, символ превратился в реальность — в Павловском парке вспыхнул разведческий костер, молодежь России устроила русским разведчикам теплый прием, а цветные снимки донесли до нас непосредственное ощущение этого беспрецедентного по

значению, исторического момента. Вот он, один из аспектов нашей встречи с Россией — единственное в своем роде переживание, ни с чем, пожалуй, в нашей жизни, не сравнимое.

В субботу, после литургии участников Съезда приветствовал архиепископ Лавр, настоятель Свято-Троицкого монастыря. Владыка Лавр коснулся вопроса о духовном голоде в России. В настоящее время, по его словам, издательский отдел Свято-Троицкого монастыря, делает все возможное, чтобы как-то ответить на постоянные требования богослужебных книг, молитвенников и другой духовной литературы. Но возможности монастыря, естественно, ограничены. Владыка призвал всех включиться в эту необходимую акцию.

Иеродиакон о. Ефрем прочитал яркий доклад об истории Валаамского монастыря, об огромной роли, которую эта обитель сыграла не только для русской церкви, но и для всего Православия в целом. Доклад сопровождался демонстрацией фильма.

М. Д. Дудко, студент Московской Духовной Академии, деятель церковной печати, сын священника о. Дмитрия Дудко, сделал очень содержательный доклад о положении церковной прессы в современной России. Докладчик является сотрудником московской газеты «Церковный Вестник». Доклад М. Д. Дудко был интересен не только в информационном отношении, но и в связи с тем, что докладчик высказал ряд принципиально важных соображений, касающихся современного положения Церкви в России. Он указал, между прочим, на то обстоятельство, что, наряду с постоянным потоком материалов, касающихся жизни Церкви и вызывающих огромный интерес читателей, современная пресса в России, действующая в совершенно новых ус-

ловиях (без цензуры), публикует огромное количество низкопробного материала, рассчитанного на сенсацию и удовлетворяющего поверхностное любопытство нетребовательного читателя. Таким образом, ценные материалы церковного характера появляются, зачастую, в неподобающем контексте. Такого рода мешанина, по словам докладчика, может причинять вред делу Церкви. Такой порядок публикаций является, возможно, следствием злого умысла.

В своем докладе «К вопросу о православной традиции на фоне современного нам религиозного и культурного кризиса в Западном мире» О. П. Ильинский анализировал некоторые аспекты современного нам безрелигиозного сознания. По словам докладчика, целые области внутренней жизни человека зачастую выпадают из поля зрения современного массового интеллектуала. Однобокость и, следовательно, ущербность душевной жизни современных людей является, по словам докладчика, одной из причин опустошенности и атеизма. Помочь современному бездуховному интеллектуализму крайне трудно. Единственное, что в этой области доступно каждому из нас, православных, это преодоление кризиса изнутри, путем вдумчивой постоянной работы над собой. Частью этой работы должно быть возвращение к религиозному созерцанию. Докладчик подчеркнул важность волевого акта, решения, для религиозной жизни человека.

Г. М. Моисеев, недавно вернувшийся из поездки по России, прочитал очень интересный доклад о казачестве и о перспективах его возрождения на исконных казачьих землях. Из своей поездки докладчик вынес яркие впечатления, в частности от своих встреч с казаками. Бодрое настроение доклада передалось всем слушателям. Насыщенный ценным материалом доклад

Моисеева имел большой успех.

Отец Александр Киселев, только что вернувшийся из России, где он провел три месяца, в докладе «Встреча с Россией» поделился со слушателями своими исключительными по яркости впечатлениями от поездки. О. Александр вынес из поездки чувство огромного внутреннего удовлетворения и духовной радости — Православие живет и дышит на нашей родине, несмотря на семьдесят лет страшных испытаний. Россия жива. О. Александру удалось донести до слушателя непосредственное, трепетное и предельно яркое чувство встречи с тем, что является основной и центральной темой нашего внутреннего бытия — с русским православием, в его истовой, органической и вечно живой реальности.

По дороге из Москвы на Кадетский съезд в Калифорнии, нас посетил В. Н. Тростников и показал слайды, касающиеся восстановления церквей в России и религиозной жизни страны.

В последний день Съезда были показаны два полуценные из России очень интересные видео-фильма: 1. «Сказы о Дивеевском монастыре» — воспоминания (сопровожаемые документальными фильмами тех времен) матушки Ефросинии, которой теперь за 90 лет, о разгроме Дивеевской обители в начале 20-х годов. 2. «День поминовения» — фильм о происходящем восстановлении Валаамского монастыря и раскрытие его былого духовного, культурного и исторического значения. В течение семидесяти лет верующий народ героически отстаивал свое право верить и жить по вере. На сегодняшний день, восстанавливая храмы и в новых условиях борясь за свободу религиозной совести, русский народ перед всем миром демонстрирует свою верность Христу и Его правде.

По установившейся традиции Съездов, участники его вместе приступили к принятию Святых Христовых Таин.

На съезде присутствовали архиепископ Лавр, епископ Иларион, епископ Константин и епископ Григорий. Все они активно участвовали в оживленных дискуссиях по докладам. Во всех случаях, когда в ходе дискуссий возникали острые проблемы, касавшиеся важных аспектов церковной жизни, архипастыри помогали верному разрешению возникавших вопросов.

Съезд закончился благодарственным молебном, после которого, тут же в храме, о. Александр от лица всех участников Съезда глубоко благодарил Настоятеля монастыря, архиепископа Лавра, за оказанное нам гостеприимство. Именно благодаря пребыванию в монастыре могло быть с надлежащей полнотой выполнено мотто съезда — «Россия и мы». Россия была вокруг нас — и в нас. Это всех объединяло.

Олег Ильинский

Иеродиакон Ефрем (Красовский)

ВАЛААМСКИЙ МОНАСТЫРЬ*

«Благословенный... дивный Валаам, в красоте могучей, суровой природы, зовущей к аскетическим подвигам, глубокому внутреннему сосредоточению... Величием и мощью овеян Валаам и все проявления жизни на нем приобщаются полноте сил. Человеческая природа в ее высших проявлениях достигает здесь предельного напряжения и стремится далее — к сплетению завершения своего подвига — к преображению силою благодати Св. Духа».

Валаам — место Богом избранным, место подвигов благочестия, предназначен промыслом Божиим для бескомпромиссных искателей Царства Небесного — иноков. Это святое место воспитывало целый сонм святых людей, молитвенников, старцев, чудотворцев, основателей подобных ему свв. обителей и миссионеров. А Валаамцы в свою очередь воспитывали тысячи и тысячи людей, которые стремились на Валаам, ощущая стремление к превышающему естество и благодатное веяние иной жизни. Знаменитый Валаамский монастырь находится на острове Валаам, одном из

* Доклад составлен на основе трех книг:

1) «Валаамский монастырь и его подвижники». 3-е издание. На средства Валаамского монастыря. 1903 г. С.-Петербург.

2) «Слово о Валаамском монастыре — исторический очерк». Издание 3-е. С.-Петербург. 1888 г.

3) Архиепископ Аверкий. «О монашестве». Свято-Троицкий монастырь. Джорданвилл, Н.Й.

Пространные выдержки взяты из этих же трудов.

самых больших островов Ладожского озера, на северо-восток от Петрограда. Он окружен маленькими островами (числом до 40-а), на которых расположены до 13-ти скитов. Величина острова приблизительно 6 на 4 мили. Мирских селений на Валааме не было. Ближайшие острова населенные мирянами отстояли от монастыря не менее 12-ти миль. Таким образом остров Валаам, будучи отделен от материка со всех сторон водой, удаленный и от жилищ человеческих, представлял собой самое удобное место для населения его обществом иноков и предоставлял им все нужное для спасения души по правилам уединенной жизни.

По преданию, в древности здесь было главное языческое капище Перуна и Велеса. Само слово Валаам состоит из двух слов: *Мо*, по-ижорски (местный язык) значит земля, и *Вал*, которое можно считать одного корня со словами Вал, Валос и Велес. Таким образом, слово Валаам значит земля Велеса, т.е. место, Велесу посвященное. Но, «идъже бо умножися грѣхъ преизбыточества благодать. Да якоже царствова грѣхъ во смерть, такоже и благодать воцарится правдою...» (Рим 5:20-21), пишет св. Ап. Павел.

На месте языческой тьмы возсиял свет Христов просвещающий всех. По местному преданию:

«Ап. Андрей Первозванный, просветитель скифов и славян, прибывши из Киева в Новгород, отсюда по реке Волхову достиг Ладожского озера, а потом — до Валаама. Там благословил горы каменным крестом, истребил капища Велеса и Перуна, обратил в Христову веру и жрецов идольских и обитавших на острове язычников, положил основание на Валааме исповеданию веры Христовой и оставил пастырями новособранного стада Христова некоторых, сопутствовавших ему, учеников. Вот еще когда в Валааме утвердилась право-

славная вера Христова!. Если признают достоверным предание о пребывании св. Ап. Андрея в Киеве и пределах Новгородских, то отчего же не могло быть, чтобы Апостол предпринял путешествие на Валаам, где надлежало сокрушить для водворения Христовой веры оплот и господство язычества в северных странах? В рукописи *Оповедь* говорится об этом с полным убеждением в истинности этого предания, следующими словами: 'Св. Андрей отъ Иерусалима прошедъ Голядъ, Косогъ, Родень, (Скефъ), Скифъ и Словенъ смежныхъ лугами (степями), достигъ Смоленска, и ополченій Скофъ и Славянска Великаго и Ладогу оставя, въ лодью сѣвъ, въ бурное вращающееся озеро на Валаамъ пошелъ, крестя повсюду и поставлялъ по всѣмъ мѣстамъ кресты каменные. Ученики же его Сила, Фирсъ, Елисей, Лукославъ, Иосифъ, Косма повсюду сдѣлали ограды, и всѣ посадники доѣзжали отъ Словенска и Смоленска, и многіе жрецы окрестились и капища Перуна и Велеса разрушили и уничтожили'».

О пребывании св. Ап. Андрея на Валааме подтверждает и другой памятник древности: Вселетник киевского митрополита Илариона (11-го века) и другие рукописи.

«Основателями пустынного жития на горах Валаамских были Преподобные Сергей и Герман. В одно время были они Игуменами основанной ими здесь обители и просветителями окрестной страны, — Финской Корелии и Олонецкого края. Когда именно жили они и откуда они были родом, — неизвестно. (Церковная служба говорит, что они из Восточных стран). Нетленные их св. мощи были обретены в 1163 году.»

Св. Церковь празднует их память 28-го июня и перенесение их свв. мощей — 11-го сентября.

«В 960 году прибыл на Валаам из Чухломы Преподобный

добный Авраамий Ростовский. Просветившись здесь святым крещением и приняв монашество, он впоследствии содействовал Ростовскому Епископу Феодору в просвещении Ростовской земли, и на Ростовском озере основал свою обитель в 990 г., всех древнейшую по летописям. Таким образом, первая искра христианства блеснула северу с Валаама, и остров этот был рассадником пустынно-жителей в полуночной стране.»

В житии его читаем об уже благоустроенном Валаамском м-ре.

В XII веке подвизался на Валааме Преподобный Корнилий, основавший впоследствии на Онежском озере Палеостровский монастырь, в котором почивают его святые мощи под спудом.

В 1251 г., по просьбе Белозерского князя Глеба Васильевича, с Валаама отправлен был здешний пострижник Геннадий, настоятелем во вновь устроенный, при устье реки Шексны, Устьшехонский монастырь.

В XII, XIII и XIV столетиях, из-за обладания Корелией, между русскими и шведами шла почти непрерывная война. Не раз тогда шведы, разъезжая по Ладожскому озеру, отомщали на беззащитных старцах неудачи свои в битвах с русскими: разоряли и жгли мирные монашеские кущи. В 1371 году войну с русскими вел шведский король Магнус II Смек. Поднялась на озере страшная буря; разбиты были все шведские корабли; погибло все шведское войско; спасся только один король: на корабельной доске принесло его к берегам Валаама. В чудном своем спасении видя особенный на себе перст Божий, Магнус принял православную веру, с именем Григория, облекся в святую схиму и через три дня скончался.

Обитель росла. Когда в 1393 г. с святою иконою

Царицы Небесной — благословением святой Афонской горы — прибыл сюда Преподобный Арсений Коневский, он нашел здесь уже многолюдное братство — и только это обстоятельство побудило его, искавшего безмолвия, удалиться на Коневский остров, где им основан впоследствии монастырь, в котором теперь почитают его святые мощи под спудом.

До 1429 года, 'со всяцѣмъ смиреніемъ и многимъ терпѣніемъ и кротостію зѣльною', подвизался на Валааме Преподобный Савватий, постриженник Кирило-Белозерского монастыря. Он слышл, 'что иноки Валаамского монастыря, подвижное имуть житіе, днемъ и ноцію въ Богоугожденіи труждающа, пищу же имуть отъ труда рукъ своихъ', почему и оставил Кириллов. Впоследствии, по званию Божию, он удалился с Валаама на Соловецкий остров и там, при содействии Валаамского же питомца, старца Германа, положил начало иноческому житію (знаменитого Соловецкого м-ря. — иерод. Е.).

В одно время с Преподобным Савватием пребывали на Валааме: Преподобный Ефросин, — происходивший из князей Тепринских, впоследствии возвратившийся в Саввину пустынь, — и инок Геннадий, ученик преподобного Савватия, впоследствии св. Архиепископ Новгородский, ревностно подвизавшийся вместе с Преподобным Иосифом Волоколамским, против распространявшейся тогда ереси жидовствующих.

В 1474 году, узнав от Валаамских иноков, что на Валааме есть 'общежительное пребываніе и особое, по двѣма и тріемъ, единодушно и отходное уединенное молчаніе', явился сюда Преподобный Александр Свирский. 'О, чадо!' — говорил ему бывший тогда Игумен Иоаким, — Сидиши ли, яко мѣсто сіе зѣло скорбно есть и пребывающіе въ немъ тѣсное и нужд-

ное житіе проходятъ; ты же юнъ сый, мню, яко не можеша терпѣти скорбей на мѣстѣ семъ'. — Слезами, поклонами и новыми просьбами отвечал на эти слова Игумена Преподобный. Тогда, прозирая, что 'онъ соудъ избранъ хочеть быти Богу', наконецъ сказалъ ему Игумен: 'отселѣ буди служай братіи со всякимъ терпѣніемъ и послушаніемъ!' Преподобный Александръ постриженъ здѣсь в монашество; сначала трудился в общезити, потомъ отошел на безмолвіе на 'Святой' остров, откуда впоследствии вызвалъ его Божественный глас на берега Свири, где онъ основал . . . Троицкій монастырь (или Свирскій м-рь — иерод. Е.).

По отношеніи Преподобнаго Александра, подвизались на Валааме Преподобные: Афанасій Сяндемскій, Адрианъ Ондрусовскій и Евфросинъ Синозерскій; впоследствии первый изъ нихъ основалъ на восточномъ берегу Ладожскаго озера Сяндемскую пустынь, второй в 20 верстахъ отъ Олонца — пустынь Ондрусовскую и третій — на берегу Синичьяго озера, в 30 верстахъ отъ Устюжны, — Синозерскую пустынь.

Такойъ дивный сонмъ святыхъ светилъ монашества, возсіявшихъ на горахъ Валаамскихъ, показываетъ, в какомъ цветущемъ состояніи была тогда подвижническая жизнь».

Но врагъ не дремлетъ, и всячески, черезъ своихъ слугъ лютеранъ, стремился погасить православіе, насажденное иноками Валаама».

Между Русскими и Шведами горела война. Тогда страшная рука опустошенія достигла и Валаама. В 1578 г. 20 февраля Шведы напали на монастырь, — и 18 старцевъ и 16 послушниковъ отъ ихъ меча скончались мученически. В 1581 г. моръ пожалъ 37 старцевъ и 47 послушниковъ. Вскоре и самую обитель сожгло пламя войны.

По разореніи монастыря, оставшіеся в живыхъ

Валаамские иноки, — одни с настоятелем скрылись в делях монастырских; другие — поселились в Антониевом Дымском монастыре».

В 1611 году Шведские войска напали на Валаамский м-рь, предали все огню и мечу. Игумен Макарий и братия приняли мученическую кончину. Остров до конца опустел... Но «сила Божья в немощах совершается», и «семя святое — стояние его».

В 1715 году после Полтавской битвы, неожиданно последовало Высочайшее повеление Императора Петра 1-го о восстановлении монастыря на горах Валаама...

Медленно восставал Валаамский м-рь из глубокого векового мрака. Но благодаря содействию и покровительству благочестивейших императоров и императриц он постепенно созревал для своего великого служения православному миру.

«Заботливое сердце Преосвященного Гавриила, Митрополита Новгородского, чувствовало скорбное положение Валаамского монастыря. Желая восстановить 'на Валааме селение Святых и тем принести Спасителю мира благоугодную жертву', в 1781 г. Святитель вызвал из Саровской пустыни, Тамбовской Епархии, иеромонаха Назария и определил его строителем в Валаамский монастырь.

Со вступлением о. Назария на святые горы Валаама, полились на них радостные утренние лучи. Слава добродетельной жизни старца и опытность его в подвижничестве, разливавшаяся повсюду еще из Сарова, в скором времени собрали под его мудрое управление значительное братство на Валааме. Согласно воле Архипастыря, в Валаамском монастыре о. Назарием введен был общежительный устав Саровской пустыни. Руководимые опытным настоятелем, Валаамские иноки преуспевали во всех родах подвижничества, в обще-

житии, в жизни скитской и отшельничестве. За пределы Православной России распространился свет утра Валаамского. Из Афонских монастырей приходили посмотреть на Валаамскую обитель, и, по ее правильной организации в духе Православного аскетизма, предпочитали ее даже монастырям Афонской горы. Утренний свет Валаама отразился в это время и в туманах Северной Америки. Тогда открыты были русскими промышленниками Алеутские острова. С открытием островов обнаружилась священная необходимость — просветить светом Евангельским диких их обитателей. Для этого святого дела, по благословию Священного Синода, Преосвященный Митрополит Гавриил поручил старцу Назарию избрать способных людей из братии Валаамской. Избраны были десять человек. В 1794 г. отправились избранники с Валаама к месту их великого назначения. Святою ревностью проповедников быстро разливался свет проповеди Евангельской между новыми сынами России: несколько тысяч язычников приняли христианство; заведена школа для образования новокрещенных детей; выстроена церковь в месте жительства миссионеров; но неведомыми судьбами Божиими общие успехи миссии были не долговременны.

Через шесть лет своей многополезной деятельности, вместе со своею свитою потонул начальник миссии, Архимандрит Иоасаф, возведенный уже в сан Архиеерея; ранее его, ревностный Иеромонах Ювеналий сподобился мученического венца; прочие выбывали друг за другом; наконец остался один монах Герман. Сияя дивным подвижничеством, одаренный от Господа даром чудотворения и прозорливостью, о. Герман больше всех своих собратий подвизался подвигом Апостольским для просвещения Алеутов. В 1837 году во

благоухании святыни предал он душу свою в руки Божии».

Мощи же его недавно перенесены с места его подвигов Елового острова на материк для всенародного поклонения. Преп. Герман Аляскинский, Валаамский инок, прославлен Р.З.Ц. в 1970 г., как просветитель Америки.

В этом году вместе с преп. старцами Оптиной Пустыни, прославлен и другой подвижник благочестия — преп. Паисий Величковский. Семена его спасительного сеяния: переводы святоотеческих книг, личный его пример приносили обильные плоды в духовном возрождении России 19-го века. Самый крупный плод Паисиева движения — старчество, особенно просияло в Оптиной пустыни. Но он не минул и Валаама. В 1812 г. прибыл на Валаам ближайший ученик Великого Старца Паисия, схим. Феодор. К нему присоединились в так называемом Большом Скиту его присные ученики: иеросхим. Клеоп, тоже ученик Паисеев и иеросхим. Лев, будущий Оптинский старец. Совместно подвизались они на св. острове около шести лет и, по выражению тамошнего юродивого: «торговали хорошо», привлекая к себе почти всю братию, что возбудило зависть в начальстве и гонение на них самих. Они перешли в Александро-Свирский м-рь. Но остался на Валааме ученик Феодора: Келларь м-ря о. Евдоким, впоследствии схим. Евфимий, духовник Валаамский и старец будущего великого строителя Валаама игумена Дамаскина. Старчество на Валааме с него и ввелось. Оно дошло и до наших дней в лице последнего Валаамского старца иеросхимонаха Михаила (скончавшегося в 1962 г.), духовного отца монахини Марии (Стахович), недавно скончавшейся в Ново-Дивееве, и игумена Филимона — духовника св. Троицкого м-ря здесь в Джорданвилле,

который много лет был учеником старца иеросхим. Михаила. Оба они пострадали за свою принципиальность по отношению к стилю календаря.

Много духовных плодов Валаама. Их всех не перечить. Это плоды истинного, русского монашества.

«Преосвященный Гавриил, зная духовную опытность отца Назария и других валаамских старцев, старался отправлять на Валаам людей, преимущественно нуждавшихся в духовных наставлениях и требовавших бдительного о себе попечения. Так препровождены были в обитель: в 1783 году турок Василий Васильев, восприявший из магометанского закона святую веру Православного исповедания, и обратившиеся из раскола к Православной церкви в 1784 году крестьянин Ксенофонт Шестаков и в 1790 году монах Иосиф, крестьянин господина Бутурлина Никифор...

Устроившись сам, Валаамский монастырь имел благотворное действие и на другие обители. Испушенные в подвигах сыны его избираемы были в руководители других иноков. Так управлявший хозяйством на кюменских ловлях иеромонах Макарий в 1819 году был возведен в сан архимандрита и определен настоятелем в ставропигиальный Соловецкий монастырь. Иеромонах Феофан выбыл строителем в Введенскую Островскую обитель, иеромонах Пахомий поступил строителем в Палеостровский монастырь, иеромонах Дамакин призван строителем в Коневскую обитель.

Особенно в деле устройства других обителей потрудился игумен Иннокентий. Трудом его возобновлены были две обители: Сяндемская и Андрусовская.

Сверх того, своим отличным внутренним устройством Валаамский монастырь имел в виду других обителей такое значение, что некоторые из последних прямо устроились по его примеру. Так, напр., конев-

ский строитель Иларион, устроивши в своей обители каменные здания, собрал братию и, как говорится в его житии, завел в своем монастыре, по примеру Валаамской обители, все три рода монашеской жизни: общежительную, скитскую и пустынножительство. Подобных примеров было не мало.

Братия Валаамской обители в этот период времени, как и всегда после, принимали горячее и деятельное участие в судьбе отечества. Это выразилось самым очевидным образом в годину тяжких испытаний России. Так приближался грозный 1812 год, время тяжкого испытания православной России.

Когда прочтен был на Валааме манифест о нашествии, когда служили здесь соборные молебны, братия не могли ни петь, ни читать; как немые стояли они в слезах, только вздыхая к Богу. Так не без искренних, глубоких чувств отправлялась здесь каждая служба. Возлюбившие Христа пустынники не могли не чувствовать глубокой скорби своих собратий: Христовы воины не могли не вооружиться на защиту их дорогого земного отечества многомогущим, единственным оружием — молитвою ко Христу со слезами. Сверх того из незначительных средств своих монастырь Валаамский и братия его внесли на огромные военные издержки свою посильную лепту — 1100 рублей.

Валаамская обитель, по приглашению епархиального начальства, ежегодно выделяла из сумм своих на содержание в уездных и приходских духовных училищах бедных учеников по 100 рублей.

Сверх того, Валаамский монастырь, со времени своего благоустройства, никогда не отказывал в пище тем бедным людям, которые, прибывши на остров, по каким-либо случаям оскудевали в пропитании. Настоятели монастыря давали пропитание и тем из бедных, которые

принадлежали к лютеранскому исповеданию».

Пустынный Валаам сильно привлек сердце монахолюбивого митр. Антония, основоположника и вождя Р.З.Ц., который по изгнании из своей епархии решил покинуть мир и проводить остальное время своей жизни в иноческих подвигах на Валааме, что, как мы знаем, по Божьему провидению не состоялось.

Летом 1936 года (года 3 до закрытия м-ря) русские скауты г. Гельсингфорса, вместо обычного скаутского лагеря, совершили паломничество на Валаам. Вот что наши Разведчики написали об этом:

«Мы, скауты и скаутки, выросшие за границей, знали о России только по чужим рассказам и книгам. Мы рисовали себе ее прекрасной, но нереальной страной, где все было не похоже на будничную действительность.

Теперь мы сами побывали на земле нашей Родины, мы поклонились древней православной святыне — Валаамскому монастырю и пережили в нем минуты религиозного подъема и горячей веры.

‘9Святая Русь’ приняла реальный, живой облик».

Блаженный памяти арх. Аверкий в своем слове о монашестве писал:

«Этот труд был составлен нами в Белграде — в 1941 г., когда у верующих русских людей явились надежды на освобождение Родины от ига лютого безбожия и возрождение ее к новой светлой жизни. Отсюда и посвящение этого труда ‘возрожденному русскому иночеству’.

Полагаем, что труд этот не потерял своего значения и для зарубежного монашества и для монашества в будущей России, если милостью Божиею, за покаяние русских людей, Господь судит ей еще воскреснуть, хотя бы на короткое время, как о том есть предсказания.

Монашество всегда исполняло великое служение в истинной Христовой Церкви, и без истинного монашества немислима и истинная Христова Церковь. Об этом свидетельствует история.

Мы будем счастливы, если наш труд принесет хоть самую малую пользу в великом деле возрождения монашества на нашей исстрадавшейся Родине.

Мы, русские люди, в особенности должны помнить, какую огромную благотворную роль играло монашество на протяжении всей истории русского народа. Русскому иночеству, как верному оплоту веры и благочестия русского народа обязана Святая Русь своим названием, а русский человек своим духовным обликом. И потому немислимо возрождение России без возрождения русского иночества.

Иночество всегда было верным показателем духовного состояния народа, как бы термометром и барометром в одно и тоже время, указывавшим на его религиозно-нравственный уровень. Процветала иноческая жизнь, значит и весь народ был на высоте своего христианского призвания, падало, уничтожалось иночество — это был знак религиозно-нравственного разложения, духовного падения данного народа. Это в свою очередь показывает, что, хотя иночество как будто и было отрешено от мира, но тем не менее тесно всегда было связано с миром незримыми духовными узами.

Вот почему возрожденная Русь должна доказать, подтвердить свое возрождение выделением из среды русского народа сонма молитвенников-инок, а эти иноки в свою очередь должны закрепить веру и благочестие в возрожденном русском народе, стать сердцем, духовным оплотом возрожденной Святой Руси. Поэтому одной из важнейших задач строительства будущей

Новой России должна быть работа, направленная на восстановление иночества. Восстановление, возрождение и укрепление иноческой жизни будет вместе с тем и знамением воскресения Святой Руси».

В недавнее время Валаамский м-рь возвращен Церкви. Во свете этого исторического факта, привожу в заключение, слова в конце книги «Валаамский монастырь» изданной в 1903 г.

«Судьбы ее дают разуметь внимательному читателю дел Божьих, что глава Церкви — Господь наш Иисус Христос, готовит ей и в будущем особенное назначение. И мы думаем, что старцы Валаама и иноки, окрепшие в благочестии, призывая благодать Божью на помощь, по молитвам святых Сергея и Германа, свято исполняют призвание Божье, как исполняли его их предшественники, записанные на скрижалях истории».

ЦЕРКОВНАЯ ПЕЧАТЬ

Вскоре после Октябрьского переворота выдающийся русский философ Иван Александрович Ильин дал такую оценку своей эпохе: «Историческое время, выпавшее нам на долю, исполнено великого и глубокого значения: это эпоха чрезвычайной насыщенности, напряженности, эпоха крушения, подводящего итоги большому историческому периоду, это время испытания: совершается как бы некий исторический и духовный смотр, жизненная ревизия человеческих духовных сил, укладов и путей».

Слова эти, справедливые для своего времени, подходят и для описания нашего, также, очень насыщенного, напряженного времени, подводящего итоги значительного исторического периода, который принес нашему народу невиданное множество великих испытаний и скорбей. «Кровь мучеников — семя Церкви» — это слова древнего христианского апологета применимы к любой эпохе, каждой стране, народу. Справедливо это и для России. Кровью, проливаемой за Христа, наши предки утверждали Церковь на земле. Во время неслыханных гонений зерно давало росток, он креп в гонениях, и вот теперь, к православию с надеждой обратились взоры тысяч и миллионов наших соотечественников, исстрадавшихся в удушливой атмосфере бездуховности и безнравственности, лжи и насилия. Они ждут от Церкви нового слова.

Долгие годы в советском обществе существовал миф о Церкви. Понимали ее совершенно по светски —

как организацию, сумевшую самыми странными и различными путями, в том числе обманом и хитростью сохранить себя, свою сердцевину, свою сущность, — опять таки не понятную «внешним», но сохранить. Как и почему это у нее получилось? — спрашивали они, и не находили ответа. Прочие сколько-нибудь организованные общественные структуры, ломались и стирались в ничто тоталитарной властью, не терпящей даже намека на конкуренцию. Любая светская организация, не строящая свою деятельность в полном соответствии с канонами и догматами единственно верного и всепобеждающего учения, а именно марксизма-ленинизма, не могла существовать и действовать. Церковь же продолжала существовать. Внешние видели, что верующие, пусть пожертвовав многим, крестили детей, шли на исповедь к духовнику, отмечали свои праздники при очевидном неодобрении и гонении властей. Внешним такой феномен казался необъяснимым. А в условиях почти полного отсутствия сколько-нибудь достоверной информации довольствовались домыслами. Сколько раз приходилось слышать от людей неверующих и с реальной жизнью Церкви почти не знакомых, утверждение, что образование в Семинарии лучше, чем в Университете, или что священники — чрезвычайно умные и оборотистые люди, готовые дать фору любому советскому хозяйственнику. Одним словом, мнение о Церкви, как организации, — а другого представления о ней в советском безрелигиозном обществе и не могло существовать, — было очень высоким.

Психологически понять это просто. Помимо того, что в душе русского народа всегда есть жалость и симпатия к гонимым и несправедливо обиженным, сработала и многодесятилетняя привычка не доверять тому, что пишут в газетах официальные и очевидно продажные авторы. Если что-то критикуют — значит это

явление, стоящее внимания. Такой стереотип прочно сложился у наших соотечественников за годы Советской власти. Яркий пример его проявления сегодня Б. Ельцин — который на гребне острейшей и массивированной критики и благодаря ей стал Президентом России.

То же происходило и с Церковью. Критиковали Ее — и к ней относились с симпатией даже неверующие, или, вернее, не знающие о Боге и Его учении, люди. Ныне ситуация изменилась, и очень сильно. На смсн критике пришло неумеренное восхваление. Однако, долго ли это будет продолжаться? Лучше же, сегодня разрушать пронесенную через годы гонений, любовь к Церкви и религии, просто невозможно. Некая журналистка, сама неверующая, недавно остроумно заметила: «Никакая атеистическая пропаганда не сделала столько вреда для религии, сколько неумолчный колокольный звон по радио и телевидению и постоянные уже привычные бороды на страницах газет». Слишком все это — то, что в будущем законе о свободе совести готовятся назвать «религиозной пропагандой» — назойливо и неуместно, а часто и некомпетентно.

Но несмотря на безграмотную и часто отвращающую от реальной церковной жизни псевдорелигиозную пропаганду, заполонившую полосы газет и журналов, теле и радио эфир, люди пошли в храм. Статистика показывает заметный рост числа крестин, венчаний, отпеваний. Особенно этот рост замстен после 1988 году, когда праздновалось Тысячелетие Крещения Руси. Например, в Московской области,

1987 г. — 35.323 крестин

1988 г. — 47.452

1989 г. — 56.080

Эти изменения не только количественные, но и качественные. В 1987 году крестящихся в сознательном возрасте, то есть, по своему желанию, было около 13 процентов, в 1989 уже 29.

Для характеристики отношения в нашей стране к Церкви показательно, как проходили выборы в Союзный и республиканский парламенты. Может быть, в первый раз мы имели возможность более или менее свободно без принуждения голосовать (или нет) за альтернативных кандидатов в депутаты.

И вот в парламенты СССР и РСФСР выбраны восемь священнослужителей, 67 священнослужителей по Российской Федерации избраны в местные органы власти. Похожая ситуация и в других республиках.

В стране происходят очень быстрые, может быть, более заметные постороннему глазу перемены в духовной сфере. Конечно, они маскируются неурядицами в экономике, межнациональными конфликтами, и т.д. Очевидно, что инициативу постепенно перехватывают светские средства массовой информации с их дилетантским подходом к духовным вопросам. В первую очередь в условиях, непривычных для социализма, в условиях конкурентной борьбы за читателя печатается то, что читателя интересует. В первую очередь то, что ранее было запрещено. Для повышения тиража это способ беспроблемный. В очень многих светских изданиях появились рубрики, рассказывающие о православии и других религиях — христианских и нехристианских. Отрывки из закона Божьего, рассказы о праздниках, церковных обрядах, даже проповеди и религиозные беседы.

Вот модная газета «Московские новости» (номер за 17 августа) без всякого комментария публикует на первой полосе фотографию известного московского

священника отца Артемия Влдимирова, венчающего молодую пару. Дескать смотрите, как красиво. И читатели действительно видят: да, красиво, но что они знают о церковном смысле брака, в котором двое венчаются в плоть едину?

А за два дня до этого известная своей скандальной репутацией газета «Московский комсомолец», готовая печатать все, чтобы поднять тираж, публикует интервью с архимандритом Кириллом (Павловым), насельником Троице-Сергиевой Лавры, который почитаем в народе за старца и известен по всей стране. Но делает это она по хитрому своему обычаю в окружении рассказов о сексе, которые последнее время публикуются там регулярно. Нельзя винить самого архимандрита Кирилла, отказывавшегося давать интервью и уступившего только под нажимом заместника Лавры. Но свое дело публикация сделала. Она еще на маленькую долю размыла представление обывателя о Церкви, под видом информации из первых рук подав приукрашенную ложь: а именно вопросы о Церкви и о сексе — одного уровня. Кто что хочет, тот то и читай. Узнает ли из таких публикаций читатель больше о Церкви? Нет. Напротив, у него появится лишь самоуверенная возможность при случае заявить: «Церковь? Православие? Как же, знаю, читал».

Тираж у таких газет и журналов массовый, побуждения, вероятно, у многих добрые, хотя есть и очевидные кощунства. Каковы результаты? Самые плачевные. Начитавшись «православных» историй вперемишку с восточными гороскопами, рецептами тибетской медицины и исследованиями о летающих тарелочках и внеземных цивилизациях, доверчивый потребитель массовой информации и в самом деле полагает, что прикоснулся к чему-то светлому и чистому, но уж

очень неопределенному и, конечно, непонятному. Самое страшное, что постепенно наступает пресыщение, даже вполне компетентно написанные статьи не воспринимаются всерьез, так как уже успела надоесть тема. Православие стоит в ряду прочих экзотических увлечений и постепенно начинает восприниматься как чудачество, вполне безобидное или даже доброе. Ненависти, конечно сейчас почти ни у кого уже не встретишь. Но не станешь же всю свою жизнь строить на основе учения, которое считаешь нереалистичным, а его последователей чудаковатыми. Можно зайти в храм послушать пение, поставить свечку перед экзаменом или ревизией, даже крестить детей или обвенчаться, потому что здесь гораздо красивее и торжественнее, чем в государственной конторе, но и все. А в остальном — по ветхозаветной заповеди — око за око. Иначе не прожить. Христианство воспринимается как приятное и праздничное дополнение к жизни, приносящее удовольствия эстетического характера и не накладывающее никаких обязательств перед Богом и ближними. Больше на всякий случай, чем по убеждению, больше потому, что сегодня так модно, а не из-за того, что тонешь в житейском море, и некому спасти, кроме Христа. Отношение потребительское, не творческое, не деятельное...

Не у всех, конечно, бывают исключения, но не на них держится мир. Что можно сделать в такой ситуации? Как привести людей в Церковь сознательно, полных энергии и желания трудиться во славу Божию и ради спасения своей души? Может быть, не публиковать ничего в светских газетах и журналах, где очевидно издеваются над истиной, где кощунственно ставят христианство в ряд с описанием и прославлением самых страшных и гибельных пороков и грехов? Да, конечно,

это недопустимо, хотя преждевременно ругать людей, чьи заметки или интервью попали в соблазнительное соседство. Обычно, они об этом и не догадываются, пока не увидят материал на полосе. Многие уже и отказываются от такого «сотрудничества», наносящего урон авторитету Церкви.

Не так давно все та же газета «Московский комсомолец», так «удачно» совместившая беседу с архимандритом Кириллом и рекламу духов для секса, с возмущением описала случай, когда руководитель детской воскресной школы при храме Воскресения Христова на улице Неждановой в Москве отец Михаил Дронов не стал разговаривать с журналистами, пришедшими посмотреть, как идет в этой школе обучение. Журналисты с некоторым ироническим высокомерием поучают отца Михаила, что его поступок не совсем христианский, и уверяют читателей, что хотели послужить делу духовного возрождения отечества. Но раз неразумные церковники не понимают своей же пользы, то пусть так и остаются во тьме неизвестности. Им же хуже, — таков подтекст заметки.

Пока этот случай единичен, но он нашел отклик, самый одобрительный среди верующих. Видимо настает пора, когда после радостно-эйфорического отношения к любой публикации на религиозную тему, только бы не ругательной, подход к отношениям со светской прессой будет строиться на более серьезных основах.

Но в первую очередь необходимо, конечно, развивать церковную прессу. Возможно, помощью в этом будет изучение дореволюционного опыта, когда в России было множество периодических церковных изданий. В библиотеке Московской Духовной Академии хранится более двухсот наименований православных журналов и газет. Впрочем, часто разница между газе-

той и журналом была невелика, и по объему и по формату и по периодичности издания. Спектр периодики был необычайно широк. Вот только некоторые названия:

- Вестник военного духовенства
- Звонарь
- Вестник приходской жизни
- Миссионерское обозрение
- Монастырь
- Приходской листок
- Религия и школа
- Русский инок
- Церковно-приходская школа
- Церковная газета

Официальным органом Священного Синода был журнал «Церковный вестник», выходявший еженедельно объемом не менее двух печатных листов. Постоянными сотрудниками журнала были преподаватели СанктПетербургских Академии и Семинарии. Любопытна позиция редакции, заявившей в первом же номере: «От обидного глумления над чужими мнениями... от страстной и задорной полемики с воззрениями, противоположными ее воззрениям, редакция теперь же и навсегда отказывается... Как ни приучена наша читающая публика к «соли» и «перцу» современными органами печати, но редакция «Церковного вестника» охотно пожертвует значительной частью занимательности своих статей и крепости своих известий для того, чтобы сохранить серьезность и спокойствие тона в рассуждениях и избежать искусственной пикантности и тенденциозной фальши в известиях. Иначе она изменила бы достоинству своего журнала, как издания ученой корпорации высшего духовного учебного заведения и органа высшего духовного правительства.»

А вот программное заявление журнала «Вера и Церковь»: «Журнал имеет своей задачей отстаивать непререкаемую инстинктивность православной веры и жизненную силу ее церковности, завещанной отцами, в противодействие рационализму нашего времени.» Журнал «Вера и Церковь» хотя и не был органом Церковного управления, однако одобрен учебным комитетом и рекомендован многими епархиальными архиереями для чтения верующих.

От спокойной, самостоятельной позиции этих изданий отличается позиция начавшей издаваться в 1906 году в Харькове «Церковной газеты». Где сдержанность и академичность изданий, о которых мы говорили выше? Редактор — издатель священник Иоанн Филевский, приват-доцент Императорского Харьковского Университета, пишет: «Теперь век трибун, митингов, союзов, общественных организаций. Все партии идут под своим флагом. У всех в виду одна агитация в пользу своего дела. В такое время более всего чувствуется необходимость агитации (разумеется, в самом лучшем смысле слова) и в пользу религии, в интересах христианской культуры, в задачах Церкви...

Необходимо поднять «знамя Христа», зная духовной победы, победы добра над злом и неправдой, сил и идеалов светлых над темными людьми и идеями. Является нужда в культурных органах печати для пропаганды этих идеалов и этого добра.»

Как видим, история церковной печати дает достаточный простор для выбора образца подражания или материала для учебы и систематизации опыта. И сегодня в России создается православная христианская пресса. Известно, что долгое время официальным и единственным органом РПЦ был «Журнал Московской Патриархии». Он издавался небольшим тиражом и рас-

пространялся по храмам очень ограниченно, среди священников, настоятелей и старост.

После 1985 года — начала так называемой «перестройки» — стало возможно издавать самостоятельные журналы или альманахи такие, как «Слово», «Беседа», «Выбор», «Амвон». Наконец, в первой половине прошлого, 1989 года вышел первый номер православной общецерковной газеты, органа Московской Патриархии «Московский церковный вестник», объявленный первоначально еженедельником. Однако, до сего дня он выходит всего раз в две недели. Тираж доньше невиданный: 250 тысяч экземпляров. Минимум места газета отводит официальным сообщениям о назначении новых епископов, передвижениях по кафедрам и некрологам. Большая же часть — оригинальные материалы сотрудников газеты и ее авторов. Постоянные рубрики: «Проповедь», «Из святоотеческого наследия», «Пастырская беседа». Проповедь часто современных священников или епископов, иногда уже умерших, но всегда актуальные современные темы. Рубрика «Пастырская беседа» задумана для того, чтобы читатели газеты могли найти в ней ответы на волнующие их вопросы. Тема подбирается по письмам, или где-то из светской периодики. Специально приглашенный редакцией священник, которому эта тема близка, отвечает читателям. Иногда приходится посвящать одной теме несколько номеров. Например, об экстрасенсах и парапсихологах, заполонивших средства массовой информации, беседы публиковали не один раз: для устранения большого соблазна необходимо и сильное противодействие.

Иногда выходят и внеочередные, экстренные номера, как, например, посвященный первому фестивалю православных фильмов в Москве этой зимой, или смерти патриарха Пимена, который был выпущен че-

рез три дня после похорон. Для Издательского отдела Московского Патриархата такие сроки невиданны. В «ЖМП» информация публикуется с многомесячным опозданием.

В газете два отдела: «Церковной жизни» и «Церковь и общество». Первоначально был и богословский отдел, но затем было сочтено, что богословская окраска должна присутствовать во всех материалах газеты.

В последнее время газета, помимо храмов, распространяется и агенством «Союзпечать» в Москве и продается в киосках вместе с прочими светскими газетами. Однако, здесь она испытывает некоторые трудности в распространении. Первое время ее раскупали очень быстро, видимо из-за новизны и неудовлетворенного любопытства на «запретное». Однако, первое любопытство теперь удовлетворено, и газету стали покупать только постоянные читатели, которые, видимо с удовольствием подписались бы на нее, будь у них такая возможность. Однако, подписку провести сегодня невозможно из-за сопротивления Совета по делам религий и Союзпечати.

Это то, что касается центральных изданий. Однако, возникают и региональные. Принятое в начале года решение об образовании Белорусского экзархата и предоставлении большей самостоятельности Украине способствовало возникновению там самостоятельной церковной прессы. Это Минские епархиальные ведомости и Вестник Украинского Экзархата. Возникают и епархиальные издания. Например, в Костроме издается первый год замечательная газета — ежемесячник «Благовест». Издатель его — Костромское епархиальное управление, но делает его один верующий писатель, пожертвовавший ради святого дела своими литературными трудами, и отдающий все свои силы и все время газете.

Заметна разница в подходах редакторов этих газет. В Московской газете, конечно, больше сил и возможностей, сотрудники ее собирают материалы и факты текущей церковной жизни для быстрой их публикации... Приоритет здесь имеют материалы оригинальные, написанные специально для газеты на темы, иногда прямо и не относящиеся к церковной жизни, такие, как например, милосердие и благотворительность, священник в парламенте и т.д. В Костроме по недостатку сил такой подход невозможен... Основы газеты — републикации, подборки на заданные темы из святых отцов, из других церковных изданий давних или современных. Но газета от этого не проигрывает. Наоборот, она кажется гораздо более цельной и последовательной, чем «Московский Церковный вестник». В епархии на нее гораздо больший спрос, чем на московскую газету. Однако, из-за недостатка бумаги выходит она мизерным тиражом в три тысячи экземпляров и не удовлетворяет потребностей даже епархии, не говоря уже о соседних областях и Москве, где газету с удовольствием стали бы читать многие.

Похожий подход и у газеты «Православное чтение», цветной восьмиполосной газеты, которая издается лишь с начала этого года Московским Патриархатом. Заметно, что авторов у газеты больше, возможности, в том числе и полиграфические, значительно шире, однако, по стилю они похожи. Та же неспешная, более характерная для журнала, а не для газеты, подача материалов. Однако, судя по всему, новая газета и не гонится за актуальными материалами, не бежит давать срочные отклики на только что произошедшие события и находит своего читателя.

Нельзя сказать, что и все светские издания так плохи. Огромной популярностью заслуженно пользу-

ется литературная газета, выходящая в Иркутске, в издании которой принимает большое участие известный русский писатель Валентин Распутин. Там публикуются преподаватели академии и семинарий, известные священники и духовные публицисты. Несмотря на малый тираж (15 тыс. экз.) газету передают из рук в руки, делают копии и знают хорошо и в Москве. Номера чаще всего тематические, всегда выдержаны в строго православном духе. Несомненно, это одна из самых лучших газет, освящающая проблемы Церкви, несмотря на то, что по принадлежности она нецерковная.

Ситуация в обществе сегодня критическая. Общество возвращается ко Христу, и одновременно идет процесс извращения и профанации Православия в средствах массовой информации. Что проходит интенсивнее? Вернется ли русский народ к Богу, или заблуждения атеистические сменятся заблуждениями псевдорелигиозными? Пока ответа на этот вопрос нет. Это зависит от нас.

Идет духовная битва и любая помощь неоценима. Победа в ней иногда кажется невозможной, но Бог молитвами святых Своих, которыми еще и держится наша земля, может сделать невозможное.

Олег П. Ильинский

**К ВОПРОСУ О ПРАВОСЛАВНОЙ
ТРАДИЦИИ НА ФОНЕ СОВРЕМЕННОГО
НАМ РЕЛИГИОЗНОГО
И КУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА
В ЗАПАДНОМ МИРЕ.**

Ниже я позволю себе несколько замечаний, касающихся тех трудностей, так сказать, повседневной жизни, с которыми сталкивается русская православная традиция в контексте сложной кризисной ситуации сегодняшнего дня. Я коснусь только некоторых аспектов — это будет скорее постановка вопроса, чем его разрешение. Некоторый субъективизм в подходе к проблеме тут — неизбежен. Мои замечания продиктованы крайней озабоченностью. Я не считаю себя в праве говорить на тему «Православие в контексте современности», так как знаю, что для одной только постановки этой сложнейшей проблемы потребовалась бы целая книга. Думаю, однако, что хотя бы частично отдать себе отчет в происходящем — необходимо.

Жизнь человека на земле вообще — трагична, особенно трагична она в нашу, современную эпоху. Трагична она по разному — в России и в Западном мире, в котором мы живем. Мы Западный мир наблюдаем непосредственно. Наш взгляд на ситуацию в Западном мире в значительной мере определяется тем, что мы — носители православного христианства и русской культурной традиции. Современный религиоз-

ный кризис во всем мире воспринимается нами особенно остро. Мы, как православные, не имеем права игнорировать кризисную ситуацию в окружающем нас мире, любой кризис в христианском мире касается, таким образом и нас лично — и мы в какой-то мере за него ответственны, потому что Православие — обязывает. Мы уверены, что Православие не только может нам помочь разобраться в окружающей нас кризисной ситуации, но, в какой-то мере, наш опыт сможет и другим пригодиться, не только — нам.

Мы должны кратко ответить на вопрос — в чем суть современного кризиса и как мы можем на него ответить. Видим ли мы, вообще, какой-нибудь выход? А если положение — безвыходно, в чем причина безвыходности? У многих из нас есть дети, они — часть этой кризисной ситуации. Им трудно и нам трудно. Мы хотим помочь самим себе и детям. Но прежде всего, мы должны отдать себе отчет в том, что именно вокруг нас происходит. Разрешение всякой проблемы начинается с правильной постановки вопроса и с правильной формулировки.

В современном нам мире действует ряд фактов, которые в своей совокупности создают лицо нашего времени (я имею в виду как Европу, так и Америку, хотя это, собственно говоря, два разных мира, которые сейчас так или иначе — сблизилась). Главнейшие факторы современной ситуации — следующие.

а) Непрерывный калейдоскоп явлений разного происхождения, как-то: перенаселение, пестрый состав населения разных стран, столкновение и взаимодействие в одном государственном организме целого ряда чуждых друг другу культур, традиций и рас, ценностей (так называемый «плюрализм»). Ускоренный темп жизни, при котором традиции не успевают скла-

дываться, старшее поколение (которое в глазах молодежи быстро «отстает») не успевает передать молодежи своих ценностей и своего опыта. Сам этот опыт, при ускоренном темпе жизни и огромных сдвигах в научной области начинает казаться неприложимым к современности, отсюда пресловутый «разрыв между поколениями».

б) Колоссальное развитие точных наук, которые требуют от людей огромного интеллектуального напряжения и одновременно — вытесняют из человеческого сознания все остальные виды внутренней жизни.

в) Стяжательство и тяга к удовольствиям.

г) Недооценка гуманитарных наук и их упадок.

В результате этой ситуации, в которой действует еще множество факторов, здесь не указанных, происходит полный отрыв огромных человеческих контингентов от тех традиционных ценностей христианского мира, на которых всегда строилась культура. Ценности прошлого кажутся сегодняшнему (молодому) человеку чем-то «устаревшим» и не нужным. Кроме того, что особенно важно для нас, русских: в представлении русского молодого поколения, живущего за границей, русские ценности и русское культурное наследие зачастую искажены, не поняты или — поняты неправильно, восприняты нетворчески. Все русское (даже — русский язык) кажется смешным, провинциальным, тяжеловесным или даже — несуществующим и как-то — связывающим, потому что средний человек постоянно говорит и думает о том, что называется «свобода», часто — в совершенно уличном понимании этого сложнейшего явления. Интеллект современного человека часто очень активен, односторонен, так как направлен на явления и проблемы сегодняшнего дня. Иногда кажется, что человек в массе подсознательно уверен, что

он делает историю, и в то же время — его мышление — внеисторично, прошлое для него — закрыто, от прошлого он отталкивается, предполагая в нем что-то себе враждебное. Стоит сегодня заговорить о прошлом, как сей час же попадаешь в разряд скучных консерваторов и носителей нудной рутины. А между тем, без прошлого не возможно отдать себе отчет в настоящем.

Мы здесь ставим вопрос о православно-христианском взгляде на мир, о христианской культуре, традиции и ценности. Все эти понятия для кого-то возможно звучат прошлым, но в том то и дело, что разговор о них мы начинаем с утверждения их вневременности и, следовательно, для нас тут не о прошлом речь. Речь тут о том, является ли православное христианство реальной творческой силой, которая в будущем будем продолжать играть активную роль в истории культуры, или нет. Иными словами: неужели мы сейчас стоим перед двойной смертью — нашей физической смертью и смертью той духовной истины, которая нас создала и оформила и которую мы считаем абсолютной? Абсолютная правда выше всякой истории, выше времени. А если мы абсолютной правды не признаем, то мы, пожалуй, уже часть того кризиса и разложения, в которых мы часто и охотно упрекаем других. Вся суть современного кризиса состоит в том, что однобокий интеллект не хочет признать свою однобокость и отрицает наличие вневременной и абсолютной правды. Как эту правду определить и обосновать? Мы верим, что очень многое нам врождено. Нам естественно познавать, мыслить, верить, так же, как естественно дышать воздухом. Мы верим, что человек живет в ряде поколений, а не ограничивается только самим собой. Мы знаем, что позади у нас — как бы половина вечности, которая нас создала. Мы верим, что впереди у нас — в

иной, духовной форме — тоже — вечность. Почти всем, что есть у нас, мы обязаны другим.

Все мы связаны друг с другом и принадлежим прошлому в большей мере, чем настоящему. Прошлое — в нас самих, мы им созданы. Но в этой жизни нам дана свобода пропустить прошлое через себя, так сказать, через свое личное поведение, через то, что мы сумеем и захотим к прошлому добавить. Мы чисто физически — сложно соотнесены с нашим прошлым, но мы — не рабы прошлого, мы — творчески — живем в настоящем и будущем и наш сегодняшний день влияет на наш вчерашний — у Бога времени нет. Данная нам Богом свобода осуществляется нами в настоящем ради будущего и ради вечности. Вот это сложное сцепление и создает основу для традиции. В этой жизни наша свобода осуществляется через принятие решений, выражается в ответственных действиях. «Хочешь ли знать, кто ты такой — начни действовать и наблюдай за собой — ты увидишь себя со стороны,» — заметил один мыслитель. Но узнаешь, конечно, больше. Почувствуешь свою традицию, можно сказать — увидишь в лицо своих предков. Мы, следовательно, вовлечены в духовно-нравственную связь с другими людьми. Религиозная суть такой связи именуется соборностью. Часть кризиса современности заключается именно в том, что современный человек позабыл о своей связи с другими, о том, чем он другим обязан, чем он с ними связан. Тем самым он как бы изменил сам себе, отказавшись от традиции, ничего не зная о соборности, он оказался вне чувства плеча и сегодня платит за это трагическим одиночеством и отчужденностью (алианейшен), о которой сегодня так много пишут.

Формы современного атеизма, родившиеся из глупины отчужденного и однобокого интеллектуализма,

который не хочет знать никого и ничего, кроме самого себя, приобретают устрашающие размеры. Правда, современный интеллеktуал часто утешает себя тем, что мыслит социально. До известной степени и он прав. Но с нашей точки зрения, социальность есть ни что иное, как секуляризованное и сведенное до минимума чувство соборности. Ведь и христианство учит так сказать, социальности (если твой брат голоден — накорми его). А соборность не об одном только хлебе говорит, она всю человеческую душу устраивает и пестует... Соборность Церкви молится за другого, думает, творит за него, если сам он этого не делает. Церковная молитва за всех, благодать Церкви, литургия — это и есть выражение соборности. А современный — так сказать — массовый человек одинок, то есть, именно, не традиционен и не соборен, каких бы суррагатов он этим ценностям ни придумал. Он не знает, не хочет знать, или забыл, что вера есть вещей обретение невидимых (ап. Павел). Атеизм вероятно одна из страшнейших трагических тем современности. Добавим, что атеизм есть во многих случаях страшная форма пассивности. Словно так — проще. Атеизм живет в мире, в котором он не предполагает Бога, не предполагает, потому что не нуждается в Нем. Своеобразная «половинчатость ума» вообще характерна для современного массового интеллекта — интеллект без веры, настоящее без прошлого, интеллектуализм — без непосредственного чувства, свобода — без ответственности, узкая специализация общей культуры. Я заостряю, конечно, говорю лишь о тенденции, но она — налицо.

Мы кратко наметили основные черты современного нам кризиса — а ведь зачастую он доходит до полного нигилизма — о нем мы не говорим, но довести тему до логического конца — не трудно. Вместо этого

мы постараемся определить суть некоторых положительных понятий с христианской точки зрения, как например, понятие «культура». Культура — понятие многогранное и смежное с теми ценностями, о которых мы уже говорили. В религиозно-философском плане культура неминусемо связана с явлениями дисциплины, целеустремленности, традиции, воспитания и творчески-интеллектуальной активности. Именно эти понятия и находятся под ударом в окружающем нас мире. Сюда стоит еще добавить соотношенность культуры с абсолютной ценностью. Итак — в наше время человек, постоянно теряющий самого себя, должен быть себе возвращен, он должен быть не однобоким, а целостным. Задача эта очень трудная, многие сочтут ее в современных условиях — невыполнимой. Она несколько облегчается, если каждый из нас активно начнет с самого себя. Православие не может мириться с явлением половинчатого, опустошенного, а стало быть — неполноценного человека.

Всякий человек растет, не только ощущая наличие чего-то большего, чем он сам (в конечном счете — Бога, потому, что другой человек или даже — все люди вместе — всегда более или менее, повторение меня самого). Из ощущения Высшего рождается ответственность, дисциплина, воля к росту. Это и есть путь к культуре — умение осознать высшее и должное, перед ним преклониться — есть преодоление варварства. Если в этом контексте является интеллектуально-творческий комплекс, то он приобретает именно те формы, которые с точки зрения христианства и являются, собственно, культурой. Мерилом ценности является для нас христианская правда, то есть — воскресший Христос. От Него получают бытие все ценности культуры, образуя иерархически построенное целое. Это целое

приобретает свою целостность, следовательно в акте активной веры, этим же актом компенсируется однобокость интеллектуальных построений и половинчатость, ущербность сознания.

Несмотря на все кризисные моменты, и даже в связи с ними, во всем мире все же ощущается тоска по религиозной вере, по полноте личности, по полноте созерцания (ср. современные увлечения «медитациями» особенно, среди молодежи). В атмосфере всеобщего шатания становится очевидной необходимость «точки отсчета», то есть, некоего незыблемого пункта, по отношению к которому определялись бы все остальные ценности. Нам ясно, что для православного сознания такой «точкой отсчета» может быть только религиозное устремление. Но человек есть человек и ему, по его слабости трудно принять активное решение и последовательно выполнять вытекающие из этого решения требования. Одно дело — разумом понять, что утратив веру, человек теряет полноту личности да и многое другое, другое дело — волевым актом направить себя по религиозному пути. Кто не идет вперед, того бездуховное бытие будет тащить назад и у человека не хватит сил сопротивляться. Сопротивляться именно тому, что характерно для нашего времени — путь веры для многих людей сегодня (намеренно) компрометируется, а смысл религиозных понятий — искажается. Как часто забывают, что вера есть форма познания, притом — таких вещей, которые иным путем — не познаваемы. При нормальном соотношении, вера включает в себя, между прочим и интеллект, обогащает его своим опытом. Но естественно, что этот опыт дается не прежде веры и что он требует нравственного усилия и нравственного очищения. Вера не общедоступна, она дается в результате большой рабо-

ты над собой. Именно это и отталкивает современного человека, привыкшего к общедоступности, от религиозного пути. Разум говорит о том, что имеется в наличии, вера создает самые вещи, дает им жизнь.

Из сказанного выше явствует, что помочь современному человеку в его кризисе — очень трудно. Но ведь, говоря об этом человеке, мы и о себе говорим. Поэтому, нам важно мобилизовать свои силы, чтобы активно противодействовать возникновению такого кризиса в себе самих. Ясно, что в основе кризиса лежит неумение верить. Поэтому, наше основное внимание должно быть обращено на укрепление веры. Вера требует желаний, равнодушному сознанию она не дается. В процессе нравственного очищения происходит и процесс освобождения от того, что мешает продвижению вперед. Вера — в том же положении, как и всякое другое проявление внутренней жизни человека. Чтобы что-то сделать, чего то добиться, человек прежде всего должен этого захотеть, употребить усилие и создать условия для исполнения желаемого. Может быть, вера дается в последнюю очередь, как результат. Под лежащий камень вода, как известно, не течет. Именно это часто забывают те, кто уверяет, что не может верить. А многие и откровенно, не хотят. Вера не есть знание — она есть, скорее, особого рода интуиция, которая на своих верхах (у святых) превращается в точное знание вещей духовного порядка. Стоит ли повторять, что путь этот невероятно труден?

Чтобы стать хотя бы в предверие веры, нужно задуматься о своей внутренней жизни, захотеть стать свободным от внешних обстоятельств. Человек должен научиться жить внутри себя — эта внутренняя жизнь и станет его свободой в мире необходимости. Вера есть одна из форм нашей свободы («познайте

истину и она сделает вас свободными» — Ев. от Иоанна). В наше время так бесконечно много говорится о свободе, а люди, между тем, в понятии свободы — путаются — либо вообще ее не переживают, либо понимают свободу внешне, вместо того, чтобы развить себе опыт внутренней свободы, который дан нам в церковной соборности. Вера есть акт свободы, по существу она есть уход от мира, в мире свободен не будешь, необходимость слишком крепко держит. Мир всегда будет забивать нам голову своей общедоступной логикой. Современный человек в мире — одинок, но с Богом, в церковной соборности он одинок быть не может. Духовная связь между людьми, подвиг общения, совершенно необходимы, они есть составная часть нашей свободы. Люди устали от мира — выход им — в свободу, которую дает им вера. А если веры нет, то идти им — некуда, они останутся рабами, сами о том не зная, зная только бесконечную тоску и усталость. Вера по своей сути, есть часть опыта созерцания — а понятие и опыт созерцания совершенно забыты современным человеком. Мы должны вернуться к созерцательности. Нужно помнить, что человек обычно получает минимум столько, сколько вкладывает — на сегодняшний день он обычно хочет получать, ничего не вкладывая. В этом часть его кризиса, его пассивности. И естественно, что это путь порочный, заранее обреченный на неудачу.

Высказанные здесь соображения предполагают, как нечто разумеющееся само собой, то обстоятельство, что вера дается человеку по Божьей благодати, но здесь внимание сосредоточено на том, что должно исходить от человека — чтобы Бог считал нужным пойти на встречу человеческому стремлению — ведь, как уже сказано, под лежащий камень вода не течет.

Внутренний религиозный опыт каждого из нас, опыт индивидуального пути, плюс — соборное сознание — подскажет нам ответы на те вопросы, которые намечены выше. Современный кризис может быть преодолен только изнутри. Нужно захотеть. Но сделать так, чтобы другой захотел вряд ли возможно. Есть момент безвыходности. Но есть и реальная возможность себе помочь. Было бы жалко эту возможность пропустить.

VI ВСЕЗАРУБЕЖНЫЙ СЪЕЗД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ

С 4 по 11 августа 1990 г. в Монреале по инициативе Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви проходил VI Всезарубежный съезд русской православной молодежи. В работе съезда приняли участие 250 делегатов из всех стран русского рассеяния. В отличие от предыдущих съездов в этом году было много гостей из самых разных уголков России: из Москвы, Петербурга, Новосибирска, Донецка, Симферополя и др.

Общая тема съезда — «Путь к истине» — нашла отражение в следующих докладах: «Воцерковление жизни» (прот. Валерий Лукьянов, США); «Русская идея и современность» (М. В. Назаров, Германия); «Белая Россия — идеология религиозного и национального возрождения» (А. Казаков, Россия); «И. А. Ильин об основах русской христианской культуры» (проф. Н. П. Полторацкий, США); «Лития: Православие в миру» (прот. Виктор Потапов, США); «Духовный облик русского крестьянства» (В. А. Солоухин, Россия).

По каждой теме были проведены дискуссии под архипастырским руководством первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Виталия.

Каждый день совершались богослужения в Св. Николаевском кафедральном соборе, на которых присутствовала Чудотворная Иверская Мироточивая икона Божией Матери.

Съезд принял обращение к Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему митрополиту Виталию, Первоиерарху Русской Православной Церкви Зарубежом, а также к общественности России, русского зарубежья и Запада. Следующий съезд русской православной молодежи Зарубежья и России намечен на август 1991 г. в Аргентине.

Проф. А. Р. Небольсин

АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПО ОХРАНЕ РУССКИХ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

Многим читателям уже известно, что верующие в России относительно свободно собирают деньги на храмы и даже обращаются за помощью к зарубежным соотечественникам первой волны эмиграции.

Девять лет тому назад Владимир Солоухин, находясь в Нью-Йорке, выступил в Колумбийском университете, а затем и на собрании Американского общества по охране русских памятников культуры — АООРПК, где описал состояние Оптиной Пустыни и попросил помочь ее восстановлению.

Афганская война и репрессии Черненко и Андропова попрепятствовали возможности более существенно откликнуться на призыв Солоухина. Однако, поток писем, прошений и протестов все же способствовал делу спасения, например, часовни Блаженной Ксении и, до некоторой степени, той-же Оптиной пустыни.

Только за последние несколько лет стало возможным думать о более конкретной помощи реставрации церквей, дворцов, усадеб и исторических памятников. Во время недавней своей поездки в Ленинград, чтобы наладить отношения с Фондом культуры — детищем академика Д. С. Лихачева, я познакомился с энтузиастами экологии культуры, верующими и симпатизирующими возрождению церквей и российских традиций. Они мне рассказали о судьбе церкви св. великомученицы Екатерины. Ведущие активисты этого

начинания — настоятель церкви отец Николай Тетерятников, и инженер Чельцов — сын замечательного священника и новомученика отца Михаила Чельцова, и неформальное объединение «Мир», и журналист М. Талалай — ревнитель петербургской старины. К ним же относится художник Илья Глазунов.

Надеюсь, что и из заграницы кто-нибудь захочет поддержать старания этих подвижников. АООРПК, не имея собственных крупных средств, уже начало участвовать в сборе их путем устройства благотворительных вечеров и других начинаний. Реальная помощь очень нужна, но и доброе слово может подбодрить и поддержать этих ревностных деятелей, по нынешней моде именуемых экологами культуры.

АООРПК, действующее с благословения Церкви, сотрудничает с ИКОМОСом и многими русскими организациями. С момента своего создания в 1979 году Общество предприняло несколько начинаний с целью помочь реставрации русской старины. Так например, хлопоты о судьбе церкви св. Дмитрия около Юсуповского имения Архангельское, переписка по поводу имения Долгоруких близ Серпухова, забота о судьбе храма Преображения Господня в Кижях, распространение журналов «Русское Возрождение» и других, содействие писательнице Сюзен Масси и архитектору М. Вивер.

В 1988 году Общество отметило Тысячелетие Крещения Руси выставкой русских художников в зале Синода в Нью-Йорке. Ранее эти картины выставлялись в помещении Оушн-Клуб и в Русской Школе.

За истекшее десятилетие председателя Общества А. Р. Небольсина неоднократно приглашали читать доклады о русском культурном возрождении. Он побывал в Мюнхене, Франкфурте, Париже, Салерно и Лис-

сабоне. Он выступал также в Нью-Йорке, в зале Рахманинова Св. Серафимовского Фонда, в Школе Толстовского Фонда и в различных университетах и храмах.

Члены Общества, семья Хлебниковых участвовала в прошлом году в работе съезда рода Пушиных — первого генеалогического мероприятия проведенного в СССР. Члены общества — семьи Холодных и Ланжерон, а также И. Охотин побывали в Кижях, в Даниловом монастыре, в Оптиной пустыне, в Пушкинских Горах. Все они привозили в Россию книги, справочники, каталоги. Отец председателя общества, Р. А. Небольсин, предложил ученым в России свой технический архив методов очищения воды.

АООРПК посещали приезжавшие сюда деятели русской культуры И. Огурцов, В. Осипов, И. Глазунов, В. Белов, Н. Кудрявцева, Г. Васильева, М. Соколов, Е. Образцова, Ф. Медведев, Г. Орлеанская, Е. Егорьева, Н. Стивенс, А. Станиславский и др.

Хотя АООРПК как правило не касается политических вопросов, несколько лет назад Общество решило, в связи с развитием русофобских традиций, пригласить специалиста по русскому вопросу Дэвида Моро и просить его устроить в Республиканском клубе симпозиум о русском национальном движении. Его прекрасный доклад был позже напечатан и распространен среди русской эмиграции, а также опубликован Конгрессом Русских Американцев. В симпозиуме участвовали конгрессмен Ле Бутелье, адмирал Море и пишущий эти строки. Интересны были комментарии участников дискуссии: кн. Щербатова, Н. Сампсидис, конгрессмена Билли Грина, А. Холодного и, особенно, Л. Волкова.

О деятельности Общества за последнее десятилетие были публикации в газетах Нью-Йорк Таймс, Сити Трибюн, Русская жизнь.

ПРОТОПРЕСВИТЕР АЛЕКСАНДР КИСЕЛЕВ

Къ житию своего на мѣсѣхъ рныхъ и противныхъ и
гн и не оубоу страшился есѣ Хрѣтіане . дерз
ша тѣкошелицы и раітницы .

ПУТИ
РОССИИ

ПУТИ РОССИИ

ОПЫТ РАССМОТРЕНИЯ ПРОШЛОГО КАК ОСНОВЫ БУДУЩЕГО

«Сойдемся, братья и друзья, сыновья русские, составим слово к слову и возвеличим землю Русскую».

Слово Софония-Рязанца о великом князе Дмитрие Ивановиче и брате его Владимире Андреевиче.

«Идти вперед может только ПАМЯТЬ, а не забвение».

М. М. Бахтин

«Летописцы предшествующих XI-XV вв. подвергли тексты используемых ими летописей весьма скупой и осторожной переработке. Они пытались сохранить точки зрения своих источников. Поэтому в летописи не было единой авторской точки зрения, а выражаемые взгляды многих авторов, более или менее поверхностно редактировавшихся последним из летописцев, объединившим летописные тексты своих предшественников».

Д. С. Лихачев

*«Нам не дано предугадать,
как слово наше отзовется...»*

Ф. И. Тютчев

ВСТУПЛЕНИЕ

Приступая к выполнению задачи, поставленной этой книгой, я отдаю себе отчет в том, что она столь же ответственна, сколь и необходима, необходима столь же, сколь необъятна. Будучи далек от мысли, что я лично мог бы внести в историческую науку, философский или научный анализ нечто новое, я, однако, надеюсь собрать в единое целое хотя бы некоторую часть из того колоссального богатства прозрений, мыслей, исследований многих авторов, которыми мы обладаем.

Книга эта должна обрадовать каждого православного русского человека, ибо из собранного в ней явствует, что действительно существует некая скрепляющая нас сила. Православие, пронизав собою русскость, сделало ее скрепой народа и не только самого русского ядра России, но скрепляет в одно целое славянские, христианские и даже нехристианские народы, проникающиеся этим российским оправославленным самосознанием.

Работая над этой книгой, я постоянно радовался, находя подтверждение своим мыслям и вере, которые встречал в высказываниях людей большого ума и высокой этики. Они говорили о самом мне дороже так, как я сам не смог бы высказать. Если и допустить, что все же смог бы, то для кого авторитетным могло бы быть мое мнение?

Настоящая книга, хотя и передает иногда сложные умозаключения, обращена не к ученым специалистам, но ко всем рядовым русским людям, способным любить Россию и ощущать судьбы своего народа, как свои собственные. Мой труд

над этой книгой заключается, главным образом, в работе составителя.

В годы 1000-летия Крещения нашего народа, нам не столько следует подводить итоги, сколько, опираясь на опыт прошлого, научиться правильно действовать в будущем.

Русскому сознанию характерна целостность интереса, углубление в суть, в корень вопроса о смысле человеческой жизни. Жизнь не самоцель. Она должна быть понята в ее космическом, вселенском объеме, способном осмыслить вопрос: для чего жить!

В конечном итоге, этим вопросом вдохновлялась вся наша русская жизнь: литература, наука, философия. На это благословляла нас наша православная вера.

В рассмотрении подлинных путей России и ощущения потребности им служить, заключается замысел этой книги.

...
Книга эта была почти закончена в 1980 году и только теперь у меня появилась возможность ее издать. Следовательно, рукописи уже 10 лет. Время течет быстро и часто сказанное год тому назад уже устарело. С такими мыслями сел я перечитать рукопись. И что же? Я убедился, что книга выдержала искус времени, ибо то, что составляет историко-философскую сущность книги, что было сказано выдающимися русскими людьми десятки лет тому назад, именно теперь приобретает полноту своей силы и необходимость для тех, кто сейчас строит будущее нашего отечества.

Больше всего хотел бы я, внуки мои и правнуки — в прямом и общем смысле, чтобы выска-

занное в этой книге стало вашей «путевкой в жизнь», дошло бы до глубин вашего сознания и чтобы вы ответили на это драгоценное наследство предков ваших волевым претворением его в жизнь...

Протопр. Александр Киселев

Книгу можно заказать по адресу:

Put' Zhizni
St. Seraphim Fund
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025
U.S.A.

Стоимость книги: \$ 15.

Ю. Б. ИЗВЕСТЬЕВ

РОССИЯ В УЧЕБНОЕ

1915

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обычно историю минувшей эпохи пишут не современники, а их потомки тогда, когда тайные документы описываемого времени становятся достоянием гласности. Этим достигается устранение субъективного подхода в описании исторических событий.

В наше время это мудрое правило утеряло свой смысл. Даже при самых благоприятных условиях ни мы, ни грядущие поколения не смогут ознакомиться со всеми необходимыми, для правильного описания исторических событий советского периода русской истории, документами. Многие из них погибли в огне первых же дней революции, когда толпа, руководимая выпущенными из тюрем политическими и уголовными преступниками, громила государственные учреждения. Немало ценных документов погибло во время Гражданской и II Мировой войны. Еще больше их уничтожено и продолжает уничтожаться советской властью, желающей замести следы, совершенных ею преступлений.

По данным известного и весьма осведомленного советского журналиста, Сергея Григорьянца, сейчас «уничтожается память» о тех «десятках миллионов русских и украинцев, латышей и узбеков», которые погибли «в годы сталинского террора, до и после него. . .» Из десятков миллионов следственных дел и приговоров «двоек», «троек», ОСО (Особого совещания), уничтоженных в 60-70 годы, в архивах областных и краевых судов, в прокуратурах КГБ, в Особом архиве оставались последние сотни тысяч. В ближайшие годы завершится и их уничтожение».

Поэтому Григорьянц 27 июля 1987 г. обратился к ген. секретарю ЦК КПСС с просьбой «немедленно воспрепятствовать уничтожению последних крох памяти о миллионах наших замученных и невинно погибших отцов и дедов».

Одновременно он просит национальные и международные объединения историков, социологов, политологов — всех, кому дорога история человечества, «поддержать его обращение и допустить историков к изучению еще сохранившихся их остатков в советских архивах».

Помимо исчезновения многих и многих очень важных документов, перед будущими историками встанет еще одно невероятно трудное и почти неразрешимое препятствие. Если когда-нибудь и будут опубликованы секретные советские архивы, то к ним нельзя будет относиться с полным доверием, так как очень многие из хранившихся в них документов фальсифицированы, особенно сталинского времени.

Сейчас на нашей Родине все сильнее и сильнее проявляется желание узнать наше прошлое, ознакомиться с подлинной историей нашей страны. «читатели предъявляют строгий счет историкам, утратившим общественное доверие из-за постоянного переписывания истории в угоду и во славу отдельных личностей. . . Да, нужна правда, но вся. Полуправда та же ложь» («Известия» от 8 августа 1987 г.).

Подобных высказываний-требований в современной советской прессе можно найти множество. И это понятно, — ведь современное поколение не видело дореволюционной России, не знает причин, вызвавших ее крушение, и не пережило всех, рожденных революцией, ужасов, вы-

павших на долю нашему народу: гражданской войны, военного коммунизма, голода, ежовщины, страшных поражений советской армии в первые годы Второй мировой войны и потрясающего разорения страны германцами. Все это оно знает, но лишь из советских источников, к которым потеряло всякое доверие.

При Ленине воспитание советских граждан проводилось в чисто марксистском, интернациональном духе. Единственным дозволенным историческим трудом была, написанная М. Н. Покровским и одобренная лично Лениным, «Русская история с древнейших времен», в которой совершенно игнорировались национальные интересы России и все исторические события объяснялись исключительно материальными, классовыми интересами.

На рубеже 1929-30 гг. изучение русской истории было вообще запрещено, исторические факультеты были закрыты. В 1934 г., когда появилась угроза войны, было восстановлено преподавание «гражданской» истории, но она представляла собой не что иное, как смесь интернациональной классической доктрины с незначительной порцией национальной культуры, и должна была служить прославлению советских вождей.

С приходом к власти Хрущева начали приоткрываться народу некоторые тайны советской власти. Однако все сводилось лишь к порицанию «культы личности» и все злодеяния власти объяснялись исключительно отрицательными чертами характера Сталина и тем, что он отклонился от ленинской доктрины.

Теперь, при Горбачеве, объявившем «Глас-

ность» панацеей от всех бед, стали более откровенно говорить и писать об «ошибках» прошлого и требовать их исправления. Но и здесь поставлена точная граница, — можно критиковать что угодно, но не саму систему, кого угодно, но не основоположника всех, совершенных властью, преступлений Ленина.

Но люди хотят знать всю правду, а не только часть ее. Они требуют создания новых учебников, которые «должны качественно, а во многом и принципиально отличаться от тех, которыми в течение десятилетий пользовалась советская высшая школа» («Вопросы истории КПСС» № 7. Июль 1987 г.).

Но где взять эти учебники? В Советском Союзе их нет и неизвестно будут ли, и когда?

В последние годы и среди зарубежной русской молодежи началось возрождение русского патриотизма, тяга к России и желание изучить ее историю. Но здесь она наталкивается на серьезное препятствие: учась в иностранных школах, она принуждена проходить русскую историю так, как ей ее преподносят иностранные преподаватели и, составленные ими, учебники.

Иностранцы никогда не любили, не понимали Россию и боялись ее возрастающего могущества. Когда постигло ее великое несчастье — разразилась революция, они не скрывали своей радости. Все несчастья, постигшие наш народ за последние 70 лет и все преступления советской власти они приписывают не ей, а характеру нашего народа, считая, что каждый народ заслужил свою власть.

Своих граждан иностранцы, со школьной

скамьи, воспитывают в духе неприязни к России и ее историю приподносят в умышленно искаженном виде. Одним из ярких примеров этого может служить то, что пишется в распространяемой среди американских школьников газете «America's classroom newspaper SCHOLASTIC NEWS» от 6 октября 1987 г.: «До 1917 года Советский Союз назывался Россия. Ей правили короли называемые царями. Многие цари были жестокими к своим подданным. Царь Николай II был особенно жестоким. Подданные Николая были бедными, голодными и уставшими от войны, в которой они сражались. Но Николай II сказал им сражаться дальше! Вскоре, все же, солдаты не захотели воевать за своего царя. В 1917 г. они посадили его в тюрьму...»

В русской литературе (особенно зарубежной) есть множество очень серьезных исторических трудов, написанных русскими историками, бывшими государственными, политическими и общественными деятелями, а также воспоминаний очевидцев, в которых авторы не только излагают события последнего века, но и подвергают их глубокому, всестороннему объективному анализу. Однако все эти труды охватывают не весь XX век, а посвящены либо отдельным событиям, либо отдельным его периодам.

Питая надежду, что моя работа, хотя бы в какой-то степени, послужит удовлетворению жажды нового поколения (как живущего на родной земле, так и пребывающего на чужбине) познать прошлое и осмыслить настоящее своего

Отечества, я взял на себя смелость, не дожидаясь появления фундаментального изложения истории России XX века, дать краткий ее обзор...

Ю. Измestьев

Адрес издательства:

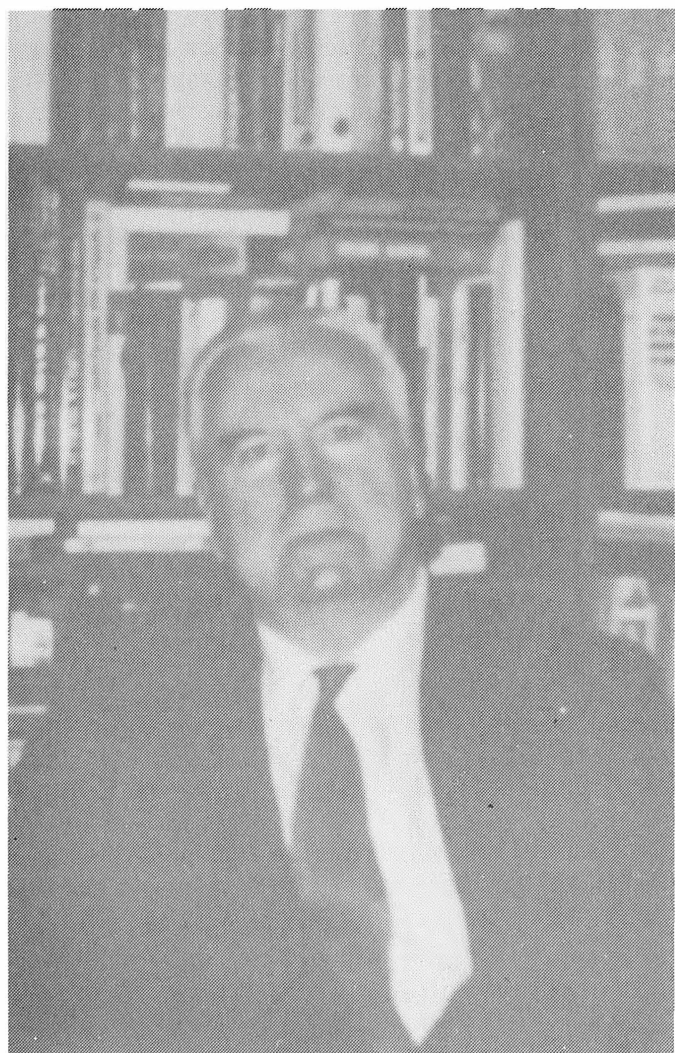
“Pereklichka” c/o Mr. N. V. Kaziakin
109-64 Park Lane South
Richmond Hill, N.Y. 11418
USA

Стоимость книги: \$ 25.

Умер Н. П. Полторацкий

14 октября с. г. в Ленинграде, где по приглашению Ленинградского Университета он должен был прочесть курс лекций, скончался выдающийся исследователь русской философской и общественной мысли, доктор Университета Сорбонны (Париж) Николай Петрович Полторацкий. Проф. Полторацкий родился в 1921 году в Константинополе (Турция), высшее образование получил в Германии и Франции. С 1955 года проф. Полторацкий жил в США, где вел огромную научную работу — в течение многих лет он возглавлял кафедру славяноведения в университете Питсбурга (штат Пенсильвания). Круг научных интересов проф. Полторацкого был очень широк. Ряд его статей, посвященных проблемам русской культуры XX века, вошел в его книгу «Россия и Революция», 1988 г. Много времени и труда проф. Полторацкий отдавал исследованию философской проблематике и личности И. А. Ильина. Научные заслуги проф. Полторацкого перед памятью этого большого русского мыслителя очень велики. Недавно вышла книга проф. Полторацкого «Иван Александрович Ильин — жизнь, труды, мировоззрение», 1989 г.

Проф. Полторацкий был активным участником журнала «Русское Возрождение» и постоянно бывал на

наших съездах.

Редакция журнала «Русское Возрождение» глубоко чтит память проф. Полторацкого и выражает сочувствие вдове покойного в постигшем нас всех горе.

Редакция

НАШИ ИЗДАНИЯ

- ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ.
В. Н. Ильин.
206 стр. 10 долл.
- ИЗБРАННОЕ. Борис Зайцев.
252 стр. 10 долл.
- РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ (Сборник статей).
Е. Е. Климов.
263 стр. Иллюстрации. 10 долл.
- ЛЕТО ГОСПОДНЕ. Ив. Шмелев. 15 долл.
- ОБЛИК ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА (Записки военного священника). Прот. Александр Киселев.
200 стр. Фотографии. 15 долл.
- ВОСПОМИНАНИЯ. М. В. Добужинский.
400 стр. Иллюстрации. 15 долл.
- ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
В РУССКОЙ ИСТОРИИ. Прот. Александр Киселев.
144 стр. Многочисленные изображения икон Богородицы в
красках. (Издание Комитета русской молодежи) 17 долл.
- АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ
САРОВСКОМУ. Приложение.
1. Биографический и библиографический материал
2. Ноты
3. Богослужебные тексты из всеобщего бдения 4 долл.
- О ПОДВИГЕ ОБЩЕНИЯ (Беседы). Архиепископ Сергей
Правский. 4 долл.

- ...ПАМЯТЬ ИХ В РОД И РОД (то, что надо знать, сохранить, донести). Прот. Александр Киселев.
112 стр. Твердый переплет, редкие фотографии. 12 долл.
- ПУТИ РОССИИ (Опыт рассмотрения прошлого как основы будущего). Протопр. Александр Киселев.
184 стр. Иллюстрации в красках. 15 долл.

Заказы можно направлять по адресу:

Put' Zhizni
St. Seraphim Foundation
322 West 108st Street
New York, N. Y., 10025

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
<i>Прот. В. Зеньковский</i> — Наша эпоха	9
*** — Откровенные рассказы странника	35
<i>Нея Зоркая</i> — Письмо из Москвы	55
<i>Стихи</i> — А. Черный — «На чужбине». Теффи — «Феодосья». Л. Вилькина — «Посмертное стихотворение».....	69
<i>Свящ. В. Дронов</i> — Поэзия Даниила Андреева.....	72
<i>Кн. О. И. Оболенская</i> — Картины жизни	80
<i>Д. К. Мейер</i> — Мы — помещики	109

Съезд русской православной общественности

<i>Олег Ильинский</i> — Четырнадцатый съезд	137
<i>Иеродиакон Ефрем (Красовский)</i> — Валаамский монастырь.....	143
<i>Михаил Дудко</i> — Церковная печать.....	157

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

<i>Проф. О. П. Ильинский</i> — К вопросу о православной традиции на фоне современного нам религиозного и культурного кризиса в западном мире	171

Хроника

— VI Всезарубежный съезд русской православной молодежи	181

<i>Проф. А. Р. Небольсин</i> — Американское общество по охране памятников культуры	183

Книжная полка	186

Памяти ушедших

Умер Н. П. Полторацкий	198

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Независимый русский православный национальный журнал

Подписка:

	США и Канада	Франция	Германия
На 1 год	28 ам. долл.	150 фр.	50 н. м.
Воздушной почтой	44 ам. долл.		
Отдельный номер	8 ам. долл.	45 фр.	15 н. м.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату, насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на:

Russkoe Vozrozhdenie — St. Seraphim Foundation, Inc.

Подписную плату следует посылать:

Russkoe Vozrozhdenie — St. Seraphim Foundation, Inc.
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

В Европе, Канаде и Австралии — нашим представителям.

**Желаю подписаться на «Русское Возрождение»
на 199... г.**

Фамилия:

Имя и отчество:

Адрес:

С пересылкой обыкновенной почтой

воздушной почтой

добавляю поддержку

Подпись:

Дата:

RUSSIAN RENASCENCE

Printed in U.S.A. New York, N.Y.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

АВСТРАЛИЯ:

Сидней — Mr. N. M. Serebriakov, P. O. Box A 310, Sydney South 2000,
N. S. W. Australia.

Мельбурн — Mr. A. Souprounovich, 7 Rendell Crt., Oakleigh 3166,
Victoria, Australia.

Аделаида — Miss G. N. Lobatchevsky, 58 Elizabeth St., Croydon,
South Australia 5008.

ГЕРМАНИЯ и АВСТРИЯ:

Herr V. A. Kutsche, Diesel Str. 19, Munchen 50, Germany.

КАНАДА:

Торонто — Mrs. I. Bielay, 474 Palmerston Blvd., Toronto Ontario
M6G 2P1 Canada.

Монреаль — Miss Sofia Apraxine, 5316 Duquette, Montreal, Quebec,
H4A 1J4 Canada.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ:

Нью-Йорк — St. Seraphim Foundation, 322 W. 108th Street, New York,
N.Y. 10025.

Mr. A. O. Rodzianko, 272 Germonds Rd., West Nyack, N.Y. 10994.

Вашингтон — Mrs. G. Tunik-Rosniansky, 4920 Weaver Terrace N.W.,
Washington, D.C. 20016.

Массачусетс — Mrs. E. Vorobey, 16 Custer Street, Jamaica Plain,
MA. 02130.

Калифорния — Mr. A. Miroshnichenko, P.O. Box 1353, Belmont,
CA 94002.

ФРАНЦИЯ:

Париж — Mme Marina Deruquine, 17, rue de Boulainvilliers, 75016
Paris, France.

Русские люди!

За грехи наши и за грехи отцов наших Бог посылает нам испытания.

Будем просить Его о прощении. А чтобы молитва наша была сильна и чтобы Бог услышал нас, будем молиться Ему все в одно время: по московскому времени в 6 часов утра.

Встал ли ты только с постели, или идешь на работу, или уже на работе, читай про себя в уме молитву о спасении России. А чтобы молитвы всех молящихся слились воедино, читай не торопясь несколько минут:

Отец наш небесный!

Именем Господа нашего Иисуса Христа и Матери Его, Пресвятой Девы Марии и всех святых Твоих, молим Тя, услыши нас грешных молящихся Тебе. Прости грехи наши и грехи отцов наших.

Спаси землю русскую — удел Богоматери и русский народ от всех врагов его, и укрепи державу Твою и веру православную.

Святый Боже! Святый крепкий! Святый бессмертный помилуй нас!

(три раза)

И. Ланской
Jordanville, N.Y. 13361

Присоединяясь к идее И. С. Ланского, призываем всех участвовать в молитве за спасение России. Другим изданиям предлагаем перепечатать воззвание.

Редакция